

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.
ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ под редакцией и с критико-биографическим
очеркомъ А. М. Скабичевскаго и с приложениемъ портрета Шеллера.
ТОМЪ ПЕРВЫЙ Приложение къ журналу "Нива" за 1904 г. //Издание А. Ф.
МАРКАСА, С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1904
FB2: "rvvg ", 02 July 2015, version 1.0
UUID: 9CBFD1C2-BD30-4D27-89CC-E4EAD6C9101B
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Александр Константинович Шеллер- Михайлов

Гнилые болота

ШЕЛЛЕР, Александр Константинович, псевдоним — А. Михайлов (30.VII(11.VIII).1838, Петербург — 21.XI(4.XII).1900, там же) — прозаик, поэт. Отец — родом из эстонских крестьян, был театральным оркестрантом, затем придворным служителем. Мать — из обедневшего аристократического рода.

Ш. вошел в историю русской литературы как достаточно скромный в своих идейно-эстетических возможностях труженик-литератор, подвижник-публицист, пользовавшийся тем не менее горячей симпатией и признательностью современного ему массового демократического читателя России. Декларативность, книжность, схематизм, откровенное морализаторство предопределили резкое снижение интереса к романам и повестям Ш. в XX в.

Содержание

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА	0006
Часть первая	0011
I Мои родственники играютъ комедію, а я — двухлѣтній ребенокъ — не понимаю ея и плачу	0011
II Жизнь моего отца	0027
III Жизнь моей бабушки	0040
IV Жизнь моего дяди	0056
V Жизнь моей матери	0071
VI Жизнь моихъ родителей и мое дѣтство	0087
VII Ecole, Schule, школа для дѣвицъ г-жи Соколовой (во 2 этажѣ, по 3 лѣстницѣ, Но кв. 21)	0101
VIII Вступленіе въ новый міръ	0114
IX Продолженіе	0128
X Продолженіе	0142
XI Благодарственное вліяніе сильно развитаго воображенія	0153
XII Второй школьный годъ	0170
XIII Дядя и бабушка	0183
XIV Бабушка на время удаляется со сцены	0195
XV Четвертый годъ въ школѣ	0203
XVI Горе	0216
XVII Тяжелые дни	0226
XVIII Публичный актъ	0235

XIX Заключение первой части	0247
Часть вторая	0257
I Первые ясные дни юности	0257
II Встрѣча съ Розенкампомъ	0269
III Второй классъ и новые учителя	0283
IV Одинъ изъ уроковъ Носовича	0298
V Юноши начинаютъ жить	0320
VI Старые знакомые	0335
VII Моя будущая тетушка	0345
VIII Женитьба дяди	0357
IX Послѣдніе мѣсяцы въ школь	0370
X Бабушка сходитъ со сцены	0388
XI Публичный актъ	0400
XII Прощанье съ читателемъ	0411

А. К. ШЕЛЛЕР-МИХАЙЛОВ
ГНИЛЫЯ БОЛОТА
ИСТОРИЯ БЕЗЪ ГЕРОЯ
ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

ПОСВЯЩАЕТСЯ МОИМЪ ОТЦУ И МАТЕРИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА

Если читатель ищетъ въ романѣ занимательной завязки и потрясающихъ сценъ, если онъ считаетъ концомъ каждой исторіи смерть или, по крайней мѣрѣ, женитьбу героя, если онъ признаетъ только ту завязку, которая основана на любви или уголовномъ преступленіи, — то совѣтую ему не тратить драгоценнаго времени и не читать этой исторіи. Въ ней нѣтъ ни потрясающихъ сценъ, ни любви, ни преступленія, ни героя. Всѣ ея дѣйствующія лица остаются до конца исторіи почти такими же, какими были на первой ея страницѣ. Дѣти немного подрастутъ, старики немного состарятся, но, можетъ-быть, каждому придется еще лѣтъ десять мыкаться по свѣту, коптить небо и преслѣдовать тѣ же интересы, которые онъ преслѣдовалъ, если только у него таковыя имѣлись. Въ характерахъ людей и въ общественной жизни не бываетъ скачковъ и внезапныхъ переворотовъ. Медленно осушиваются гнилыя болота! Перевороты изумляютъ своею неожиданностью только близорукихъ

и глуховатыхъ людей, не знающихъ, что истинный переворотъ совершался въ теченіе многихъ трудныхъ лѣтъ. Близорукіе и глуховатые люди всегда видятъ и слышатъ выстрѣль и вздрагиваютъ въ испугѣ. Если бы они видѣли, какъ устанавливалось огнестрѣльное орудіе, какъ оно заряжалось, какъ прикладывался къ затравкѣ фитиль, — имъ не пришлось бы вздрогнуть и испугаться...

Я романовъ не пишу. У меня накопилось множество записокъ близкихъ мнѣ людей, и однѣ изъ нихъ я рѣшаюсь издать теперь. Быть-можетъ, читатель не повѣритъ въ возможность существованія оконченной исторіи безъ свадьбы и смерти, и будетъ думать, что я рѣшился, по благому примѣру древнихъ и новыхъ русскихъ писателей, порадовать публику обрывкомъ будущаго великаго произведенія, показать кончикъ холста, на которомъ лѣтъ черезъ десять вырастутъ деревья, выстроятся дома, закопошатся неутомонные люди и широко раскинется голубое, прозрачное небо, — но гдѣ теперь представляется любопытнымъ взорамъ недоумѣвающаго

зрителя только одинокій стебель крапивы да кустъ цѣпкаго репейника... читатель ошибется. Эта исторія окончена; второго, дополнительнаго тома не будетъ. Она должна быть признана оконченною по тѣмъ же соображеніямъ, по какимъ признаются таковыми двадцатилѣтній юноша и семнадцатилѣтняя дѣвушка, сіяющіе яркимъ румянцемъ здоровья, полныя надеждъ на будущее и уже готовые къ жизни. Можетъ-быть, они еще на долгое время сохранятъ и яркій румянецъ, и прелесть молодыхъ лицъ, можетъ-быть, ихъ надежды стануть еще полнѣе и отчетливѣе; но, читатель, если вы когда-нибудь любили, не хотѣлось ли вамъ сохранить въ своей памяти свѣтлый образъ любимаго существа именно такимъ, какимъ онъ былъ въ минуту первой встрѣчи съ вами, въ пору его расцвѣтанія, когда вы чуткимъ сердцемъ предугадали, какой плодъ дастъ въ будущемъ едва распустившаяся благоухающая почка?

Чудныя, святыя мгновенія надежды на человѣческую личность, вѣры въ ея здоровыя силы! да не смутить васъ никогда голосъ

утрюмой, во всемь обманувшейся старости, твердящій: «Не вѣрь ни во что! И мы видѣли такіе же цвѣты, но плодовъ отъ нихъ не было; цвѣты оказались пустоцвѣтомъ. Долгіе годы борьбы, страданій, трудовъ погубятъ молодое здоровье, утомятъ свѣжія силы и обманутъ надежды. Высохнутъ эти полныя щеки, спадетъ съ нихъ румянецъ, и изъ-подъ высохшей желтой кожи мелькнетъ призракъ скелета. Отъ живого человѣка пахнѣтъ и мертвецомъ!» Страшныя слова, зловѣще сливаются они съ дребезжащимъ старческимъ смѣхомъ! И всѣмъ, кто молодъ и кто вѣритъ въ молодость, хочется сказать: «Неправда! Вы не видали такихъ цвѣтовъ: ваши цвѣты росли въ душныхъ теплицахъ, ихъ берегли отъ дыханія свѣжаго, вольнаго воздуха, и при первомъ его дуновеніи они должны были погибнуть. Мы ожидаемъ плодовъ не отъ такихъ цвѣтовъ».

А кто рѣшитъ ихъ споръ?

Стократь счастливъ тотъ, кто не слыхаль словъ праздно свѣрившейся старости, кто унесъ въ своей памяти хотя одинъ милый образъ, который, какъ яркій лучъ, изъ мрака

прошедшаго, озаряль одинокую душу своей красотой, своей любовью и твердой вѣрой въ свои силы. Счастливъ читатель, который окончилъ чтеніе хотя одного романа и не потупилъ въ отчаянны головы, но поднялъ ее и бодро, и весело устремилъ свои взоры за героями въ ихъ будущую, неизвѣстную ему, читателю, жизнь, въ страну вымысла, созданную его пробужденнымъ воображеніемъ. Въ этой странѣ свѣтлые образы навсегда останутся свѣтлыми, и никакого пятна не наложить на нихъ наша грязная жизнь. Свѣтлое настроеніе охватить душу читателя и промелькнетъ въ его головѣ мысль: «еще можно жить на свѣтѣ, еще есть хорошіе люди, они мнѣ какъ будто знакомы»...

Знакомы, читатель, знакомы! Хорошихъ, простыхъ людей много, умѣйте только ихъ искать; сами о себѣ они не кричатъ: это тихіе, но гордые люди. Дурные дѣлаютъ больше шуму...

10 октября 1863 года.

Часть первая

I

**Мои родственники играют комедию,
а я — двухлѣтній ребенокъ — не
понимаю ея и плачу**

Въ одинъ изъ субботнихъ вечеровъ все наше семейство собралось около небольшого круглаго стола.

На столѣ шумѣлъ и сопѣлъ самоваръ. Какъ старый, некстати болтливый другъ, посвященный во всѣ семейныя тайны, онъ добродушно напѣваль о томъ, что въ домашнемъ запасѣ еще есть и чай, и сахаръ, и что никто изъ присутствующихъ не ляжетъ нынче спать, не согрѣвъ своего тѣла, достаточно продрогшаго въ одной изъ тѣхъ холодныхъ квартиръ, въ какихъ рождаются, страдаютъ ревматизмомъ и гемороемъ и умираютъ отъ чахотки петербургскіе бѣдняки. Звуки этой веселенькой и безпечной, какъ беранжеровскій припѣвъ, пѣсни успокоительно дѣйствуютъ на небогатыхъ людей, возвѣщая имъ минуту

отдыха и собирая ихъ въ тѣсный кружокъ. Заслышавъ знакомую пѣсню, собралась и наша семья. Мой отецъ оставилъ верстакъ и рубанки, отеръ широкою ладонью крупныя капли трудового пота, покрывавшія его большой, умный лобъ, и занялся чтеніемъ перевода одного изъ безконечныхъ англійскихъ романовъ. Матушка, чтобы не помѣшать отцу, вполголоса разговаривала со своею матерью, красивую женщиною, одѣтою въ щегольское шелковое платье, составлявшее рѣзкую противоположность съ простенькимъ нарядомъ ея дочери и со всей обстановкой нашего жилища. Я же, тогда еще двухлѣтій ребенокъ, сидя на высокомъ стулѣ и ожидая подачи, обзрѣвалъ все окружавшее меня, озаренное неяркимъ свѣтомъ единственной сальной свѣчи. Взрослые и дѣти всегда занимаются этимъ дѣломъ отъ скуки, отыскивая, нельзя ли чѣмъ-нибудь поиграть. Свѣча озаряла предметы, хорошо извѣстные каждому небогатому русскому человѣку, принадлежащему къ сословію мѣщанъ или къ разночинцамъ. Неуклюжій самоваръ, дѣланный фтуле, какъ гласила надпись на немъ, фарфоровый чай-

никъ, приземистый и толстый, какъ купецъ, зажирѣвшій отъ празднаго сидѣнья въ лабазѣ и отъ вѣчнаго чаепитія, бѣлая фаянсовая чашки и сахарница родной фабрикаціи съ нарисованными на нихъ сѣрыми людьми, весьма похожими на воткнутыя въ землю головастыя булавки, съ сѣрыми же цвѣтами и разрѣзанными дынями, весьма похожими на разгрызенные каленые орѣхи-двойчатки, ложки польскаго серебра съ обглоданными краями, давно пожелтѣвшія и потерявшія свой недолговѣчный блескъ, слизанный вмѣстѣ съ прилипавшимъ къ нимъ сахаромъ, — вотъ все, что было доступно моимъ глазамъ. Эти вещи и въ давнопрошедшія времена своей незавидной молодости были не изъ числа красивыхъ и, даже лежа на пыльномъ окнѣ въ дрянной лавчонкѣ, ни разу не заставили прохожаго остановиться и со вздохомъ подумать: «эхъ, чортъ побери, кабы деньги, всю бы, кажется, лавку откупилъ!» Покупая ихъ, не думалъ справляться покупатель: дѣйствительно ли этотъ пузатый самоваръ дѣланъ фтуле, точно ли Зайцевъ произвелъ на свѣтъ эти чашки? Покупалъ онъ ихъ пото-

му, что цѣна показалась сходною, отдавалъ своей хозяйкѣ-женѣ, и начинала она помыкать ими, какъ помыкають невзрачными бѣдняками, назначенными самой судьбой на помыканье. А теперь эти вещи такъ затерлись и обшмыгались, что не могли занять даже неприхотливаго вниманія ребенка и говорили ему лишь о недостаткахъ бѣдности, еще непонятной, но уже нисколько не привлекательной для него.

Мнѣ хотѣлось, вѣроятно, найти что-нибудь лучшее, но и остальные знакомыя мнѣ принадлежности нашей комнаты, погруженные въ полумракъ, были не казистѣе тѣхъ, которыя находились передъ моимъ носомъ. Сурово смотрѣли на меня изъ темныхъ угловъ и массивный шкафъ съ бронзовой отдѣлкой, и брюхастый комодъ, почти почернѣвшій, и стулья съ тяжелыми, потусклыми спинками и засиженными, клеенчатыми, твердыми, какъ дерево, подушками. Какъ фантастическій призракъ съ желтоватымъ лицомъ, отбрасывая по стѣнѣ длинную тѣнь, висѣли часы съ огромнымъ, разрисованнымъ передкомъ; тяжело опускались ихъ свинцовыя гири, и ма-

ятникъ отчетливо и твердо выбиваль свое вѣчное «тикъ-такъ»: что, дескать, вы ни толкуйте, а время идетъ и идетъ своимъ чередомъ. Прочія стѣны по верхамъ были голы, кромѣ одной, гдѣ красовался портретъ какогото господина. Господинъ держать въ рукѣ перо и словно наблюдалъ за тѣмъ, что дѣлалось у насъ... У бѣдняковъ, самыхъ непрактичныхъ людей въ мірѣ, почти всегда есть какая-нибудь завѣтная вещь, какой-нибудь чубукъ въ бисерномъ чехлѣ, обкуренный неизвѣстно куда заброшеннымъ другомъ, какая-нибудь дрянная, немного вольнаго содержанія картинка, воспоминаніе проказъ молодости, обдѣланная въ голубую съ золотымъ бордюромъ рамку, замасленная и зачитанная книга, или что-нибудь тому подобное, обыкновенно ни на что негодное, не имѣющее никакой цѣны въ глазахъ постороннихъ людей и потому остающееся у владѣльца даже тогда, когда онъ, освобожденный отъ прочей поклажи услужливыми кредиторами, отправляется на казенные хлѣбы въ долговое отдѣленіе. У богачей нѣтъ подобныхъ вещей: у нихъ есть золото. На него ку-

пили они сотни друзей, равно имъ надоѣвшихъ и постылыхъ, и уже, конечно, не можетъ радовать ихъ чубукъ, обкуренный однимъ изъ этихъ прихлебателей. За то же золото насмотрѣлись они до тошноты на самыя отвратительныя скоромныя картины, даже видѣли въ натурѣ изображенныя на нихъ сцены. Не дорожатъ они какой-нибудь однажды прочитанной умной книгой, потому что у нихъ есть средства и время купить и прочесть новыя кннги, столь же умныя и столь же ненужныя для нихъ, какъ и старая. Богачъ не понимаетъ привязанности бѣдняка къ вещи, какъ къ другу, — бѣднякъ не постигаетъ пресыщенія и мертвящей апатіи богача. Такою любимою вещью-другомъ былъ для моего отца упомянутый портретъ. Отецъ сдѣлалъ къ нему прекрасную рамку, единственный красивый предметъ въ нашемъ жилищѣ, и, при переѣздахъ на новыя квартиры, заботливо приискивалъ мѣсто для своего любимца. Въ этихъ случаяхъ происходилъ между моими родителями слѣдующій, памятный мнѣ разговоръ.

— Гдѣ ты думаешь, Вася, повѣсить порт-

реть своего Крылова? — спрашивала матушка.

— Я думаю, не на этой ли стѣнѣ повѣсить? — говорилъ отецъ и прикладывалъ портретъ къ избранному мѣсту. — Посмотри, Соня, хорошо ли будетъ такъ?

— Не мѣшало бы пониже спустить

— Вотъ сюда?

Отецъ опускалъ портретъ пониже.

— Да, вотъ теперь какъ разъ, хорошо.

Семейный совѣтъ кончатся, важный вопросъ получалъ окончательное рѣшеніе, — гвоздь вбивался въ стѣну, и портретъ вѣшался. Нѣсколько минутъ отецъ любовался. «Дѣйствительно хорошо», думалось отцу.

Знакомые предметы, знакомыя рѣчи! На вашъ счетъ высказалось столько остроумій и насмѣшекъ, что, наконецъ, бѣдные, простые люди сами стали стыдиться васъ, хотя именно въ васъ-то и таятся единственные источники отрады и поэзіи ихъ простой, незатѣйливо сложившейся жизни.

Я кончилъ обзоръ нашей комнаты. Оно продолжалось на дѣлѣ не такъ долго, какъ вышло на бумагѣ, но я нарочно распростра-

нялся, потому что эта обстановка имѣла большое вліяніе на мой дѣтскій характеръ. Веселѣ мнѣ не стало, игрушки не нашлось. Въ нашей квартирѣ въ теченіе недѣли визжала отцовская пила, свистѣли рубанки, стучалъ молотокъ, раздавался веселый голосъ моей матери, и часто звучали разговоры нѣсколькихъ дѣвушекъ, занятыхъ шитьемъ женскихъ нарядовъ, слышалось броженіе трудовой, честной и здоровой жизни. Въ описываемый же субботній вечеръ всевозможныя будничныя работы привелись къ концу, и въ домѣ царствовала тишина. Дѣвушки ушли къ своимъ роднымъ, моя семья спѣшила насладиться заслуженнымъ отдыхомъ. Хорошая эта была тишина! Но не могъ же наслаждаться ею двухлѣтній ребенокъ. Дѣти — годовыя или пятидесятилѣтнія, — это все равно, — любятъ, чтобы ими занимались; если ихъ, видимо, не замѣчаютъ, они начинаютъ скучать и капризничать. Передо мною никто не хлопалъ въ ладоши, не картавилъ: «агу, Сяшенька!» и не выдѣлывалъ тѣхъ животики-надрывающихъ штукъ, которыя предназначаются старыми дѣтьми для развлечения

малыхъ дѣтей: я скучаль. Разныя гримасы выражали мое нетерпѣніе, но ихъ не замѣчали! За гримасами непременно послѣдовали бы слезы и крики: «мама, цаю!» если бы мои глаза не остановились на предметѣ, такъ ярко озарявшемъ картину непривѣтной жизни. Блестящее, вспыхивающее пламя раздвоившейся свѣтильни сальной свѣчи овладѣло моимъ вниманіемъ. Наслаждаясь созерцаніемъ мерцающаго огонька, я, вѣроятно, разсудилъ, какое выгодное мѣсто займетъ эта свѣтлая игрушка посреди моихъ обглоданныхъ и увѣчныхъ солдатиковъ, давнымъ-давно побѣжденныхъ мною.

«А ну-ка, возьми меня, — подмигивала игрушка, — поиграй!» Я сталъ протягивать къ ней коротенькія ручонки. Никто, кромѣ отца, хотя онъ и читалъ, не замѣтилъ моихъ движеній, и добрый отецъ поспѣшилъ исполнить желаніе любимаго сына: онъ подвинулъ ко мнѣ свѣчу. Я быстро хватилъ огонь, и въ то же мгновеніе комната огласилась криками, полились долго подступавшія къ глазамъ слезы, благо представился подходящій случай поплакать. Тутъ-то и началась комедія, совер-

шенно непонятная мнѣ и только потому не вызвавшая моего смѣха. Разказы о всѣхъ ея подробностяхъ и о множествѣ другихъ случаевъ изъ моей дѣтской жизни я слышалъ-по нѣскольку разъ отъ родителей и могу ихъ передать вѣрно до мельчайшихъ подробностей.

— Что ты сдѣлалъ, Вася! — упрекнула матушка отца, подбѣгая ко мнѣ и осматривая мою, выпачканную саломъ, но почти не обожженную руку.

— Даль попробоватъ Сашѣ, какъ жжется огонь, — хладнокровно отвѣтилъ отецъ, потомъ поправилъ свѣтильню и поспѣшилъ, приняться за прерванное чтеніе, какъ будто тутъ-то и было самое занимательное мѣсто въ романѣ.

— А-ахъ, варваръ, злодѣй! — закричала бабушка, путь не падая въ обморокъ, и вышла изъ себя отъ негодованія. — Нарочно подвигнуть свѣчу: къ двухлѣтнему сыну, чтобы онъ сгорѣлъ, уродомъ сдѣлался!

— Сгорѣть-то я ему не далъ бы, — съ улыбкою отвѣчалъ варваръ:— а безъ этого урока, можетъ-быть, онъ и сдѣлался бы уродомъ.

— Это что за новости? Сдѣлался бы уродо-

мъ безъ вашего глупѣйшаго урока? (Бабушка въ сердцахъ всѣмъ говорила: вы дуракъ, а не ты дуракъ). Отчего же, скажите пожалуйста, другія дѣти не дѣлаются уродами? Будьте столь добры, Василій Александровичъ, объясните!

Бабушка разводила пальцами, словно въ нихъ подергивало каждую жилку.

— Не дѣлаются, потому что- Богъ милуетъ, или няньки берегутъ; у насъ же нянекъ нѣтъ, а на Бога надѣйся, да и самъ не плошай, говоритъ пословица, — серьезнымъ голосомъ объяснилъ отецъ.

Онъ былъ терпѣливый человекъ.

— Мужичья пословица, какъ и всѣ пословицы! У васъ чувствъ родительскихъ нѣтъ, для васъ сынъ все равно, что муха: налетѣла на-огонь, сожгла крылья — туда и дорога! А теперь у ребенка рука-то разболится, и что еще съ ней будетъ — Богъ знаетъ. *Parvge enfant!*

Отецъ упорно читалъ, но обвиненія и допросы не кончились.

— Опять борьба! — сказалъ звучный мужской голосъ.

Въ комнатѣ уже съ минутою стоялъ матушкинъ братъ, красивый и стройный господинъ, совершенно неопредѣленныхъ лѣтъ, не то юноша, не то тридцатилѣтній мужчина. Дядя, повидимому, любовался семейной сценой и выжидалъ удобной минуты для своей фразы.

— Какая борьба! Я подвинулъ къ сыну свѣчу, а матушка отъ этого вспыхнула, — сострилъ отецъ, закрывая книгу и пожимая нѣжную дядюшкину руку.

— Il est fou, cher Pierre, — загорячилась бабушка и принялась на французскомъ языкѣ съ величайшими подробностями дѣлать изъ мухи слона. — Вразуми хоть ты его, — заключила она свой разговоръ.

— Peut-être il a ses raisons.- небрежно замѣтилъ Пьеръ, муха показалась ему настоящимъ слономъ, и онъ уже считалъ себя призваннымъ для вразумленія отца. — Точно, странный урокъ! Твоя теорія воспитанія очень опасна, — продолжалъ онъ мягкимъ, неторопливымъ и вкуснымъ голосомъ, какъ челоуѣкъ, отыскивающій вкусъ въ новомъ, поданномъ на пробу кушаньи, и сталъ удобно

усаживаться на диванъ, подложивъ подъ локоть подушку. — Опытъ — дѣло хорошее; но ребенку онъ можетъ обойтись дорого, — и игра не будетъ стоить свѣчь. Ошибокъ, увлеченій, даже страданій наберется много, — но разовьютъ ли они въ немъ вѣрный взглядъ на вещи? Вотъ въ чемъ вопросъ, какъ говорить Гамлетъ.

Начало послѣдней фразы произнеслось по-англійски.

— Ха-ха-ха! — засмѣялся отецъ. — Кто тебѣ сказалъ, что у меня есть какая-нибудь теорія воспитанія? Я просто счелъ неудобнымъ, коверкая языкъ, объяснить сыну, что отъ огня будетъ пипи или биби... Я увѣренъ, что онъ не понялъ бы меня и заплакалъ бы точно такъ же, какъ заплакалъ теперь. Зато ему не вздумается въ другой разъ тянуться къ огню, и, значить, я избавилъ его въ будущемъ отъ ненужныхъ желаній и слезъ. Какая же тутъ теорія? И гдѣ намъ выдумывать теоріи!

— Зачѣмъ же самоуниженіе? Зачѣмъ мѣщанство мысли и выраженія? «Гдѣ намъ!» Что же мы? бессмысленныя животныя, бездушныя машины? Я гораздо охотнѣе предпо-

ложу, что ты дѣйствовалъ во имя теоріи, убѣжденій, чѣмъ соглашусь съ твоимъ объясненіемъ поступка. Отвергая въ немъ теоретическое начало, ты прямо говоришь: сегодня я сдѣлалъ такъ, завтра я поступлю иначе; у меня нѣтъ никакихъ взглядовъ на дѣло воспитанія. Это полное сознаніе въ безсмысленности своихъ дѣйствій.

— Ну, нѣтъ; взгляды-то есть, а все же, милый ты человекъ, теоріи воспитанія у меня не имѣется, — наукамъ я не учился! Я буду именно поступать такъ сегодня, иначе завтра, смотря по обстоятельствамъ. Это не теорія! Вѣрь ты мнѣ, что не намъ создавать теоріи, — убѣждалъ отецъ своего противника.

Дядя пожалъ плечами.

— Мысли, сейчасъ высказанныя тобою, уже есть теорія. Но ты не хочешь сознаться въ этомъ. У тебя упрямая и скрытная натура, ты настоящій русскій му-у-у...

Вмѣсто слова дядя, быть-можетъ, первый разъ въ жизни, испустилъ коровье мычаніе; подражаніе вышло такъ хорошо, что онъ даже сконфузился. Отецъ улыбнулся.

— Спасибо за комплиментъ! Выпьемъ луч-

ше чайку, чѣмъ толочь воду въ ступѣ и спорить о словахъ.

— Оттого-то и дѣлаются всѣ мерзости, пакости и пошлости у насъ на Руси, что разрѣшеніе вопросовъ, обмѣнъ мыслей называется толченіемъ воды въ ступѣ,- горячо заговорилъ дядя и, вѣрно, разрѣшился бы отъ бремени долговязымъ незаконнорожденнымъ монологомъ о паденіи Россіи, если бы отецъ не испугался и не поспѣшилъ прервать его.

— Петръ Ивановичъ, чай стынетъ-сь! — насмѣшливо крикнулъ отецъ.

Дядя подмѣтилъ выраженіе его голоса, еще разъ пожалъ плечами: пропащій, молъ, ты человекъ! — и принялся кушать чай.

Покуда горячилась бабушка и ораторствовалъ дядя, матушка вытерла мою руку, приложила клочокъ ваты къ пальцу и дала мнѣ кусокъ сахару, булки и чаю, посмѣиваясь въ душѣ надъ этой бурей въ стаканѣ воды.

Спустя нѣсколько времени, подобная исторія повторилась снова; только главная роль досталась не свѣчѣ, а самовару, недавно вычищенному, ярко блестящему и напол-

ненному кипяткомъ. Мнѣ захотѣлось его погладить, — ну, и погладилъ. Но послѣ второй попытки я уже велъ себя весьма прилично. При появленіи свѣчей и самовара, я чинно складывалъ руки на столъ или подъ нимъ и издали любовался коварными оболъстителями. Я даже выказалъ очень раннюю способность сортировать въ одну группу однородные предметы, оказавъ равное съ самоваромъ почтеніе кофейнику, до котораго не дотрагивался ни разу. Послѣ этихъ уроковъ меня не боялись оставлять одного въ комнатѣ, надѣясь на мое благоразуміе и опытность, и лестное довѣріе драгоцѣнныхъ родителей было вполне оправдано ихъ признательнымъ сыномъ.

Много подобныхъ вечеровъ и подобныхъ комедій совершилось въ дни моей дѣтской жизни, и я смотрѣлъ въ недоумѣніи на дѣйствующихъ лицъ, не зная, нужно ли мнѣ плакать или смѣяться надъ ними. Такъ смотрятъ въ театрѣ на говорящихъ актеровъ актеры безъ рѣчей, вызванные на сцену по волѣ автора пьесы; имъ неловко, они не знаютъ, какое выраженіе придать своему лицу, куда и

какъ встать и куда дѣвать свои руки, которыя, — вѣдь могъ же случиться такой казусъ! — вдругъ оказались такъ-таки совсѣмъ ни на что не нужными и лишними. Покуда придется мнѣ играть эту незавидную роль, я постараюсь рассказать потихоньку моему читателю исторіи отца, бабушки, дяди и матери; время между тѣмъ промчится, и мнѣ будетъ возможно выступить на сцену дѣйствующимъ лицомъ.

II

Жизнь моего отца

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія какой-то простодушный добрякъ (много такихъ добряковъ было въ то время) привезъ изъ Малороссіи въ Петербургъ семилѣтняго сироту Василья Рудаго и, неизвѣстно для чего и почему, опредѣлилъ его въ театральное училище. Долго тосковалъ ребенокъ по роднымъ черешнямъ: и сочнымъ арбузамъ, по своей дѣтской волѣ; часто плавалъ онъ и звалъ какого-то Хому, но Хома, быть-можетъ, также тосковавшій по ребенкѣ, не слышалъ призы-

вовъ, и тщетно лились горячія слезы дитяти. Приходилось поневолѣ примириться съ новою жизнью, потому что старая прошла безъ возврата; утихъ ребенокъ и покорился своей судьбѣ... Два или три года французъ-балетмейстеръ — та самая личность, подѣ палкой которой впервые началъ чахнуть Мартыновъ — истощалъ всѣ силы и средства, стараясь вывихнуть по-своему руки и ноги неуклюжаго мальчугана. Онъ напрасно испортилъ нѣсколько фунтовъ горячей французской крови, обломалъ объ ученика нѣсколько палокъ, назвалъ его разъ сто «свинь, скотинь, сѣнь, соломъ, войнъ дровъ», и, наконецъ, передалъ его въ руки трубача-музыканта. Форма губъ мальчика заставила училищное начальство подозрѣвать въ немъ способность къ игрѣ на трубѣ. Въ тѣ блаженно-наивныя времена оно руководствовалось только подобными соображеніями относительно способностей воспитанниковъ. И точно: дуть въ трубу ребенку было легче, чѣмъ, подѣ палкою балетмейстера, становиться на носки и выдѣлывать антраша.

Василій Рудый окончилъ курсъ наукъ два-

дцати лѣтъ. Онъ умѣлъ, съ ошибками писать на трехъ языкахъ, правильно говорить на одномъ русскомъ и лихо волочиться за актрисами. Послѣдняя наука процвѣтала въ театральномъ училищѣ всегда, особенно же тогда. Игра на трубѣ въ оркестрѣ, волокитство, охота на Трухтанскомъ, Кругломъ и Батарейномъ островахъ и шумныя попойки въ пріятельскихъ кружкахъ, гдѣ собиралась разнословная кутящая молодежь, наполняли жизнь молодого человѣка, быстро разрушая его здоровье. На четвертый годъ службы, Рудый почувствовалъ утомленіе и, по мнѣнію докторовъ, долженъ былъ оставить трубу или познакомиться съ чахоткой. Умирать не захотѣлось. Пришлось искать новыя средства для поддержанія существованія. Въ театрѣ открылась вакансія суфлера. Рудый засѣлъ въ суфлерскую будку и принялся за дѣло. Сначала дѣло шло хорошо; но однажды роковыя 28 и 29 страницы репетируемой пьесы склеились вмѣстѣ, и отецъ замѣшкалъ, подсказать реплику главному актеру. Артистъ, не имѣвшій позорной привычки учить роль, осерчалъ и ткнулъ ногою въ суфлера, такъ

что тотъ едва успѣлъ закрыть лицо тетрадью. Поступокъ не выходилъ изъ предѣловъ театральныхъ нравовъ; но Рудый не перенесъ его; онъ вскочилъ съ мѣста, швырнулъ тетрадь въ лицо актеру и убѣжалъ изъ театра, убѣжалъ навсегда. Такъ кончилась первая и послѣдняя попытка отца суфлировать гдѣ бы и кому бы то ни было. Вырвавшись изъ этого міра мелочныхъ дрызгъ и происковъ, наглыхъ бездарностей и забитыхъ дарованій, взяточниковъ и развратниковъ, вѣтреныхъ любовниковъ и любовницъ, мишурныхъ героевъ и героинь, сдѣлавшихъ, изъ своей жизни одну длинную и отвратительную комедію, въ которой погибло, множество честныхъ и даровитыхъ личностей, опутанныхъ мелкою тиною гнилого болота, отецъ вдругъ очутился одинъ посреди шумной столицы, лицомъ къ лицу съ дѣйствительною жизнью, — съ жизнью безроднаго нищаго.

Мужикъ по рожденію, полуобразованный, не знающій жизни, забытый пошлыми пріятелями, онъ въ недоумѣніи размышлялъ, за что приняться. Долго размышлять не было времени, приходилось зарабатывать деньги

на хлѣбъ. На первыхъ порахъ онъ переписывалъ ноты, исполнялъ всевозможныя порученія, бѣгалъ за ничтожную плату изъ одного конца города въ другой, истощалъ всѣ силы, чтобы зашибить копейку и не умереть голодной смертью гдѣ-нибудь подъ заборомъ. Натерпѣлся онъ мукъ отъ людей! Надо было имѣть много душевныхъ силъ и малороссійскаго упрямства, чтобы перешибить обухъ плетью, пробить стѣну лбомъ и не погибнуть нравственно. Отецъ пережилъ все, не погибъ и черезъ два года опредѣлился на службу.

Отецъ, брошенный судьбою въ одинъ изъ омутовъ нашей прошедшей жизни, былъ закруженъ водоворотомъ и не имѣлъ ни силъ, ни желанія задать себѣ вопросы: хороша ли эта жизнь? нѣтъ ли лучшей? Кругомъ него всѣ жили этою шумною, безпутною жизнью, весело послѣ пятаго стакана пунша лились увѣренія въ дружбѣ, въ любви, громко звучали беззастѣнчивые поцѣлуи; въ немъ кипѣла молодая, неуходившаяся кровь, — о чемъ же было тутъ думать? чего желать? Онъ даже не понималъ, что не труба, а именно эта раз-

гульная забубенность разрушала его малороссійскую натуру, требовавшую покойнаго и тихаго душевнаго счастья и готовую переносить всѣ физическіе труды и невзгоды. И вотъ теперь вдругъ онъ оглянуль омутъ протрезвленными глазами: омутъ сталъ противень. Умъ началъ работать, заставилъ разглядѣть людей, вывести обо всемъ свои заключенія и, наконецъ, стряхнувъ грязь и болотную тину съ человѣческой личности, показалъ ее во всей ея природной красотѣ. Въ молодомъ человѣкѣ воскресъ ребенокъ-малороссъ, но ребенокъ съ твердою волею, съ могучими руками.

Люди, знавшіе отца прежде, не узнавали его по прошествіи роковыхъ двухъ лѣтъ. Онъ былъ лысъ и въ остаткахъ черныхъ кудрявыхъ волосъ проглядывала сѣдина. Между бровями врѣзалась глубокая морщина, придававшая его доброму лицу выраженіе суровой строгости. Онъ ходилъ тверже прежняго, поднимавъ голову, никому не протягивая впередъ руки, не уступая дороги. «Я иду по законной правой сторонѣ и не обязанъ сторониться, если встрѣчный вздумаетъ идти по лѣвой», го-

вариваль отецъ. Вы, вѣроятно, часто видѣли и сами разыгрывали ту уморительную уличную сцену, когда два встрѣтившіеся человѣка толкаются то въ ту, то въ другую сторону, извиняются, краснѣютъ и снова сталкиваются носъ съ носокъ, проклиная въ душѣ другъ друга и снова извиняясь. Этихъ-то сценъ и не бывало съ отцомъ; онъ столбомъ останавливался передъ налетѣвшимъ на него человѣкомъ. и говорилъ: «а не возьмете ли вы вправо?» Казалось, что, говоря съ человѣкомъ, онъ думалъ: «что бы ты мнѣ ни говорилъ, я тебѣ не повѣрю: слова — вѣтеръ. Покажи мнѣ своими дѣлами, что ты за птица, и, можетъ-быть, я стану тебя уважать. Теперь же ты иди своимъ путемъ; мы чужіе, ты мнѣ не нуженъ». И точно, люди, съ своимъ безцѣльнымъ добромъ и безсознательнымъ зломъ, были ему не нужны. Благодареній онъ не просилъ, злобы не боялся: онъ зналъ выносливость своихъ силъ. Притѣсненія дѣлали его только сильнѣе и тверже: огонь дѣлаетъ изъ дерева пепель и превращаетъ гибкое желѣзо въ твердую сталь; отецъ былъ скованъ изъ желѣза. И люди сторонились отъ

него; они боялись его пронизательныхъ, заглядывающихъ въ чужую душу глазъ и не любили его холодной улыбки, молчаливо указывавшей имъ ихъ мелочность, подлость и пошлость. «Звѣрь!» говорили они, встрѣчая отца, и, какъ-то мизерно съежившись, уступали ему дорогу.

Но, Боже мой, какое наивное, какое добродушное дитя въ душѣ былъ этотъ звѣрь! Мнѣ кажется, только въ мужикахъ и въ малороссахъ могутъ соединяться эта упорная сила, мужественная смѣлость и наружная суровость съ наивнымъ добродушіемъ, младенческимъ простосердечіемъ и дѣтски-лукавою веселостью, не убиваемою ни годами, ни страданіями, ни «мертвыми домами»...

Часто гляжу я на твой портретъ, мой старый батъко, и на портреты твоихъ угрюмыхъ усачей-земляковъ, и грустно мнѣ, что ни одинъ художникъ не уловилъ въ вашихъ суровыхъ лицахъ того внутренняго свѣта, который видятъ въ нихъ даже малыя дѣти. Что дѣти видятъ его, это я знаю навѣрное. Иначе чѣмъ же объяснить ту довѣрчивость, съ которою сбѣгались къ тебѣ, батъко, всякіе ребя-

тишки? И лазили они по тебѣ, и тормозили остатки твоихъ лоснистыхъ волосъ, и тащили тебя на полъ. Осилать, бывало, тебя, неосиленнаго большими, и звонко, звонко хочутъ... Громче всѣхъ смѣешься ты самъ, большое дитя, вылѣзая изъ-подъ кучи навалившихся на тебя ребятъ, и твердишь имъ: «не всѣ же вдругъ, не всѣ же вдругъ!» Я знаю, что, глядя на эти сцены, благочестивыя черносалопницы, кормившія своихъ и чужихъ дѣтей пинками и подзатыльниками, набожно крестились и шептали: «вотъ, — на вѣтеръ будь сказано, — разыгрался чортъ съ младенцами, не къ добру»... Ты чуялъ этотъ шопоть, и мало-по-малу черносалопницы исчезли изъ нашего дома. Но чуешь ли ты, что теперь, читая эти строки, написанныя твоимъ сыномъ, сотни будто бы умныхъ, будто бы развитыхъ людей, въ сущности такихъ же жалующихся на судьбу и праздныхъ черносалопницъ, осмѣютъ тебя, назовутъ эти сцены приторными, а тебя юродствующимъ старикомъ? «А пусть ихъ, на здоровье!» слышится мнѣ твой отвѣтъ и твердо опускаетъ твоя могучая рука тяжелый молотъ, расплющивая круглый ку-

сокъ мѣди въ тоненькую пластинку. Вижу я тебя работающимъ на пожарѣ, поднимающимъ съ улицы пьянаго мужика, отдающимъ послѣднюю копейку просящему, хотя этихъ копеекъ не много у твоей семьи. «Я ихъ зарабатую», оправдываешься ты передъ семьей. Часто тебя обманывали; часто говорили тебѣ близкіе люди, что надо быть разборчивѣе и не давать денегъ каждому просящему.

— Что тутъ разбирать! Просить — значитъ деньги нужны.

— Можетъ-быть, на вино.

— Можетъ-быть, — лаконически отвѣчалъ ты.

Наша семья знала, чѣмъ объяснить этотъ странный взглядъ на благотворительность. Во время отставки, отецъ почти два мѣсяца пилъ, и только сила желѣзной воды могла побѣдить эту страсть. «Вино иному нужнѣе хлѣба, — объяснялъ отецъ:- сдѣлайте такъ, чтобы оно стало не нужно, и тогда, пожалуй, не давайте денегъ на него». Такихъ характеристическихъ случаевъ, какъ пьянство, было много въ жизни отца; они образовали его взгляды на жизнь и на людей. Всѣ его

убѣжденія сложились подъ вліяніемъ дѣйствительности, изъ книгъ онъ не почерпнулъ ничего; забавлялся иногда чтеніемъ переводныхъ англійскихъ романовъ, но читалъ съ толкомъ и любовью только басни Крылова. Воспоминаній онъ не любилъ ни горестныхъ, ни отрадныхъ. «Дѣлать людямъ нечего, такъ они и перетряхаютъ ветошь», рѣшилъ онъ, и жилъ настоящимъ.

Вотъ вся исторія моего отца.

Васъ, читатель, можетъ-быть, удивитъ эта личность, и вы назовете ее исключительною. Вы будете не правы. Вы могли не замѣтить этого типа, потому что вы ничего не замѣчали, что само не кричало о себѣ. Прочитайте снова большую часть любимыхъ, написанныхъ и прочитанныхъ вами, второстепенныхъ рассказовъ съ сытыми героями-помѣщиками, которымъ и хлѣбъ, и деньги валились съ неба, а не добывшей трудомъ. Что вы подмѣтили въ этихъ герояхъ? Почему избрали въ герои именно ихъ, составляющихъ меньшинство нашего общества? Не потому ли, что они приносили великую пользу, вели впередъ наше общество? Нѣтъ, тѣхъ, ко-

торые вели общество впередъ, вы не описывали, не могли, описывать, часто по независимымъ отъ васъ обстоятельствамъ, чаще же потому, что они не подъ-ростъ вамъ были. Этихъ же сытыхъ господъ вы описывали потому, что они сами кричали о себѣ; вы же просто писали подъ ихъ диктовку и не думали порыться въ ихъ душонкахъ. А молчаливые, полные испытанныхъ силъ, простые люди дѣла жили и умирали, не замѣченные почти никѣмъ; надъ ними развѣ только иногда глумились въ литературѣ, по поводу ихъ невзрачной одежды и неловкихъ манеръ, да толкали ихъ въ обществѣ за ихъ нечиновность. Теперь эти пошлыя отношенія приходятъ къ концу, но только приходятъ, не пришли. Между тѣмъ, эти люди были — сила. Силѣ нужна работа. Если находилась честная работа — сила шла на пользу, если нѣтъ — сила ужасала васъ, чистенькихъ и гладенькихъ, грязными, незаконными и часто злодѣйскими дѣлами. Когда проходилъ вашъ ужасъ, вы старались объяснить эти явленія, и тогда-то проявлялась во всемъ блескѣ ваша недалновидность. Вы рядили силу въ тотъ

же плащъ, будто бы демоническихъ страстей, въ которомъ драпировались передъ вами ваши любимые крикуны. Ясно, что вы ея не понимали...

Но пора мнѣ сказать, какое мѣсто получилъ отецъ. Ему нужно было получать определенное ежемѣсячное жалованье и имѣть побольше, свободныхъ дней, чтобы порѣже имѣть удовольствіе быть подъ началомъ. Къ чиновничеству онъ чувствовалъ антипатію; некоронную службу со своимъ практическимъ умомъ онъ считалъ ненадежной. Если бы отецъ зналъ какое-нибудь ремесло, онъ совсѣмъ не сталъ бы служить; но ремеслу нужно было учиться, и на это требовалось время и денежное обезпеченіе. Отецъ поступилъ придворнымъ служителемъ... Тутъ-то я и сконфузился!

Въ какой азартъ пришли бы ветхіе люди отъ этого извѣстія. Знакомство съ сыномъ лакея! Лакей-холопъ! Онъ, можетъ-быть, даже въ настоящую минуту дрогнетъ на козлахъ, слушаетъ площадныя остроты кучеровъ, дожидаясь какую-нибудь фрейлину, весело болтающую въ залѣ ветхихъ людей, и вдругъ въ

ту же залу безцеремонно входитъ его сынъ, пожимаетъ руки гостямъ и хозяйевамъ и начинаетъ рассказывать длинную-предлинную исторію жизни своего отца и своего дѣтства! Но не пугайтесь, я расскажу вамъ за это исторію моей бабушки, она родная — вы понимаете — дочь князя Тресково-Обухова, а родъ его происходитъ изъ мрака татарскихъ ордъ, когда-то терзавшихъ Россію. Sic transit gloria mundi!

III

Жизнь моей бабушки

*Въ вѣкъ Екатерины и никакъ не ближе
Началось въ Россіи...*

Въ 1786 году у княгини Тресково-Обуховой родился десятый ребенокъ, четвертая дочь. Плодовита была прабабушка! Княжна Елисавета родилась въ сорочкѣ; крестнымъ отцомъ ея былъ великій князь Павелъ Петровичъ; на третьемъ году у нея стали безъ помощи папильотокъ виться волосы, и черные, большіе глаза начали немного косить. (Эта легкая косота досталась по наслѣдству и моей мате-

ри, а потомъ перешла и ко мнѣ. Другого наслѣдства бабушка намъ не оставила.) При-
знаки несомнѣннаго счастья и безнадежность
имѣть еще законныхъ дѣтей, такъ какъ
князь-супругъ умеръ, заставили княги-
ню-мать любить меньшую дочь болѣе дру-
гихъ дѣтей. Дѣвочку баловали, любимые ея
слуги блаженствовали блаженствомъ
крѣпостныхъ людей стараго времени, не
нравившіеся ей не смѣли появляться въ бар-
скихъ покояхъ. Такъ прошло около семи
лѣтъ. По прошествіи ихъ, въ одинъ прекрас-
ный вечеръ княгиня-мать поужинала и умер-
ла, сидя въ ваннѣ и заказывая крѣпостному
повару обѣдъ на слѣдующій день.
Распоряженій относительно будущности се-
мейства, кромѣ заказаннаго обѣда, не оста-
лось никакихъ. Княгиня жила, какъ всѣ
русскія княгини, не считая доходовъ и расхо-
довъ и помня одну пословицу: noblesse oblige,
гласящую, въ вольномъ русскомъ переводѣ,
большому кораблю большое и плаванье. Ши-
роко голубушка плавала! Десять человѣкъ
наслѣдниковъ осталось почти ни при чемъ.
Шестеро уже взрослыхъ сыновей раздѣлили

наслѣдственныя крохи довольно странно: сначала поругались, потомъ дѣло дошло до рукопашной схватки, и, наконецъ, дѣлежъ окончился тѣмъ, что княжескій домъ былъ буквально разобранъ по кирпичу, и каждый братъ взялъ свою долю мусора. Этотъ дѣлежъ долго занималъ петербургскихъ сплетницъ, и, я думаю, многія восьмидесятилѣтнія старухи до сихъ поръ помнятъ слышанные ими въ дѣтствѣ рассказы о дѣлежѣ князей Тресково-Обуховыхъ. Княжнамъ пришлось пріютиться у родственниковъ.

Княжна Елисавета попала въ домъ къ двоюродному брату покойной матери, къ бывшей знаменитости того времени, вельможѣ NN. Жизни въ его богатомъ домѣ не было. Вельможа былъ вдовъ, считалъ себя обиженнымъ, собирался на житье въ Москву, но не могъ разстаться съ Петербургомъ и хандрить. То вдругъ затворялся онъ въ своихъ хоромахъ и не принималъ никого, то вдругъ задавалъ блестящій пиръ, дѣлалъ балъ и веселился наперекоръ себѣ, желая подразнить тѣхъ, къ которымъ, по его мнѣнію, онъ былъ обиженъ, желая показать имъ, что его не тревожитъ оби-

да. Дней съ пять послѣ бала онъ волновался и спрашивалъ у всѣхъ: «не изволили ли упомянуть о моемъ балѣ и въ какомъ смыслѣ разсужденіе обо мнѣ имѣли?» Отвѣтъ получался одинъ: «не говорили!» Опять хандра, опять затворянье дверей, хожденье слугъ на цыпочкахъ, шепотня во всемъ домѣ и черезъ мѣсяць новый балъ, новые разпросы... Такой-то домъ сдѣлался пріютомъ княжны. Она пользовалась полною свободою просыпаться утромъ, одѣваться въ великолѣпные наряды, ходить до упада по комнатамъ, говорить по-французски, по-русски и по-англійски, ѣсть и пить, сердиться на горничныхъ, смѣнять ихъ, глядѣть на стѣны роскошныхъ палатъ, зѣвать до судорогъ и вечеромъ ложиться на пуховую постель подъ штофное одѣяло; вотъ всѣ прутики бѣличьяго колеса, по которымъ приходилось ей бѣгать, вертѣться и снова возвращаться отъ послѣдняго прутика къ первому, чтобы начать поутру ту же работу. Людей она не видала. На балахъ дяди видѣла пресмыкающихся, облитыхъ золотомъ, обшитыхъ кружевомъ; они приходили въ восторгъ отъ ея танцевъ съ шалью, кропали по этому поводу

стишонки; но и восторгъ, и стишонки относились къ дядѣ-воспитателю, а не къ ней самой: ея не замѣчали, какъ невыгодную невѣсту. Новые, лучшіе люди, занятые дѣломъ, не посѣщали этихъ баловъ и давно называли вельможу старымъ сумасбродомъ. Въ будни княжна видѣла пресмыкающихся въ ливреяхъ, боявшихся любимицы-племянницы и знавшихъ, что первая жалоба вызоветъ грозу, отъ которой долго будутъ дрожать стекла въ богатыхъ хоромахъ. Княжна часто слышала отвратительную, гнусную, выработанную холопствомъ поговорку: «мы должны ваши ножки мыть и эту воду пить...» и ей стали противны эти жалкіе холопы. Съ тоской глядѣла она на длинный рядъ блистающихъ холоднымъ блескомъ комнатъ, на мертвенно-покорныя лица слугъ, на мрачные портреты своихъ предковъ и родственниковъ, глядѣвшихъ на нее безпощадно строгими взорами. По цѣлымъ часамъ стаивала она передъ этими портретами и какъ-будто старалась допросить ихъ: неужели и вы такъ жили? неужели такими должны быть люди и жизнь? Предки молчали, а съ устъ княжны

срывались горячіе упреки и предкамъ, и судьбѣ. Ея вопросы не были слѣдствіемъ праздности и скуки. Нѣтъ, у нея была страстная, жаждавшая жизни натура. Я видѣлъ портретъ, писанный съ нея въ 1802 году, и онъ всегда пробуждалъ во мнѣ страшное, горькое чувство. Она изображена на немъ въ простомъ русскомъ нарядѣ, съ веретеномъ въ рукѣ, среди небогатой крестьянской избы. (Обстановка была одною изъ прихотей вельможи.) Гладко причесаны ея черные, какъ вороново врыло, волосы, гордо приподнята верхняя губа, глаза немного сощурены, лѣвая ея рука облокотилась на столъ и поддерживаетъ голову, правая опущена по сарафану и готова выронить веретено. Тутъ съ одной стороны чудесная красота, властительная гордость и богатство, проглядывающее въ жемчужной повязкѣ, съ другой стороны — крестьянскій нарядъ, бѣдная изба и выраженіе мучительной тоски. Когда я переставалъ смотрѣть на этотъ портретъ, то въ моемъ воображеніи исчезало все, и оставалось въ душѣ только одно выраженіе мучительной, безпредѣльной, безпощадной тоски. Такія женщины рѣдко поко-

ряются гнетущимъ обстоятельствамъ и часто рвутъ путы, навязанныя на нихъ обществомъ, а страдаютъ онѣ всегда. Судьба жжалась, или, лучше сказать, жестоко насмѣялась надъ княжной: показала ей и жизнь, и людей.

Вельможа въ молодости посѣщаль Англiю, и въ ней болѣе всего потѣшалъ его шипящій, свистящій и отрывистый говоръ англичанъ. Онѣ непременно хотѣлъ, чтобы племянница знала англiйскiй языкъ, и нанялъ ей гувернантку, миссъ Скимполь, женщину незамѣчательную и очень ограниченную. Она прожила, держась прямо и вѣя морозомъ, восемь лѣтъ въ домѣ вельможи и уѣхала въ Англiю. На ея мѣсто поступила миссъ Друри. Прекрасная собою и умная, миссъ Друри рѣзко отличалась отъ миссъ Скимполь и отъ толпы холоповъ. Она съ самой ранней молодости посадила себя на пользу своего семейства... Она работала — чтобы оно могло отдыхать, она отказывала себѣ во всемъ — чтобы оно наслаждалось, она подавила, въ себѣ вспышки страсти — чтобы ея братья и сестры узнали всю сладость любви. Въ этомъ самоотверженiи для семьи была великая

поэзія, но она была, неизвѣстна постороннимъ людямъ. Миссъ была умна и не желала осквернять поэзіи, составлявшей все счастье ея жизни, пошлымъ удивленіемъ пошлой толпы.

Въ лицѣ миссъ Друри княжна увидѣла первую человѣческую личность. Эта личность смотрѣла на людей прямо, не нагибаясь передъ ними до земля и не становясь на саженныя ходули. Сначала она показалась княжнѣ деревянной, потомъ просто чудачкою, наконецъ, воплощеніемъ всѣхъ добродѣтелей, — искомымъ идеаломъ. У каждаго человѣка есть чувствительная струна; стоитъ до нея дотронуться, и вы услышите, какія мелодіи способенъ издавать этотъ человѣкъ. Чувствительною струною миссъ были ея родные. Стоило княжнѣ заговорить о нихъ, и англичанка оживлялась, дѣлалась мягче, нѣжнѣе. Она краснорѣчиво описывала бытъ своего семейства, наружность, характеры и занятія его членовъ. Былъ тутъ и отецъ-старикъ, читающій торжественнымъ голосомъ библію въ воскресный вечеръ, среди мирной семьи, и молоденькія, болтливыя

сестры, шопотомъ передающія другъ другу свои невинные дѣвичьи секреты, и братъ — красавецъ и умникъ, надежда и гордость родныхъ. Въ воображеніи княжны нарисовалась картина другой, непохожей на нашу, жизни, тихой, свободной, полной святого мира и торжественно-строгой тишины; эта торжественная тишина дѣйствовала на воображеніе дѣвушки такъ, какъ дѣйствуетъ строгая простота немного темныхъ, старыхъ протестантскихъ церквей на путешественника, только-что оставившаго Римъ и его театральныя богослуженія, апостола Петра съ сазовымъ перстнемъ на пальцѣ и шелковою тканью на мѣдныхъ плечахъ. Княжнѣ сильно хотѣлось взглянуть на семью миссъ. Однажды пришло изъ Англіи письмо, извѣщавшее миссъ Друри, что ея братъ ѣдетъ на житье въ Петербургъ по дѣламъ торговаго дома гг. Сноршилъ и компанія. Семнадцатилѣтняя княжна обрадовалась извѣстію и нетерпѣливо ждала пріѣзда мистера Друри. — Дождалась.

Молодой англичанинъ, еще не превратившійся въ счетную книгу, что иногда дѣлается съ англичанами на тридцатомъ

году ихъ жизни, и не зараженный опытомъ, что дѣлается съ ними во всѣ возрасты при первомъ удобномъ случаѣ, превзошелъ всѣ ожиданія княжны и завоевалъ ея сердце. Оба были молоды, умны, хороши собою, жаждали счастья, — какъ же при такихъ условіяхъ не полюбить другъ друга? Полюбили. Видѣлись въ комнатѣ миссъ почти ежедневно, просиживали вмѣстѣ по цѣлымъ часамъ; мистеръ Друри даже забылъ на время о гг. Сноршиляхъ и компаніи. Дядя княжны не зналъ о свиданіяхъ молодыхъ людей; но если бы и зналъ, то не обратилъ бы большого вниманія на какого-нибудь иностранца-купчишку. А нужно было обратить вниманіе! Купчишка вздумалъ просить руку княжны. За предложеніемъ послѣдовало изгнаніе жениха и его сестры, за изгнаніемъ послѣдовалъ побѣгъ княжны, и совершилась тайная ея свадьба съ мистеромъ Друри.

Свадьбу устроилъ ухарь-братъ княжны. Она надѣлала много толковъ въ Петербургѣ, который нѣсколько дней слушалъ варіаціи на тему: неравный бракъ. Потомъ какой-то гениальный, но не признанный композиторъ

петербургскихъ толковъ пустиль въ свѣтъ новыя варіаціи совсѣмъ на другую тему, и неравный бракъ и княжна забылись всѣми. Только дядя-вельможа, давнымъ-давно запоемъ хандрившій и не дававшій баловъ, потому что умерли и тѣ, кого онъ думалъ сердить и дразнить своею веселостью, проклялъ теперь свою племянницу и ускакалъ въ Москву, тогдашній притонъ всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ. О немъ даже и не толковали. Проклятая племянница зажила тихой семейной жизнью, наслаждаясь прелестью медового мѣсяца. Какое счастье жить тихой семейной жизнью, любить и быть любимой! Наслаждается любящая пара этимъ счастьемъ и не замѣчаетъ ничего, что дѣлается кругомъ: вооружаются ли люди противъ нея комками грязи, сплетаютъ ли они, какъ тонкое кружево, запутанную сѣть затѣйливо-узорныхъ сплетенъ, собирается ли на темнѣющемъ небѣ грозная, неотразимая туча. Такого счастья дождалась и княжна. Счастливица!.. Но вотъ вопросъ: довольно ли человѣку, если въ продолженіе шестидесяти лѣтъ онъ насладится двумя мѣсяцами подобнаго счастья? Мож-

но ли будетъ написать на его надгробной плитѣ: «здѣсь покоится прахъ счастливаго человѣка!» Не будетъ ли эта надпись безпощадно-злою и страшно-ѣдкою ироніей? Если нѣтъ, то пишите смѣло на могильномъ крестѣ каждаго умершаго голодной смертью нищаго: «здѣсь покоится прахъ сытаго человѣка».

Мистеръ Друри былъ небогатъ, и потому новобрачнымъ пришлось вести скромную жизнь. Бабушка ничего не смыслила въ хозяйствѣ и не могла быть помощницею мужу. Привычки и взгляды того круга, гдѣ воспитывалась княжна, дѣлали его членовъ неспособными, лишними и вредными, какъ только имъ приходилось вступить въ другую сферу жизни. Они умѣли расточать и не умѣли наживать. Молодая чета скоро почувствовала недостатки.

— Бетси, милая Бетси, надо быть экономнѣе, — говорилъ мистеръ Друри своей супругѣ.

— Не жить же намъ, Джонъ, по-мѣщански! — отвѣчала Бетси.

— Отчего же не жить такъ, если нельзя

иначе?

— Ты знаешь, что я не привыкла такъ жить.

— Но ты знаешь, что я не имѣю средствъ для болѣе широкой жизни.

— Джонъ, ты меня разлюбилъ! — выводила изъ этого разговора свое заключеніе Бетси и начинала плакать. Болотное или, если хотите, тепличное воспитаніе приносило свои плоды.

Мнѣ хотѣлось бы говорить о счастьѣ бабушки, описать его радужными красками, но я далъ себѣ слово ничего не выдумывать и строго придерживать истину. Уже черезъ два мѣсяца послѣ свадьбы бабушка не была счастлива. Ея несчастье составляли и отсутствіе богатыхъ нарядовъ, и невозможность ѣздить по баламъ, и необходимость ходить пѣшкомъ. Бѣднякъ считаетъ все это пустыми прихотями, но безъ этихъ прихотей не можетъ быть счастливымъ человѣкъ, выросшій въ богатствѣ. Бабушка страдала, встрѣчая на петербургскихъ улицахъ блестящіе экипажи знакомыхъ людей, на нее наводила тоску афиша о вечернемъ спек-

таклѣ, попавшаяся ей въ руки, и все это, какъ нарочно, металось въ глаза и дразнило своимъ блескомъ.

Джонъ, неизвѣстно откуда, доставалъ деньги и исполнялъ капризы избалованнаго ребенка. Ребенокъ, къ несчастію, былъ очень милъ. Такъ прошло около четырехъ дѣтъ; родился у бабушки сынъ, родилась дочь. Наконецъ, Джона потребовали съ полными отчетами по дѣламъ торговаго дома, запутаннымъ до-нельзя. Грустно было прощанье супруговъ, но еще грустнѣе было извѣстіе, полученное изъ Англіи черезъ полгода послѣ отъѣзда Джона. Бабушкѣ писали:

«Имѣемъ честь извѣститъ почтенную мистриссъ Друри, что во время переѣзда изъ г. С.-Петербурга въ г. Лондонъ у достоуважаемаго мистера Джона Друри, повѣреннаго по дѣламъ въ г. С.-Петербургѣ торговаго дома гг. Споршилъ и компанія, закружилась голова, и онъ упалъ за бортъ корабля въ море. Всѣ усилія матросовъ, въ крайнему сожалѣнію знакомыхъ и родныхъ покойнаго, остались тщетными, и спасти утопленника не смогли». За симъ слѣдовала подпись одного изъ гг.

Споршилей. Посторонніе люди говорили, что у Джона совсѣмъ не кружилась голова въ минуту паденія въ море; говорили, что онъ и не падалъ въ море, но бабушка не вѣрила этимъ слухамъ. «Джонъ зналъ, — говорила она, — что я любила его не за деньги: я жила бы съ нимъ и въ бѣдности, съ милымъ сердцу человѣкомъ»... Тутъ шли разсужденія такого рода, что я не считаю, нужнымъ выписывать ихъ; любознательный читатель можетъ ихъ отыскать въ любомъ старомъ романѣ, подъ слѣдующими заглавіями: шалашъ въ лѣсу, рай подъ деревомъ и утоленіе голода сочными и длинными поцѣлуями. Разумѣется, все это говорилось отъ чистаго сердца; но все-таки Джонъ былъ правъ въ своемъ расчетѣ, хотя немного позднею. Жить вмѣстѣ они не могли, не разлюбивъ другъ друга; помириться съ родными при жизни Джона бабушка не могла, а безъ ихъ помощи не было средствъ вести роскошную или широкую жизнь. Джонъ былъ помѣхою, и онъ счелъ нужнымъ сократиться. У меня даже не поднимается рука на обвиненіе Джона за то, что онъ вырвалъ бабушку на время изъ аристократиче-

скаго круга. Ея натура была создана для романа. Не явись Джонъ, явился бы какой-нибудь Григорій или Франсуа. Разница была бы только та, что Григорій, женившись на ней, заставлялъ бы ее шляться по роднымъ за примиреніемъ и за деньгами и вколотилъ бы ее въ гробъ, а Франсуа пожилъ бы съ нею, попѣвая пѣсенки, и года черезъ два уѣхалъ бы на родину, не женившись на бабушкѣ и бросивъ ее съ двумя незаконнорожденными дѣтьми.

Дѣтей, какъ уже сказалъ выше, у бабушки было двое, ихъ нужно было вырастить и воспитать. На это требовались деньги, а ихъ у бабушки въ день полученія письма изъ Англіи было ровно восемь гривень ассигнаціями...

IV

Жизнь моего дяди

Кто долго толкался въ большихъ и малыхъ, въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ нашей матушки Россіи и ознакомился съ фізіономіями ихъ обитателей, начиная отъ заплывшаго жиромъ и отупѣвшаго купчины съ окладистой бородой и толстымъ носомъ въ видѣ поношенной туфли, до тощаго франта со стеклышкомъ въ подслѣповатомъ глазу, живущаго весьма подозрительными средствами, — тотъ, вѣрно, знаетъ своеобразный, только у насъ возможный типъ обнищавшей барыни-аристократки, типъ, ведущій свое начало изъ временъ екатерининскихъ. Это личность истинно-трагическая, и тѣмъ болѣе грусти наводитъ она, что сама всѣмъ своимъ существомъ, всѣми поступками накупается на смѣхъ. Нанимаетъ она обыкновенно отдѣльный домикъ на курьихъ ножкахъ и переѣдетъ изъ него только въ могилу; при ней доживаютъ свой скорбный вѣкъ двое или трое изъ ея уцѣлѣвшихъ крѣпостныхъ людей.

Чѣмъ питаются эти дряхлые люди, — почти неизвѣстно; но что питаются они плохо, — это видно по ихъ испостившимся лицамъ; они похожи на мертвецовъ, которыхъ забыли положить въ гробъ и похоронить. Обыкновенно единственнымъ источникомъ доходовъ барыни бываютъ деньги богатыхъ родственникововъ-аристократовъ, осаждаемыхъ письмами этой бѣдной тетушки или троюродной бабушки. Ея прошлаго никто не знаетъ. Зачѣмъ и почему вышла она изъ своего круга и обнищала? почему — прапорщица Нитькина — она подписывается и величается всѣми княжной Дружиной-Суздальской или графиней Шемякиной? — все это покрыто мракомъ неизвѣстности. Въ жизни старушки былъ какой-то любовный романъ съ скандальною завязкой; но она старается не вспоминать о немъ, какъ о глупомъ и необузданномъ поступкѣ. Когда-то давно, молодость, истинное чувство, кипучая страсть изорвали въ клочья и затоптали въ грязь пеленки, въ которыя пеленаютъ людей дикіе сословные предрасудки; но молодость прошла и унесла порывы чувства, а на мѣсто ихъ, въ очерствѣломъ

сердцѣ проснулись и закопошились сожалѣнія о мишурномъ блескѣ. И вотъ старушка заботливо собираетъ клочья ея же разорванныхъ пеленокъ, сшиваетъ ихъ невѣрно дрожащею рукою и силится увѣрить всѣхъ людей, весь міръ, что пеленки цѣльныя, а не сшитыя. Люди въ сомнѣніи качаютъ головами, но, за давностью, не помнятъ событій ея жизни и не могутъ указать на истину. Зато личность старушки извѣстна всѣмъ въ городѣ: и босоногимъ уличнымъ мальчишкамъ, показывающимъ ей языкъ, и высшимъ городскимъ властямъ, на которыхъ барыня сердита за ихъ непочтительность къ ней. Весь городъ знаетъ ея бархатный салопъ, подбитый мѣхомъ не то песцовымъ, не то волчьимъ, ея шляпку допотопнаго покроя съ обдерганными перьями, непременно съ перьями, ея морщинистое лицо, большею частью нарумяненное и набѣленное (это не признакъ кокетства, но во время ея молодости бѣлились всѣ княгини)... Вообще вся одежда носитъ печать того покроя, который былъ въ модѣ во дни ея расцвѣтанія; она является какой-то нетлѣнной муміей, перене-

сенной въ пеструю толпу ликующихъ людей и модныхъ одѣяній; сѣрватою, ветхою картинкою модъ прошлаго столѣтія, случайно попавшею въ блистающія бѣлизною страницы моднаго журнала за послѣдній годъ. Всѣ знаютъ ея отощавшаго лакея въ порыжѣвшей ливреѣ съ безчисленнымъ множествомъ воротниковъ и въ громадной, треугольной, взѣрошенной шляпѣ; потупивъ голову, выступаетъ онъ за барыней и косо глядитъ на насмѣшливыя лица молодыхъ лакеевъ-зубоскаловъ... Неодолимою грустью вѣетъ отъ этихъ покойниковъ... Этотъ типъ барыни не важенъ самъ по себѣ, какъ отжившій свой вѣкъ и, мало-по-малу, зарывающійся въ могилу, но важно то, что и эти женщины были матерями законныхъ и незаконнорожденныхъ дѣтей, воспитанныхъ въ аристократическихъ преданіяхъ, плохо образованныхъ и озлобленныхъ бѣдностью. Эти дѣти играли и отчасти еще играютъ видную роль въ нашемъ обществѣ. Моя бабушка совершала жизненный путь при тѣхъ условіяхъ, какія образуютъ сейчасъ описанный типъ; стоило ей немного состарѣться и начать румяниться, — она

сдѣлалась бы его представительницею. Читатель догадается, чѣмъ могъ сдѣлаться дядя подъ вліяніемъ бабушки.

Бабушка долго горевала по мужѣ; являлись къ ней утѣшители, но она ихъ выгнала вонъ. Бабушка осталась вѣрна первой своей любви, хотя и подписывалась на письмахъ княжной Тресково-Обуховой, даже забывая поставить слово: урожденная. Чтобы не умереть съ голоду, она обратилась къ братьямъ, давно дослужившимся до значительныхъ чиновъ; князьямъ въ тѣ времена, какъ и всегда, чины шли скоро, и бабушка показывала мнѣ одного старика-князя, который на восемнадцатомъ году имѣлъ двѣ иностранныхъ звѣзды, что ему папаша выхлопоталъ. Братья хладнокровно прочли трогательныя просьбы — письма сестры, однако въ помощи ей не отказали, не желая видѣть нищею одну изъ княженъ Тресково-Обуховыхъ: каждый братъ назначилъ ей по 25 рублей ассигнаціями ежемѣсячной пенсіи. На эти эти въ то время можно было жить сносно, но бабушка не умѣла рассчитывать. Ея жизнь была длинныю рядомъ роскошныхъ обѣдовъ и голодныхъ

дней, шитья богатыхъ нарядовъ и закладыва-
нья ихъ въ частныя руки, гдѣ наряды и про-
падали. Дѣти ея подросли, и настало время
ихъ образованія. Она рѣшилась воспитывать
ихъ дома. Для нѣкоторыхъ предметовъ наня-
ла учителей, другіе преподавала сама. Что же
она знала? Французскій и англійскій языки,
танцовать и плохо писать по-русски: испи-
санная ею бумага походила на листь, по кото-
рому въ продолженіе цѣлаго лѣта ходили му-
хи. Этимъ же премудростямъ научились и
дѣти. Учитель, взятый для сына бабушки, не
могъ справиться съ мальчикомъ. Ребенокъ
былъ горячъ и гордъ. Одно строгое слово, ска-
занное ему, ожесточало его, а вмѣстѣ съ нимъ
и бабушку; затѣмъ слѣдовало изгнаніе учите-
ля. И то сказать, хороши тогда были и учите-
ля; нужно было имѣть очень здоровый же-
лудокъ, чтобы переварить ихъ науку и
обращеніе. Смѣна учителя продолжалась до
тѣхъ поръ, пока дядя не вытолкалъ собствен-
ными своими руками одного семинариста.
«Довольно мнѣ учиться, — объявилъ онъ, —
я знаю больше, чѣмъ всѣ эти поповичи
вмѣстѣ». Бабушка подумала-подумала и

рѣшила, что, вѣрно, оно такъ и есть, какъ говоритъ Пьеръ. Пьеръ получилъ дозволеніе отдыхать отъ утомительныхъ трудовъ и ждать, когда пріѣдетъ Василій, старшій братъ бабушки, отъ котораго ожидали протекціи и мѣста.

Во время изгнанія послѣдняго учителя, дядѣ Петру было 19 лѣтъ. Кумирь бабушки — она думала черезъ него снова попасть въ аристократическій кругъ — избалованный донельзя, дядя поражалъ каждого человѣка нѣжною красотой своего лица, ловкостью и кошачьей гибкостью тѣла, гордымъ и блестящимъ взглядомъ и рѣдкимъ умѣньемъ говорить. Его рѣчи то восхищали васъ поэтической строкою изъ послѣдняго стихотворенія, пропущеннаго вами безъ вниманія гдѣ-нибудь въ альманахѣ, то поражали мѣткою острою, не дядей выдуманною, но которою онъ умѣлъ ловко воспользоваться, то сверкали, какъ мелкіе брызги каскада, то смущали немногословнымъ рѣзкимъ приговоромъ. Такая разговорная гимнастика, какъ она ни пуста, важна для нашихъ изнывающихъ отъ скуки гостиныхъ; хозяевъ она спасаетъ отъ

головоломной работы занимать гостей, гостей — отъ неприличной судорожной зѣвоты. Хозяева и гости дорожатъ плясунами на фразахъ. Они дорожили и дядею. Онъ ъздилъ по баламъ, по театрамъ, и для полного его счастья не доставало только гвардейскаго мундира. У насъ юноши весьма часто попадаютъ въ кружки болѣе значительные, чѣмъ тотъ кругъ, къ которому они принадлежатъ. Когда одинъ изъ нихъ первый разъ появляется на пирушкѣ людей высшаго полета, то друзья хозяина обыкновенно спрашиваютъ у него вполголоса: «кто сей юный?» — «А чортъ его знаетъ, — въ театрѣ познакомились; кажется, не тупица, а, впрочемъ, можетъ-быть, и пустой малый!» Разговоръ тѣмъ и кончается, и юноша до-поры-до-времени считаетъ себя пріателемъ важныхъ по рожденію господъ и, поступивъ на службу, имѣетъ удовольствіе видѣть, какъ эти господа начинаютъ не узнавать его, одѣтаго въ печальный костюмъ рыцаря чернильницы. Этихъ юношей можно раздѣлить на два разряда: къ первому принадлежатъ юноши-пролазы, обращающіеся изъ пріятелей важныхъ господъ въ ихъ аген-

товъ, разсылныхъ и пажей; ко второму разряду относятся юноши; обманывающіеся насчетъ своего настоящаго положенія въ свѣтъ; они или дѣлаются врагами прежнихъ пріятелей, или, разлученные съ ними во-время переменною мѣстопробыванія, считаютъ ихъ до гроба не только пріятелями, но и друзьями. Первые гадки, вторые жалки. Дядя принадлежалъ ко вторымъ; онъ познакомился съ молодежью, составлявшею цвѣтъ тогдашняго петербургскаго общества. Умная молодежь видѣла въ немъ только заносчивую рѣзкость и не спѣшила сойтись съ нимъ, отвѣчая на его поклоны поклонами и перебрасываясь съ нимъ нѣсколькими незначительными фразами; она оставляла его, вмѣстѣ съ толпою ему подобныхъ людей, въ хвостъ своего кружка. Дядя зналъ, что дѣлалось на пирушкахъ молодежи, но не зналъ, что говорилось въ ея кабинетахъ. Имена этихъ людей были громки, и дядя сталъ увѣрять себя, что онъ ихъ другъ. Глупо-гордые люди имѣютъ несчастную способность обманывать самихъ себя, приписывая себѣ небывалое значеніе, и начинаютъ зазнаваться, поднимать носъ, а

это подниманье носа составляет истинное несчастье ихъ жизни въ минуту паденія.

Въ 1824 году пріѣхалъ въ Петербургъ князь Василій и первымъ долгомъ счелъ поговорить съ бабушкой объ опредѣленіи ея сына. Князь предлагалъ мѣсто по статской, дядя бредилъ военной службой. Переговоры и споры длились долго и окончились ничѣмъ. Планы дяди улыбались бабушкѣ. Она уже давно скучала объ аристократическомъ обществѣ; теперь передъ нею мелькнула надежда, хотя со временемъ, войти черезъ сына въ родной кругъ, и радовала ее дядина пѣсня; «мои друзья похлопочуть обо мнѣ, послужу нѣсколько мѣсяцевъ юнкеромъ въ гвардіи, а потомъ надѣну эполеты и, наконецъ-то, сброшу съ себя это проклятое мѣщанское званіе...» Катастрофа 14-го декабря разрушила безумные планы; въ слѣдующемъ году дядя уже не могъ найти ни одного изъ своихъ друзей: большинство изъ нихъ погибло въ арестантскихъ ротахъ и ссылкѣ. Пришлось опять обратиться къ князю съ просьбою о мѣстѣ.

— Высѣчь бы нужно прежде твоего сына, — сказала князь:— а потомъ дать ему

мѣсто.

— Ну, съчь-то его мое дѣло, а вы, князь, хлопочите о мѣстѣ! — отвѣчала бабушка.

Князь и не думалъ совсѣмъ о томъ, что говорилъ, но, видя противорѣчіе, уперся.

— Нѣтъ, та соеур, прежде высъку, а потомъ опредѣлю.

— Что съ вами, князы Пьеръ не дитя, и кто же позволить вамъ его съчь? — испуганнымъ голосомъ проговорила бабушка.

— Не дадутъ высъчь — мѣста не дамъ!

— Богъ съ вами и съ вашимъ мѣстомъ, если такъ! — почти плача, говорила бабушка.

— Мало того, что мѣста не дамъ, но и пенсію прекращу, и братьямъ закажу, чтобы не давали. И умирай тогда со своимъ тунеядцемъ голодной смертью. По міру пойдете, гроша не брошу! — уже не говорилъ, но гремѣлъ князь.

Вспомнила бабушка разобранный по кирпичу наслѣдственный домъ и струсила. Она плакала, руки цѣловала у брата, ничего не помогло.

Ну, и позволила она высъчь дядю. Дался ли онъ? Дался! И больно, очень больно его

высѣкли; но все же черезъ полгода онъ вышелъ въ отставку и болѣе не вступалъ въ службу. Напрасно только потѣшилъ князь свою душеньку.

Катастрофа, сѣченье и шесть мѣсяцевъ службы измѣнили многое въ характеръ дяди. Прежде онъ либеральничалъ, поддѣлываясь подъ чужіе голоса, вычитывая изъ книжечекъ новыя идейки, любилъ положить на видное мѣсто въ своей комнатѣ запрещенную книжку и прочитать изъ нея своему пріятелю нѣсколько самыхъ рѣзкихъ страницъ; все это было незлобиво, зелено и наивно. Теперь онъ сталъ дѣйствительно жолченъ, хворалъ отъ прилива жолчи. Его, какъ человѣка, вышедшаго изъ юношескаго возраста, перестали принимать въ свой кругъ молодые князьки и офицерики; ихъ слугой и разсылнымъ онъ не могъ сдѣлаться, онъ сдѣлался ихъ врагомъ и превозносилъ своихъ шапочныхъ знакомыхъ, пропавшихъ со свѣта, называя ихъ своими друзьями. Князьки и офицерики были, въ самомъ дѣлѣ, пусты, но не ихъ пустота вызывала брань дяди; онъ охотно покутилъ бы съ ними и выкинулъ бы какую-нибудь ухарскую

штуку въ обществѣ Алисъ и Матильдъ. У него не было рысаковъ, — онъ ругалъ тѣхъ, которые катаются на рысакахъ, хотя самъ съ удовольствіемъ соглашался промчатся по Невскому проспекту. Онъ не умѣлъ служить, — причина ругать крапивное сѣмя чиновниковъ; Богъ не сыпалъ ему съ неба денегъ и чиновъ, — онъ сдѣлался атеистомъ; его высккъ князь — онъ сталъ толковать о гнетѣ семьи и еще о другомъ гнетѣ... Вотъ источники его взглядовъ. Въ этихъ взглядахъ многое походило на убѣжденія мыслящихъ и честныхъ людей, но походило только по наружности; при нѣкоторой способности фразировать, дядя успѣлъ-таки привлечь къ себѣ многихъ юныхъ поклонниковъ.

— Вотъ ѣдетъ мой возлюбленный cousin, князь Григорій NN, — говаривалъ дядя своимъ поклонникамъ, гуляя съ ними по Невскому проспекту.

— Ты бываешь у него? — спрашивали поклонники.

— Нѣсъ-съ, я съ этими жалкими людьми незнакомъ; они прогнили насквозь въ своихъ отсталыхъ понятіяхъ.

И дядя разоблачалъ всю грязь князя Григорія NN.

— Лучше гибнуть безъ помощи, чѣмъ принимать ее изъ такихъ рукъ, — заключалъ ораторъ.

Поклонники удивлялись ему и его честности. Князь же Григорій даже не зналъ о его существованіи и приходился ему не двоюроднымъ, а какимъ-то другимъ братомъ, былъ, что называется, десятая вода на кисель; по-французски это выходило cousin. Сначала дядя и на гоненія напрашивался, послѣ же совершенно успокоился, купивъ по сходной цѣнѣ что-то въ родѣ вѣнца... Какого? Не знаю.

Странное было то время! Посреди дѣйствительно честныхъ, жертвовавшихъ собою людей съ глубокими убѣжденіями, толкалось множество господъ, озлобленныхъ своею незначительностію, сердитыхъ на дождь, лившій сквозь щели ихъ собственнаго потолка. Они ругали дождь и не думали чинить щелей. Неопытная молодежь, не умѣя отличить фразъ отъ дѣла, слушала ихъ, восторгалась ими, и часто, еще не зная жизни, озлоблялась, т. е., теряла необходимыя въ дѣлѣ жиз-

ни хладнокровіе и твердость. Врагамъ-старовѣрамъ эти болтуны давали орудіе противъ тѣхъ началь, которымъ они будто бы служили сами; враги видѣли ихъ внутреннюю пошлость, наводили ихъ на какое-нибудь грязненькое дѣльце, ловили, какъ рыбу, на золотой крючокъ и потомъ указывали встрѣчному и поперечному: «Вотъ каковы наши передовые! Вотъ они, щелкоперы!» — хотя сами очень хорошо, лучше всѣхъ, знали, что не эти щелкоперы были передовыми. Они были тормозами нашего прогресса, марали честное дѣло своею грязью. У нихъ были и достойные наслѣдники-ученики: это были поддѣльные Чацкіе, поддѣльные Печорины, поддѣльныя заѣденныя средою личности, и только одинъ бессмертный Александръ Ивановичъ Хлестаковъ былъ чистѣйшею, неподдѣльною натурою, хотя и воспитывался въ той же школѣ. У наслѣдниковъ-учениковъ не было даже и жёлчности ихъ учителей: она иногда появлялась на кончикѣ ихъ языка, но до бѣды не доводила, здоровья не разстраивала.

Но что же дѣлала въ это время моя мать?

V

Жизнь моей матери

Мнѣ приходится теперь рисовать личность, передъ которою я всегда благоговѣлъ, личность хорошей русской женщины. Мнѣ до сихъ поръ не случилось встрѣтить вполнѣ хорошаго описанія хорошей русской женщины; одно страдало худостью, въ другомъ краски были слишкомъ густы и ярки, третье вмѣсто хорошей русской женщины описывало дѣву идеальную, существующую на Руси только въ пылкомъ воображеніи русскихъ писакъ. Я тоже не слишкомъ хорошо исполню свою задачу (о чемъ и заявляю впередъ), потому что задача мнѣ не подъ силу: сила-то у меня крохотная. Если бы меня спросили: какая отличительная черта хорошей русской женщины? я отвѣтилъ бы: простота, и попросилъ бы читать это слово такъ, какъ оно написано, и не смѣшивать его съ простоватостью, или простосердечіемъ. На вопросъ: что дѣлала хо-

рошая русская женщина въ то время, когда мужчина проповѣдывалъ, служилъ, билъ баклуши, создавалъ воздушные замки преобразованія людей и ругалъ настоящее положеніе дѣль? я отвѣтилъ бы: работала. Мыслящіе люди поняли бы меня и пришли бы къ тѣмъ соображеніямъ и выводамъ, которые бѣгло выскажу я теперь людямъ немыслящимъ.

Хорошая русская женщина стоитъ неизмѣримо выше хорошаго мужчины. Переживъ сотую долю тѣхъ страданій, которыя выпали на долю ей, мужчина озлобляется; съ ней этого никогда не бываетъ. Принося самую малую долю пользы своею проповѣдью или службой, мужчина, какъ бы онъ ни былъ развитъ, начинаетъ гордиться въ душѣ своими заслугами, и только умъ спасаетъ его отъ самовосхваленія; о своей честности онъ говоритъ съ гордостью, какъ будто честность есть заслуга, а не обязанность, — и этой черты нѣтъ въ хорошей женщинѣ. Она лишаетъ себя всѣхъ удовольствій, которыхъ никогда не лишитъ себя мужчина, и отдается всецѣло, какъ мать, жена или дочь, своимъ-обязанно-

стямъ. Она, и только она, воспитала цѣлыя поколѣнія честныхъ и твердыхъ людей и никогда, даже передъ самою собою, не сводила итоговъ своихъ заслугъ; она даже скорбитъ о своей неспособности приносить пользу. Спросите всѣхъ вполнѣ честныхъ людей, кому они обязаны всѣмъ тѣмъ, что въ нихъ есть хорошаго? Изъ ста девяносто девять отвѣтятъ: «женщинѣ». Она работаетъ за мужа въ деревнѣ, она грудью отстаиваетъ въ среднемъ классѣ своихъ дѣтей отъ пьянаго или озобленнаго неудачами мужа, она спасаетъ отъ крайней пустоты и разврата людей высшаго круга, и за все это ее держатъ въ неволѣ, въ невѣжествѣ, въ безправіи, оскорбляютъ, позорятъ и потомъ удивляются, если встрѣтятъ падшую женщину! Но спросите ихъ: «кто виновникъ вашего паденія?» Онѣ отвѣтятъ: «мужчины», — и будутъ правы. Ихъ воспитывали въ школѣ, которую создалъ мужчина, стараясь вырастить для себя хорошенькихъ и ловкихъ, но немыслящихъ самокъ; первая сухая учебная книга и первый растлѣвающій романъ, попавшіе въ ихъ руки, были подсунуты имъ и написаны мужчиною; первая

сѣтъ, сплетенная отъ бездѣлья, для
развлеченія отъ празднои скуки, была раз-
ставлена имъ опять тѣмъ же мужчиною; бро-
силъ ихъ онъ, а не онъ его; первый комъ гря-
зи пущень въ нихъ его же рукою. Онъ хваст-
нулъ въ минуту пріятельскаго кутежа своею
удачною интригой, и пошла женщина мы-
каться по свѣту съ печатью развратницы, за-
брошенная грязью такими же неразвитыми и
падшими женщинами, какъ она, которыхъ
также воспиталъ, также погубилъ мужчина.
А виновникъ ея паденія клеймитъ ее страш-
нымъ русскимъ названіемъ, тѣмъ
названіемъ, которое заставляетъ прохожаго
отвернуться съ отвращеніемъ даже отъ по-
койницы, носившей его и утопившейся въ
минуту безвыходной нищеты... И между
тѣмъ, какъ любила мужчину хорошая русская
женщина! Пошелъ ли хоть одинъ мужчина
въ ссылку за падшей женщиной? Вы не най-
дете, вѣроятно, ни одного. А женщина шла,
полная святой любви, считавшая свои ласки,
свои заботы необходимыми для муха, и таи-
лась жъ ней тайная надежда, быть-можетъ,
смутная для нея самой, спасти всеспасающею

любовью отъ отчаянія, или отъ новыхъ преступленій однажды падшаго челоуѣка. Не удерживали ее никакія страданія, никакія препятствія: переносила она бѣдность, холодъ и голодъ, брань и оскорбленія этапныхъ звѣрей и долгіе годы тяжелой жизни гдѣ-нибудь въ глубинѣ Сибири. Въ этой рѣшимости была ея высочайшая нравственность, и блѣднѣютъ предъ нею всѣ прославленныя дѣянія героевъ съ ихъ мишурнымъ блескомъ, барабанною славою и оиміамными куреніями...

Моя мать не вынесла всѣхъ страданій, выпадающихъ на долю многихъ хорошихъ русскихъ женщинъ; она не имѣла нужды идти за преступникомъ-мужемъ въ Сибирь, но она носила всѣ признаки хорошей русской женщины, и потому я рѣшился подробно поговорить объ этомъ существѣ.

Матушка вынесла изъ уроковъ бабушки еще менѣе познаній, чѣмъ дядя. Почти постоянно одинокая, не слишкомъ любимая бабушкою, безъ причины оскорбляемая братомъ, она возилась съ куклами, шила имъ платья и вѣчно рылась въ лоскутьяхъ шелковы-

хъ матерій, полотна и коленкора, за что и получила отъ бабушки названіе лоскутницы. Маленькая лоскутница-мѣщаночка походила, какъ двѣ капли воды, на своего отца. Блѣдная, худенькая, съ голубыми жилками на вискахъ, она была миленькимъ и нѣжнымъ ребенкомъ. Находясь всегда дома, она сильно чувствовала недостатки въ дни безденежья и часто голодала въ то время, когда дядя рыскалъ по театрамъ и баламъ. Любя въ душѣ свою несчастную мать, она не любила ея расточительности. У нея родилась какая-то болѣзненная антипатія ко всякому внѣшнему блеску. Въ ея незрѣломъ еще дѣтскомъ умѣ со словомъ аристократы соединялось странное представленіе мотовства, бросанья денегъ на вѣтеръ и голодныхъ дней. Голодные дни и аристократизмъ! Какія несомвѣстимыя понятія! Впрочемъ, чего не придумаетъ и не соединитъ дѣтскій умъ. Она часто помогала своей нянѣ въ ея комнатныхъ работахъ, и бабушка сердилась.

— Не готовитесь ли вы, Софья Ивановна, въ горничныя? — спрашивала она иронически и отчасти строго.

— Это я отъ скуки дѣлаю, мама, да и няня такая старая-старая; она устала, — отвѣчала матушка и, не обращая вниманія на насмѣшки брата, облегчала хлопотливые труды любимицы-старушки, крѣпостной няни, подаренной бабушкѣ однимъ изъ братьевъ.

Однимъ изъ главныхъ наслажденій матушки было слушаніе сказокъ и пѣсень няни, передававшихся ребенку дребезжащимъ, старческимъ и монотонно-баюкающимъ голосомъ; однимъ изъ лучшихъ утѣшеній была молитва.

Играя въ саду нанимаемаго бабушкою домика, матушка возбуждала зависть сосѣднихъ дѣтей нарядами своихъ куколъ. Дѣти рассказывали объ этихъ нарядахъ своимъ родителямъ, и нѣкоторые изъ родителей обратились къ матушкиной нянѣ съ вопросомъ: гдѣ покупаетъ ея барыня для куколъ своей дочери эти платья?

— Соничка, хочешь достать денегъ? — спросила однажды у матушки няня; она любила до безумія свою воспитанницу и хотѣла дать ей возможность заработать деньги, чтобы ребенокъ могъ купить хоть булку въ го-

лодные дни.

— Гдѣ же, няня, ихъ достать? — спросила дѣвочка.

— А ты шей нѣсколько такихъ платиць, какъ у твоихъ куколокъ, я ихъ продамъ, и тебѣ денегъ принесу на новыя куклы.

Ребенокъ захлопать въ ладоши и радостно принялся за работу. Платья были сшиты, деньги получены и вмѣстѣ съ ними полученъ заказъ новой работы. Десятилѣтняя дѣвочка, играя, начала зарабатывать деньги, которыхъ не умѣлъ пріобрѣтать никто изъ ея семьи. Нянька продавала готовые платья и закупала матеріаль для новыхъ работъ. Все это дѣлалось тайкомъ отъ бабушки, и только случай открылъ ей тайну.

Разъ въ тяжелые дни безденежья, что случилось въ концѣ каждаго мѣсяца, бабушка рѣшительно не знала, что дѣлать: ѣсть было нечего, ни чаю, ни сахару, ни кофе не находилось въ домѣ, въ долгъ никто не давалъ. Бабушка исходила всюду, чтобы перехватать денегъ до перваго числа, и не достала ихъ нигдѣ. Утомленная, грустная, возвратилась она домой, тяжело опустилась на диванъ и запла-

кала. Кажется, первый разъ въ жизни не оправдалась ея любимая поговорка: «Богъ дастъ, такъ и въ окно подастъ».

— Что съ тобой, мама? — спросила матушка.

— У насъ ѣсть нечего, Соня. Хоть бы Богъ меня прибралъ, эта жизнь мнѣ невыносима.

— У меня, мама, есть деньги; можно будетъ купить покушать.

Соня побѣжала въ спальню къ своему комоду и принесла оттуда весь свой капиталъ.

— Откуда у тебя деньги?

— Извини, мама, я работаю на продажу кукольныхъ платья, — отвѣчала, краснѣя, дѣвочка и робко подняла большіе голубые глаза и взглянула на мать, ожидая, что та скажетъ.

Бабушка вертѣла въ рукахъ деньги, точно разсматривая, такія ли онѣ, какъ другія, бывавшія доселѣ въ ея рукахъ, и, наконецъ, тяжело вздохнула; ей трудно было поблагодарить, ободрить ребенка, такъ больно кольнули ея слухъ слова: работаю на продажу.

— Швея, швея-Софья! — проговорила она, машинально глядя по головѣ ребенка. —

Швея, швея-Софья! — повторила она снова, качая головой, и въ этихъ грустныхъ, ироническихъ словахъ прозвучаль скорѣе упрекъ, чѣмъ благодарность.

Однако, дѣло сдѣлалось: мать начала открыто брать работу; скоро куклы замѣнились дѣтьми, дѣти взрослыми. Дѣвушка брала недорого за труды, и въ заказахъ не было недостатка. Часто была сыта бабушка на эти трудовыя деньги, и еще чаще выпрашивалъ ихъ дядя, рѣшаясь даже поцѣловать ручку сестры, что всегда смѣшило матушку. Впрочемъ, онъ въ минуты восторга ставилъ ее въ примѣръ всѣмъ, говорилъ, что у него за чудная сестра, что сильнѣе всего сокрушаетъ его ожидающая ее судьба въ нашемъ глупомъ обществѣ: это еще болѣе смѣшило матушку. Такъ проводила она время дѣвичьей жизни, трудясь и считая трудъ за игру: онъ былъ ей не тяжелъ; она шила, попѣвая тихимъ, но веселенькимъ голоскомъ любимыя русскія пѣсни, переданныя ей няней, и никто никогда не зналъ, что дѣлалось въ ея душѣ и какъ развитъ былъ ея умъ.

Девятнадцати лѣтъ Соня вышла замужъ за

моего отца. Отецъ познакомился съ семействомъ бабушки черезъ дядю во время своей службы въ театрѣ. Они встрѣчались на пикникахъ и на охотѣ. Дядя пригласилъ отца къ себѣ, чтобы попасть за кулисы, и знакомство завязалось. Матушка и отецъ полюбили другъ друга.

— Гадкую жизнь вы ведете, Василій Александровичъ! — замѣтила однажды матушка отцу.

— Какъ гадкую? Напротивъ того: у насъ, у театральщины, славная, свободная жизнь, — отвѣтилъ отецъ и ожидалъ возраженія или согласія на высказанную имъ мысль; но матушка только посмотрѣла на него и покачала головой. Ему стало неловко отъ этого взгляда, и долгое время шевелился въ его умѣ возбужденный и оставленный безъ разрѣшенія вопросъ.

Мѣсяца черезъ три отецъ снова сидѣлъ у матушкина рабочаго стола. — Вы правы, Софья Ивановна, — тихо говорилъ онъ, вертя въ рукахъ какой-то лоскутокъ.

— Въ чемъ?

— Помните кашъ разговоръ о театральной

жизни?

— А! Ну, что же, поняли вы ее?

Матушка пристально поглядѣла на отца.

— Понялъ. Бросилъ. Только теперь жить нечѣмъ.

— Нужно работать.

Разговоръ принялъ другое направленіе.

Во время отставки отецъ не посѣщаль семейства бабушки, но черезъ няньку матушкѣ давалъ извѣстія о себѣ. «Я еще живъ, — писалъ онъ ей, — еще надѣюсь». Эти двѣ фразы составляли письмо; расписывать листы не было времени, и матушка совершенно успокоивалась; она понимала этого человека и не боялась за него, покуда онъ надѣялся. Бабушка, вѣроятно, не согласилась бы на этотъ бракъ, если бы предложеніе не совпало со временемъ сѣченья дяди, когда она упала духомъ. Характеръ матушки тоже много содѣйствовалъ исполненію желанія молодыхъ людей.

Матушка рѣдко рѣшалась на какой-нибудь отважный поступокъ и даже всѣми силами старалась избѣгать такихъ поступковъ; но если она рѣшалась на него, то это значило, что

онъ строго обдуманъ ею. Уже за нѣсколько дней она волновалась, взвѣшивала задуманное дѣло, горячо молилась и вдругъ совсѣмъ успокоивалась: рѣшеніе дѣлалось непоколебимымъ. Я часто видѣлъ, какъ умѣла матушка молиться. Ея молитва не была чтеніемъ затверженныхъ наизусть фразъ, вкусною молитвою сытаго человѣка съ урочнымъ числомъ земныхъ поклоновъ и «Господи помилуй»; — она была живымъ разговоромъ съ Богомъ. Лицо матушки разгоралось, неслышное моленье постепенно переходило въ шопоть, въ которомъ явственно слышались отрывистыя слова, пламенные вопросы. Такъ умѣютъ молиться только русскія женщины и юноши отъ двѣнадцати до шестнадцати лѣтъ, притѣсненные всѣми и ищущіе исходнаго пути. Я люблю такія молитвы; въ нихъ, рядомъ съ вѣрой въ Бога, чувствуется еще болѣе твердая воля въ собственную силу; онѣ только сосредоточиваютъ эту силу въ дни невзгодъ и воспитываютъ всевыносящее племя русскихъ женщинъ и юношей. Послѣ такихъ молитвъ, матушка, обыкновенно слабая и робкая, дѣлалась необычайно твердою и

рѣшительною, какъ будто тотъ Богъ, Котораго она такъ пламенно любила, Самъ становился рядомъ съ нею и говорилъ: не бойся! Я здѣсь. Такъ же молилась она и въ день, назначенный для объявленія бабушкѣ ея рѣшенія выйти замужъ за Василія Александровича Рудаго.

Покойнымъ и нетрепетнымъ голосомъ объявила она бабушкѣ свое желаніе.

— Надо бы спросить меня, согласна ли я отдать тебя замужъ за него, — строго сказала бабушка.

— Ты согласишься, мама, потому что я хочу быть его женою.

— А если я не позволю (да я и не позволю) выйти тебѣ за какого-нибудь лакеишку, нищаго, мѣщанина?

— Онъ хорошій человекъ, мама, и я выйду за него замужъ; мы сами мѣщане, и генералы ко мнѣ не присватаются, да я за генерала и не вышла бы.

— Мѣщане! мѣщане! что ты мнѣ говорить о мѣщанствѣ? ты знаешь, что я княжна по отцѣ?

— Знаю, мама, а мы все-таки мѣщане, и ты, мама, не сердись на меня. Хуже будетъ, если я

выйду замужъ безъ твоего позволенія.

Бабушка смутилась, начала плакать, говорила, сколько несчастій готовить ея дочери бѣдная жизнь, что она съ мужемъ умереть голодною смертию и что бабушка не будетъ въ силахъ ей помочь.

— Мама, мы не попросимъ твоей помощи. Тебѣ самой будетъ легче жить безъ меня. Ты не плачь; — я буду счастлива.

— Но что скажутъ родные! — воскликнула бабушка, хватаясь за соломинку; соломинка, какъ и надо было ожидать, сломилась.

— У меня, мама, кромѣ тебя, нѣтъ родныхъ. Твои братья ни разу не спросили, жива ли я или нѣтъ. Они и никогда не спросятъ объ этомъ. Кто же будетъ говорить?

Разговоръ кончился попыткою бабушки упасть въ обморокъ, упреками въ матушкиной безчувственности и согласіемъ на бракъ. Василию Александровичу Рудому не было хлопотъ для полученія согласія: пришелъ, сдѣлалъ предложеніе, предложеніе приняли и назначили день свадьбы. Все сдѣлалось холодно, спокойно, точно всѣ приготавлились къ этому событію въ теченіе нѣсколькихъ

лъть. Посторонній зритель не понялъ бы, какая скорбь и злоба кипѣли въ душѣ матери, урожденной княжны Тресково-Обуховой, отдающей дочь за придворнаго лакея, какихъ усилій стоило дочери рѣшиться привести въ исполненіе свое желаніе, какое презрѣніе питалъ къ жениху братъ невѣсты, пожимавшій руку будущаго своего родственника, и какъ любилъ невѣсту и не любилъ ея родныхъ этотъ женихъ. Каждый день разыгрываются на домашнихъ театрахъ такія же комедіи, и только актеры, ловко вызубрившіе свои роли, знаютъ, что дѣлалось за кулисами, когда занавѣсъ былъ еще спущенъ, и они заботливо прикрывали головы париками и наводили на лица густой слой румянъ и бѣлилъ.

Итакъ, внучка князя Тресково-Обухова вышла замужъ за придворнаго лакея. Съ нимъ невольно познакомился читатель, и я попрошу его продолжать это знакомство до конца исторіи гнилыхъ болотъ; ибо съ хорошими людьми полезно вести знакомство. Теперь пора мнѣ поговорить и о себѣ, какъ я росъ и какимъ выросъ, кто меня обижалъ и кто приголубливалъ, какъ меня учили и чему научи-

ли. Главное — чему научили.

VI

Жизнь моихъ родителей и мое дѣтство

Жизнь моихъ родителей сложилась просто, буднично и шла тихо и однообразно; такъ свѣтлая рѣка прорываетъ ложбину въ такую ширину, на какую у нея хватаетъ силъ, и, покоряясь участи, катитъ свои волны въ извѣстномъ направленіи; прибываетъ она къ берегу негодный для нея иль и бревна; тамъ иль обращается въ тучную почву, и говоритъ спасибо рѣкѣ какой-нибудь бѣднякъ за выброшенное ею бревно; шипятъ ея волны вокругъ подводныхъ камней, лежащихъ на ея пути; не двигаются они съ мѣста и долго будутъ мѣшать ея спокойному теченію; не одна барка разобьется о нихъ въ щепы, не одна людская душа потонетъ на этомъ мѣстѣ и пошлетъ проклятiе ни въ чемъ не повинной рѣкѣ, и неизвѣстно, подточать ли когда-нибудь волны и время страшныхъ губителей благодатнаго міра.

Характеры отца и матери и предрасудки, тяготѣющіе надъ русской общественной жизнью, не позволяли моей семьѣ заводить знакомства. Наше общество дѣлится на множество муравейниковъ, и какъ въ годъ не объѣдешь изъ конца въ конецъ матушки Россіи, такъ въ годъ не перечтешь названій ея муравейниковъ. И каждый-то дѣйствуетъ во имя своихъ убогихъ интересцовъ и узенькихъ стремленьицъ, чаще же во имя полного ихъ отсутствія, каждый-то поетъ свою пѣсню, и общая гармонія этихъ пѣсенъ выходитъ похожею на что-то въ родѣ кошачьяго концерта въ лунную мартовскую ночь; то слышится: «саго міо!» то вдругъ пронесется въ воздухъ: «а вѣдь я тебя по зубамъ съѣзжу!..» Отецъ, по мѣсту службы, принадлежалъ къ муравейнику придворныхъ служителей.

Гнѣздился этотъ муравейникъ, — тогда еще не было новопридворнаго дома съ общими спартанскими кухнями, — на наемныхъ квартирахъ, въ Измайловскомъ и Семеновскомъ полкахъ, и въ собственныхъ домикахъ на Петербургской сторонѣ, въ Гавани и на Пескахъ, любимомъ мѣстѣ жительства

фельдъ-егерей. Его члены мужского пода носили названіе придворныхъ паточниковъ, и упрекались члены женскаго пола въ томъ, что будто бы они мужей на гущъ пропили. Никакой историкъ не доберется до основанія этого типическаго названія и этого обиднаго упрека, принятыхъ всѣми на вѣру, и придется ему принять ихъ также на вѣру и утѣшить себя тѣмъ, что вѣрно оно такъ и было. Историческихъ, не внѣшнихъ и не официальныхъ преданій въ муравейникѣ много, но всѣ они незначительны; сохранилось, на примѣръ, преданіе о томъ, что жили два семейства истопниковъ въ ветхомъ-разветхомъ домикѣ на углу девятой и десятой улицъ Песковъ, и были у пяти женщинъ, принадлежавшихъ къ этимъ двумъ семействамъ, одинъ салопъ, постоянно висѣвшій на гвоздикѣ въ союзныхъ сѣнцахъ, и когда одна изъ женщинъ появлялась на улицѣ въ коммунистическомъ салопѣ, то всѣ песочные жители знали, что остальные четыре женщины сидятъ дома и пьютъ кофейныя переварки. Таковы и другія преданія; надъ ними можно бы глубокомысленно пофилософствовать, но это не мое дѣло.

Создавая свой внутренній бытъ, муравейникъ, несмотря на свою микроскопическую малость, успѣлъ раздѣлиться на двѣ партіи: на плебеевъ и патриціевъ. Къ плебеямъ отошли работники, истопники, должностные помощники, повара и лакеи; къ патриціямъ пристали камердинеры, офиціанты, гофъ- и камеръ-фурьеры; посредствующимъ звеномъ между тѣми и другими являлись камеръ-лакеи и скороходы: они заглядывали и туда, и сюда, и при случаѣ напивались до-пьяна въ обоихъ кружкахъ. Каждый членъ муравейника имѣлъ право говорить «ты» тому члену, который одной степенью стоялъ ниже его. Гофъ-фурьеры позволяли себѣ расправляться съ истопниками кулакомъ, и истопники съ достойною подражанія покорностью подставляли свои спины. Члены каждаго кружка сходились между собою по случаю крестинъ, рожденій, именинъ, свадебъ и похоронъ, а совершеніе этихъ торжествъ у плебеевъ неизмѣнно пригонялось къ первымъ числамъ мѣсяца. Только похороны приходилось справлять, когда Богъ обрадуетъ, и мнѣ не помнится, чтобы кто-нибудь продержалъ по-

койника въ домѣ, дожидаясь перваго числа. У патриціевъ пиры совершались во всѣ числа мѣсяца. Происходили эти торжества слѣдующимъ образомъ: послѣ первыхъ поцѣлуевъ, каждому гостю подносили на подносѣ по рюмкѣ мадеры; отъ этого угощенія не освобождались даже восьмилѣтнія дѣти; потомъ всѣ садились и подвергали себя на некоторое время искусу молчанія, хозяйка между тѣмъ разносила сладости. У плебеевъ подавались миндаль, изюмъ, пастила и крошенныя яблоки, у патриціевъ подавались цѣлыя яблоки, конфеты, обыкновенно выпрошенныя у придворнаго кондитера, поставившаго ихъ на казенный счетъ; мадера и водка полагались въ обоихъ кругахъ. За угощеніемъ начинались забавы: игра въ карты и танцы, женщины сплетничали, мужчины острили и проходились по водочкѣ; женщины пили въ парадной комнатѣ только мадеру, но привычный глазъ могъ подмѣтить, что онѣ, безъ всякой надобности, очень часто выходили поодиночкѣ въ спальню, или въ кухню къ хозяйкѣ, и чуткій слухъ могъ подслушать, какъ отворялись тамъ дверцы

завѣтнаго шкалика, что-то наливалось и выпивалось. Это была уже не мадера. Въ теченіе вечера каждая гостья считала нужнымъ удалиться разъ пять, и подъ конецъ всѣ становились очень веселы. Конецъ былъ не одинаковъ: у патриціевъ все оканчивалось тихо, поспорятъ, не отдадутъ другу проигранныхъ денегъ и разъѣдутся; у плебеевъ пиръ кончался пѣніемъ «Подъ вечеръ осени ненастной». Шла иногда въ ходъ «Раиса, бѣдная Раиса»; эту пѣсню, сколько мнѣ помнится, очень часто пѣвала самымъ томнымъ голосомъ одна лакейша, теперь покойница, и бывало кончить, да вдругъ и заплачетъ. Молодежь же во весь вечеръ отдергивала не то французскія кадрили и польки, не то трепака, но каблуками всѣ стучали необыкновенно эффектно. Разговоры шли о князьяхъ, и часто городскія сплетни объ этихъ лицахъ вылетали изъ этого муравейника, схватившаго на лету двѣ-три фразы неостерегшихся господъ. Литературой въ муравейникѣ не занимались, и какой-нибудь валяющійся на окнѣ томъ «Таинственнаго Монаха» доказывалъ не пристрастіе его владѣльца къ чтенію, но скорѣе его бережли-

вость и способность хранить даже ни на что не годныя вещи. Вотъ всѣ свѣдѣнія, кторыя я могъ собрать о муравейникѣ; закулисная, семейная его жизнь до насъ не касается: что намъ за дѣло до тайныхъ слезъ и безысходнаго горя?

Я распространился описаніемъ муравейника потому, что всѣ другіе похожи на него; измѣняются только частности, обстановка; сущность же остается та же самая, только немножко прилизанная, немножко причесанная. И вы, читатель, и мы всѣ, надутые собою и очень пустые на дѣлѣ люди, виноваты въ ихъ существованіи и въ той неминуемой гибели, которая ожидаетъ честныхъ, умныхъ людей; причисленныхъ по случайнымъ обстоятельствамъ къ тому или другому муравейнику. Они или должны затвориться въ своемъ домѣ, или уничтожиться въ муравейникѣ, — другого исхода имъ нѣтъ. Такая участь ожидала и моего отца.

Въ лучшіе, образованнѣйшіе круги онъ не могъ попасть: «не знатенъ онъ, не славенъ, — за что-жъ его любить?» Ему нужно было гнуться, въ клубочекъ свертываться, чтобы

шарикомъ прокатиться куда-нибудь повыше, а этого онъ не умѣлъ дѣлать: широкъ въ кости былъ.

Отецъ и мать затворилась въ своей квартирѣ и вели одинокую жизнь среди шумной столицы; отецъ служилъ, столярничалъ и отдыхалъ отъ трудовъ за чтеніемъ переводовъ англійскихъ романовъ, матушка шила по заказу платья. Они не скучали, но и не веселились. Сначала въ нашемъ домѣ часто появлялись разныя черносалопницы, вдовы бѣдныхъ чиновниковъ и армейскихъ офицеровъ, женщины, неизвѣстно какъ втирающіяся и въ барскія переднія, и въ бѣдныя жилища, вѣчно жалующіяся на судьбу и зорко поглядывающія, что дѣлается въ чужихъ домахъ; это ходячіе сборники петербургскихъ слуховъ и сплетенъ. Матушкѣ онѣ скоро надоѣли своими злыми языками и жалобами на то, что имъ не надаетъ хлѣба съ неба, какъ падала евреямъ небесная манна. Она затворила отъ нихъ двери, но прежде постаралась освободить отъ ихъ вліянія ихъ дочерей, которыхъ матери считали за обузу и отъ которыхъ рады были освободиться на

время. Матушка брала къ себѣ по три и по четыре дѣвочки, приучала ихъ къ труду, незамѣтно для самой себя передавала имъ свои честныя мысли, и, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, воспитала множество хорошихъ дѣвушекъ.

Дѣтей у моихъ родителей было трое, и всѣ умерли, доживъ до году. Этотъ возрастъ казался моимъ родителямъ роковымъ и, когда въ 1832 году я имѣлъ счастье родиться, то меня берегли; какъ сырое яйцо. Родился я въ морозный, ясный и смѣющійся день; поплакалъ горько, какъ всѣ рождающіеся на свѣтъ люди, и все же остался жить, почувствовавъ неодолимую привязанность къ нашей холодной и болотистой землѣ. Роковой срокъ прошелъ, и читатель уже видѣлъ, какими уроками пользовался я на третьемъ году моей жизни. Дальнѣйшіе уроки отца касались также нравственнаго моего развитія; собственно науками занималась со мною матушка: она учила меня читать, писать и считать. Третьимъ и главнымъ моимъ воспитателемъ была бабушка. Она часто посѣщала насъ, потому что мы каждый день обѣдали, и исполняла въ

нѣкоторомъ смыслѣ роль русскихъ нянекъ, любящихъ рассказывать дѣтямъ волшебныя сказки и пѣть извѣстную всей Россіи пѣсню: будешь въ золотѣ ходить, чисто-серебро носить. Славный напѣвъ у этой пѣсни, и хорошо она баюкаетъ въ дѣтствѣ; плохо одно то, что многихъ убаюкиваетъ она на всю жизнь, и спятъ они, взрослые младенцы, въ гниломъ болотѣ и ветхомъ рубищѣ покойнымъ, непробуднымъ сномъ праведниковъ, воображая, что уже ходятъ они въ золотѣ и носятъ чисто-серебро; долго, долго длится волшебное сновидѣніе, и не дай Богъ никому очнуться отъ него не въ пору, не вовремя, а въ осенніе, непроглядные дни жизни. Баюкала меня бабушка волшебными сказками, а пуще рассказами о безпутномъ, великомъ, блестящемъ екатерининскомъ вѣкѣ; описывала балы, маскарады, убранство барскихъ дворцовъ и садовъ, и пестрою толпою неслись передо мною роскошныя и румяныя маски нашей старой знати. Какія-то полновѣсныя фигуры съ гордой осанкой и чопорной выступкой видѣлись мнѣ, и удивлялся я, что онѣ могли такъ ловко и низко гнуться и шаркать ногами, какъ гово-

рила бабушка. Какъ сказка изъ тысячи одной ночи, восхищали меня эти рассказы, переданные съ увлеченіемъ, съ паѳосомъ моею Шахеразадою. Когда я наивно спрашивалъ: «а у меня, бабуся, будутъ такія комнаты, такіе наряды?» — то она съ полной увѣренностью отвѣчала: «разумѣется, будутъ; вырастешь большой, будешь служить, дослужишься, можетъ-быть, до генеральскаго чина и будешь богатъ. Вѣдь вотъ, mon petit, ко мнѣ генераль пріѣзжалъ, такъ это мой родной брагъ, твой двоюродный дѣдушка, и ты такимъ же будешь».

— Это тотъ, бабуся, что меня за щеку ущипнулъ; и я еще заплакалъ тогда?

— Да, да, тотъ самый... Только не надо такимъ плаксою быть, онъ тебя любить не станетъ.

— А зачѣмъ онъ щиплетъся?

— Онъ тебя приласкалъ.

— Развѣ такъ ласкають, бабуся? Папа никогда не щиплетъся.

Бабушка не отвѣчала на мое разсужденіе, я отецъ исподтишка посмѣивался и шутя говаривалъ мнѣ:

— Ну, Саша, покуда ты не генераль, на-
бей-ка мнѣ трубку.

Будущій генераль исполняль роль
крѣпостныхъ Ванекъ и Гришекъ. Отець нико-
гда не спориль съ бабушкою, не разочаровы-
валь ея мечтаній, но лукаво подсмѣивался
надъ ними и даваль мнѣ это чувствовать. Дя-
дя не имѣль на меня въ раннемъ дѣствѣ ни-
какого вліянія; люди его закала не умѣють го-
ворить съ дѣтьми, это для нихъ слишкомъ
мелко.

Подъ вліяніемъ трехъ наставниковъ, росъ
я въ одномъ изъ захолустіи Петербурга. Мнѣ
недоставало двухъ самыхъ лучшихъ учите-
лей: природы и дѣтей-товарищей. Находясь
постоянно въ городѣ, постоянно въ душевной
комнатѣ, видя всѣ домашніе недостатки, кото-
рыхъ отецъ и не считалъ нужнымъ скрывать
отъ меня, я очень рано научился понимать и
переносить невзгоды, сдѣлался задумчивымъ
ребенкомъ и нерѣдко просиживаль, о че-
мъ-то мечтая и разговаривая съ самимъ съ со-
бою. Неблестящая дѣйствительность и вол-
шебныя, слишкомъ яркія грезы, навѣяанныя
бабушкою, мѣшались между собою, и мое

воображеніе развилось до крайности сильно. У насъ, вообще, какъ будто нарочно, стараются развивать воображеніе дѣтей, не понимая того, что оно и само собою разовьется довольно сильно и на время остановитъ мыслительную способность ребенка, научить его мечтать и отучить думать. Я вѣрилъ въ невѣдомый волшебный призракъ, управляющій всѣмъ міромъ, въ добрую фею, которая скоро должна прилетѣть въ нашъ домъ, превратить его въ роскошныя палаты и сдѣлать меня генераломъ, — большаго счастья я не могъ себѣ представить. Мой умъ спалъ и былъ неразвѣтъ. Онъ былъ до того неразвѣтъ, что я никогда не спрашивалъ себя: отчего дѣлается то или другое на свѣтѣ? Огонь жжется, потому что жжется; ножъ рѣжетъ, потому что рѣжетъ, — далѣе этихъ истинъ я не шелъ. Я видѣлъ цвѣты на нашихъ окнахъ, но не зналъ я, почему они растутъ. «Папаша посадилъ, оттого и растутъ», отвѣтилъ бы я на подобный вопросъ. И если бы папаша вздумалъ посадить при мнѣ въ землю свою трость и сказать, что изъ нея, какъ изъ жезла Ааронова, вырастутъ миндальные орѣхи, — я

свято повѣрилъ бы его словамъ. Отсутствіе дѣтей сдѣлало изъ меня что-то въ родѣ отупѣвшаго старика, ничего не знавшаго, не желавшаго знать. Любознательность пробуждается въ дѣтяхъ только дѣтьми. Ребенокъ охотно разговариваетъ съ ребенкомъ; большихъ онъ только слушаетъ и, встрѣчая въ дѣтскихъ играхъ и болтовнѣ предметы, требующіе объясненія, онъ обращается за этимъ объясненіемъ въ большимъ. Безъ товарищей ребенка ничто и никто не подталкиваетъ на вопросы, онъ холодно смотритъ на окружающее его и составляетъ обо всемъ свои собственныя, превратныя понятія.

Такимъ оставался я почти до девяти лѣтъ, когда меня отдали въ ближайшую отъ нашей квартиры школу.

VII

Ecole, Schule, школа для дѣвицъ г-жи Соколовой

(во 2 этажѣ, по 3 лѣстницѣ, Но кв. 21)

Вотъ всѣмъ знакомая вывѣска, прибываемая въ стѣнамъ, большихъ и малыхъ домовъ, являющаяся по преимуществу на многолюдныхъ улицахъ, на бойкомъ мѣстѣ. Ея крупныя буквы, какъ безграмотное объявленіе пронырливаго русскаго торговца, призываютъ простоватыхъ, но плодовитыхъ людей: «отдавайте, добрые люди, своихъ дѣтокъ въ школу госпожи Соколовой для изученія всѣхъ возможныхъ наукъ. Что ребятамъ-то баклуши бить, да васъ беспокоить, пора ихъ и за книжку усадить. Госпожа Соколова знатно усадить, будете довольны». Тутъ же подвертываются мелкія буквы вывѣски и юлятъ, какъ выдранный за ушонки мальчуганъ съ Апраксина двора, выкрикивая пискливымъ дискантикомъ: «здѣсь, здѣсь, повѣрьте-съ мнѣ, не далеко идти; только вотъ поворотите

во дворъ налѣво, тутъ сейчасъ и будетъ третья лѣстница № 21, хоть только взгляните!» — «Нѣшто заглянуть? — спрашиваютъ себя простоватые, по плодовитые люди; — ребята-то, и въ самомъ дѣлѣ, отъ рукъ отбились, матери языки кажутъ; полно имъ баловаться, — ай заглянемъ!» — рѣшаютъ они; заглядываютъ, проникаются должнымъ благоговѣніемъ передъ госпожей Соколовой и отдаютъ къ ней балующихся ребятъ, платя ей за временное освобожденіе отъ дѣтскаго нашествія ежемѣсячную трехрублевую подать. Госпожа Соколова начинаетъ жить съ нѣкоторой роскошью и почти не голодаетъ, что и было цѣлью всѣхъ ея стремленій. На какія выдумки не подвигаетъ человѣка призракъ голода! Объ этомъ у Льюиса есть очень краснорѣчивая страница, и страдаетъ она только маленькою неполнотою: онъ забылъ упомянуть о школахъ, основанныхъ людьми для избѣжанія отъ голодной смерти.

И меня судьба не спасла отъ г-жи Соколовой, и я, какъ веселый человѣкъ, отчасти благодаренъ ей за это. Госпожа Соколова, дочь статскаго генерала, выросла въ богатствѣ,

очень бурно и не очень нравственно провела свою молодость, и по смерти отца, умершаго подъ судомъ за кражу казенныхъ денегъ, осталась ни съ чѣмъ. Чтобы существовать, она открыла школу на имя меньшей сестры, окончившей свое воспитаніе въ институтѣ. Эта дѣвушка была болѣзненная, слабая; она цѣловала украдкою своихъ воспитанниковъ и воспитанницъ и трепетала передъ старшей сестрой, жившей ея трудами. Бѣдняжка принадлежала къ числу людей-нулей, имѣющихъ значеніе только тогда, когда впереди ихъ стоитъ единица. Человѣкъ-нуль даже своего собственнаго имени не имѣетъ, но заимствуетъ имя у впереди его стоящей единицы. «Вотъ супругъ нашей милой, добрѣйшей Амаліи Федоровны Вороновой», — говоритъ хозяинъ своему гостю, знакомя его съ нулемъ, и нуль самодовольно ухмыляется, выражая тѣмъ свою гордую мысль: «видишь, братъ, каковъ я гусь: на Амаліи Федоровнѣ женатъ!» Такою же женщиною-нулемъ была сестра госпожи Соколовой; и когда ее спрашивалъ незнакомый посторонній посѣтитель: «не съ госпожей ли Соколовой я имѣю честь

говорить?» Она отвѣчала: «нѣтъ-съ, я сестра госпожи Соколовой». Ей даже въ голову не приходило, что у нея такая же фамилія. Сестры съ помощью священника и танцмейстера, альфы и омеги, краеугольныхъ и единственныхъ камней нашихъ частныхъ школъ, учили дѣтей всѣмъ наукамъ. Право онѣ имѣли только на содержаніе школы для дѣвочекъ, но брали и мальчиковъ, вѣроятно, полагая, что и тѣ, и другіе различаются въ дѣтствѣ по одной одеждѣ, безъ нея же были бы похожи, какъ двѣ капли воды, другъ на друга. Я помню тѣ дни, когда въ школу пріѣзжалъ какой-то господинъ съ орденомъ на шеѣ и осматривалъ училище, предлагая два или три вопроса ученицамъ; въ эти дни мальчиковъ запирали въ спальню и однажды спрятали въ очень неприличный чуланъ. Это дѣлается и понынѣ во многихъ школахъ для дѣвицъ. Великолѣпная г-жа Соколова въ эти дни вдругъ дѣлалась мокрой курицей и стушевывалась. Ея сестра, бывало, совсѣмъ заробѣетъ и лепечетъ непонятныя, нечеловѣческія слова и, послѣ отъѣзда господина съ орденомъ на шеѣ, цѣлуетъ еще крѣпче и звучнѣе выпущен-

ныхъ изъ засады учениковъ.

Ученикамъ задавали въ школѣ выучивать извѣстное число строкъ и страницъ изъ діалоговъ, географій, исторій, грамматикъ и ариѳметикъ. Задавалось отъ сюдова и до сюдова; эти слова, вмѣстѣ со словами: зубряшка, долбляшка и тому подобными, принадлежатъ къ извѣстному языку, надъ разработкою котораго трудятся въ русскихъ училищахъ. По выслушаніи отъ сюдова и до сюдова, преподавательница задавала новый урокъ и вручала ученику или пропись, или задачу, стараясь написать ее подлиннѣе, чтобы ученикъ не кончилъ ея ранѣе двѣнадцати часовъ. Дѣти писали курсивными и простыми буквами, рѣшали задачи, или просто дѣла не дѣлали, а тихонько разговаривали, играли въ перышки, ѣли булки, колбасы и тому подобные съѣстные припасы, принесенные въ сумкахъ и наполнявшіе комнату разными возбуждающими аппетитъ запахами. Эти припасы часто дѣлались предметомъ лотерей. Въ двѣнадцать часовъ кто уходилъ домой, кто оставался въ школѣ, а въ два часа начинались снова утреннія занятія. Въ четыре часа

мы всё бѣжали домой, какъ изъ карантина, и уличные мальчишки кричали вслѣдъ бѣглецамъ: «школьники, разбойники, школу разбили, учителя погубили!» Скука въ школѣ царствовала непомерная, зѣвота одолевала всѣхъ; зѣвнеть, бывало, наставница, и заразить этотъ зѣвокъ весь мелкій народъ: «а-а-а!» съ глубокимъ протяжнымъ вздохомъ раздастся въ одномъ концѣ комнаты, и тотчасъ же слышится тотъ же звукъ въ другомъ концѣ, точно будочники между собой перекликаются: «слуша-а-ай! посма-а-трива-а-ай!» Отъ скуки заводились разныя исторіи весьма дрянного свойства. О лотереяхъ я уже имѣлъ случай упомянуть. Предметами ихъ дѣлалось все, что только могли сбыть съ рукъ ученики, не подвергая себя слишкомъ сильной брани и побоямъ отъ своихъ добрыхъ, но простоватыхъ родителей. Разыгрывались съѣстные припасы слѣдующимъ образомъ: разыгрывающій завязывалъ узелокъ на платкѣ, а четверо дѣтей, заплатившихъ ему по копейкѣ, выдерживали концы платка, зажатого въ кулакъ: кому доставался узелокъ, тотъ получалъ выигрышъ; это импровизированная лотерея.

При разыгрываніи перьевъ, бумаги и картинокъ дѣлались билеты; одна и та же вещь, иногда въ продолженіе недѣли, дѣлалась предметомъ трехъ или четырехъ лотерей и приходила, наконецъ, къ своему законному первому владѣльцу. Но лотереи были самымъ невиннымъ развлеченіемъ. Въ училищѣ были и шестнадцатилѣтніе юноши и дѣвицы; у первыхъ появлялись прыщи на лбу и пушокъ на верхней губѣ, вторыя успѣли начитаться украдкой переведенныхъ съ французскаго языка романовъ и шопотомъ сообщали своимъ подругамъ нѣкоторыя строки, поражавшія ихъ своею вольностью. Эти-то взрослые воспитанники и воспитанницы переписывались между собою и пожимали другъ другу руки въ танцклассѣ. Госпожа Соколова разъ имѣла случай поймать взрослога ученика въ ту минуту, когда онъ въ темномъ углу передней поцѣловалъ одну изъ ученицъ; ученика не спровадили изъ школы (жаль было три рубля въ мѣсяць потерять), но поставили на колѣни посреди класса и пришилили на спину билетъ съ надписью: «за дурное поведеніе». Веселое лицо ученика дало слу-

чай его товарищамъ убѣдиться, что за такой проступокъ и наказанье не страшно...

Я, быть-можетъ, больше всѣхъ зѣвалъ и скучалъ въ школѣ; для меня не существовало никакихъ развлеченій: въ перышки играть я не умѣлъ по своей неловкости, для переписки съ дѣвочками и для поцѣлуевъ былъ слишкомъ малъ, лотереи мой отецъ называлъ мерзостью, и я съ нимъ согласился, проигравъ нѣсколько копеекъ. Сухая, глупая наука не шла мнѣ въ голову, и часто разсуждалъ я съ самимъ собою, что науку придумалъ, вѣрно, мой двоюродный дѣдушка, который, лаская, щиплетъ. Изъ всего выученнаго я хорошо запомнилъ только одно четверостишіе:

*Всякія науки
Созданы для муки.
И лучше отъ скуки
Сидѣть сложа руки.*

Гдѣ-то находится теперь геніальный авторъ этихъ стишковъ? Я думаю, онъ и донынѣ кропаетъ стишки и тайкомъ печатаетъ изъ къ какомъ-нибудь журналчикѣ; а въ школѣ онъ былъ суцая дрянь...

Главное несчастье этой и другихъ такихъ

же школь составляютъ неумелость и неспособность ихъ содержательницъ. Потомъ вредятъ имъ близость къ классу кухни и гостиной: изъ первой доносятся до слуха учениковъ домашніе дразни и побранки съ кухаркой, во вторую часто приглашаются дѣти, особенно любимыя содержательницею школы. Приглашенія возбуждаютъ и зависть, и ссоры между дѣтьми, и заставляютъ ихъ придумывать средства, какъ бы насолить любимцамъ. Любимцы приглашаются въ гостиную для разныхъ причинъ: одни просто для питья кофе, другіе для игры на фортепіано передъ гостями и для питья кофе, третьи для курьеза и для питья кофе. Меня приглашали для курьеза. Вводили меня безъ всякой видимой надобности въ гостиную, поили кофеемъ и гладили по головкѣ, значительно перешептываясь. Послѣ смыслъ этого перешептыванья сталъ мнѣ понятенъ. Въ немъ описывалась судьба моей бабушки, я часто слышалъ слова: «князь Тресково-Обуховъ», и, должно-быть, гости искали на моей физиономіи чего-нибудь въ родѣ наследственнаго княжескаго клейма. Бабушка имѣла сплетницу крѣпостную кухарку; отъ

нея перешло сказаніе о бабушкиной жизни къ нашей кухаркѣ, отъ нашей къ школьной, отъ школьной къ г-жѣ Соколовой. Изъ такихъ источниковъ знала госпожа Соколова исторіи родителей каждаго воспитанника и каждой воспитанницы, точно она матеріалы для характеристики нашего общества собирала. Сплетня проѣла до мозга костей все русское общество. Она вноситъ раздоры въ семейства, ссорить знакомыхъ, портитъ дѣтей съ самой колыбели, открывая имъ разныя гадости жизни въ превратномъ видѣ. Сплетничаютъ на рынкахъ, въ гостиныхъ, въ департаментахъ, въ полкахъ, въ театрѣ, въ собраніи. Сплетничаютъ наивно и съ тактомъ, добродушно и ѣдко, хладнокровно и раздражительно. Сплетниковъ и сплетницъ можно раздѣлить на необразованныхъ и образованныхъ, послѣдніе раздѣляются на провинціальныхъ и столичныхъ. Провинціальные сплетники наивны до крайности и не скрываютъ страсти къ сплетнѣ: ихъ описалъ Гоголь въ лицѣ дамы, пріятной во всѣхъ отношеніяхъ, и просто пріятной дамы. Сплетники столичные не такъ наивны и сплетничаютъ à propos, не

признаваясь даже передъ собою, что они сплетники. Они не поѣдутъ нарочно съ каки-мъ-нибудь извѣстіемъ, но запомнить это извѣстіе, запомнить нѣсколько такихъ извѣстій и съ тактомъ, съ достоинствомъ передадутъ ихъ въ обществѣ такихъ же сплетниковъ, какъ они сами, передадутъ не иначе, какъ при удобномъ случаѣ, кстати, à propos; Нужно имѣть очень зоркій глазъ, чтобы уловить въ ихъ бесѣдахъ страсть къ сплетнѣ и не считать ихъ за простой салонный разговоръ; иную отвлеченную тему жуютъ и разжевываютъ научнымъ образомъ цѣлые полчаса и только потомъ уже раздастся желанное: «à propos! вы слышали, что моя кузина бѣжала отъ мужа? — это былъ тоже несчастный бракъ.» — Тутъ-то и начинается бросанье грязью въ кухню. Также сплетничала и госпожа Соколова, она даже брала меня съ собою въ гости, какъ живое свидѣтельство правдивости ея рассказовъ о нашей семьѣ, и не стѣснялась тѣмъ, что я не для развозовъ, а для ученья былъ отданъ въ ея школу. Мои родители не подозрѣвали сущности этихъ скандальныхъ исторій, но все-таки сердились на воспита-

тельницу за то, что она приглашала меня съ собой въ гости, отнимая время у моего ученья. Черезъ годъ меня взяли изъ школы, видя бесполезность моего пребыванія въ ней. Неучемъ вступилъ я въ нее, неучемъ вышелъ я, неучемъ и остался бы, пробывъ въ ней десятокъ лѣтъ; по сперва я не зналъ, что такое есть наука, теперь же я ее называлъ мукою и начиналъ ненавидѣть, злобно ненавидѣть.

Госпожа Соколова обидѣлась поступкомъ моихъ родителей, прискакала къ нимъ на квартиру, надѣлала дерзостей, объявила, что я лѣнивъ и отъ лѣности не сдѣлалъ успѣховъ въ ученьи, и что они люди необразованные, низкаго происхожденія и потому неблагодарные. Разумѣется, барынѣ показали, гдѣ въ нашей квартирѣ находилась дверь. За что должны были мои родители благодарить ее, я не могу и донынѣ придумать; но, желая поправить ихъ ошибку, спѣшу принести вамъ, госпожа Соколова, искреннюю мою благодарность. Вы научили меня понимать всю гадость подобныхъ вашей школъ. Дай вамъ Богъ здоровья, много лѣтъ счастливой жизни и поменьше учениковъ! Ищите новыя средства

для поддержки своей жизни: побирайтесь подаяніемъ щедрыхъ людей, румяньте свое изношенное лицо, торгуйте своимъ грѣшнымъ тѣломъ, если оно кому-нибудь нужно, — но ради всего святого (вѣдь есть же что-нибудь святое и для васъ!) — не учите несчастныхъ дѣтей! Вамъ все простится на томъ свѣтѣ, слышите: все! но ни тамъ, ни здѣсь не простится вамъ то, что вы надѣлали изъ-за куска насущнаго хлѣба сотни свѣжихъ дѣтскихъ умовъ, вселяли въ нихъ отвращеніе къ наукѣ, этому свѣту міра, доводили ихъ скукою до мелкаго торгашества, до первыхъ проявленій беззастѣнчиваго уличнаго разврата. Закрывайте же скорѣй свою школу: она отжила свой вѣкъ.

VIII

Вступленіе въ новый міръ

— Куда отдать Сашу? Вотъ вопросъ, который занялъ моихъ родителей. Попытка отдать въ гимназію не удалась. Дѣти крѣпостныхъ людей капельдинеровъ и придворныхъ служителей въ гимназіи не принимались безъ увольнительныхъ свидѣтельствъ отъ ихъ обществъ; объ этой опалѣ гласилъ первый параграфъ программы для вступленія дѣтей въ гимназію. Исключить изъ придворнаго вѣдомства было не трудно, но отецъ задалъ себѣ слѣдующій вопросъ: «что-де будетъ дѣлать Саша, если я умру прежде окончанія его образованія, или если ему не пойдетъ въ голову наука? Куда онъ опредѣлится на службу?» Мысль объ отдачѣ меня въ гимназію была отложена въ сторону.

— Однако, что же мы станемъ дѣлать? какъ дадимъ ему образованіе? — спрашивала матушка.

— Наймите учителей, — совѣтовала бабуш-

ка:- домашнее воспитаніе лучше, онъ будетъ всегда у васъ на глазахъ, манеръ мѣщанскихъ не наберется.

— Что вы, матушка, толкуете о домашнемъ воспитаніи! для этого нужны большія деньги, — молвилъ отецъ, пожимая плечами.

— Не Богъ знаетъ, какія деньги! Я буду вамъ помогать, буду...

— Вы?.. Нѣтъ, вашъ планъ никуда не годится, — съ улыбкой прервалъ ее отецъ и вспомнилъ, что кто-то говорилъ ему о прекрасномъ воспитаніи дѣтей въ иностранной N-ской школѣ. Рѣшились толконуться туда, и черезъ мѣсяць я поступилъ въ училище. Вступилъ я въ него съ глубочайшимъ отвращеніемъ къ наукѣ. «И на что нужна эта проклятая наука, — думалось мнѣ,- какое мнѣ дѣло до сравнительной степени именъ прилагательныхъ и до страдательнаго залога?»

Училище находилось въ центрѣ города, ходить туда изъ Измайловскаго полка было далеко, и отцу пришлось нанять квартиру поближе. Новая квартира была дороже старой, плата въ училище тоже была значительна, все это не остановило и не смутило отца, по-

лучавшаго 16 рублей 64 копейки серебромъ мѣсячнаго жалованья, изъ котораго дѣлались вычоты за разныя пропажи.

— Теперь надо, Соня, намъ работать, — говорилъ онъ:— полно жить для себя.

Онъ воображалъ, что они когда-нибудь жили для себя.

— Что-жъ, Вася, за мной дѣло не станетъ, были бы заказы, — отвѣчала матушка.

И вотъ два человѣка принялись трудиться, не разгибая спины, чтобы вырастить одного.

Отецъ въ свободные дни прилежно занимался столярною работою, дѣлалъ на продажу бритвенные ящички, клѣтки и другія мелкія вещи. Мать шила. Помню я до сихъ поръ, какъ въ темные зимніе вечера, когда я, бывало, окончивъ уроки, усну на своей постелькѣ, а она еще все сидитъ и и шьетъ, спокойная, безмятежная. Какъ я любилъ ея кроткое, худенькое личико; какъ тихъ былъ ея поцѣлуй, какъ она, сложивъ работу и уходя спать, на цыпочкахъ подходила ко мнѣ, крестила меня и тихо, осторожно прижимала свои горячія губы къ моей дѣтской головкѣ. Часто не спалъ я въ эти минуты и только от-

того не отвѣчалъ поцѣлуями на ея поцѣлуй, чтобы не дать ей повода думать, что она неосторожно разбудила меня, или что я не сплю отъ нездоровья; я жмуриль глаза, притворялся спящимъ и чувствовалъ, что она стоитъ надо мною, заслонивъ свѣчу рукой, и долго, долго любуется моимъ лицомъ. О, святая, благодатныя мгновенья, полныя кроткой материнской любви! не вы ли сдѣлали меня лучшимъ, чѣмъ я былъ? не вашъ ли свѣтъ запаль въ мою душу и навсегда согрѣлъ научилъ любить все достойное любви и прощать недостатки людей, никогда не вѣдавшихъ ея благотворнаго вліянія?

Въ одно сентябрьское утро меня разбудили ранѣе обыкновеннаго. Мнѣ было приготовлено чистое бѣлье и тщательно вычищенные курточка и брючки. Когда я одѣлся, матушка заботливо сняла съ моего платья нѣсколько пушинокъ, приставшихъ къ нему, напоядила и начала приглаживать мои волосы, что въ другое время обыкновенно дѣлалъ я самъ.

— Не очень охорашивай его, Соня, не на балъ ѣдетъ, — замѣтилъ отецъ.

Мы напились чаю и стали собираться идти

въ школу.

— Я думаю, еще слишкомъ рано, — сказала отецъ, глядя на часы.

— Мы сперва въ церковь зайдемъ, — отвѣчала матушка.

— Ну, это твое дѣло; если такъ нужно, то заходи.

Я и матушка пошли. По дорогѣ зашли въ храмъ, поставили свѣчу свв. Козьмѣ и Демьяну, матушка помолилась, я разсѣянно приложился къ иконѣ и мысленно былъ въ училищѣ, куда черезъ нѣсколько минутъ попалъ и въ самомъ дѣлѣ.

Въ узкомъ коридорѣ большого каменнаго зданія, гдѣ помѣщалась школа, шумѣли и суетились толпы воспитанниковъ всѣхъ возрастовъ, сословій и вѣроисповѣданій. Пробравшись не безъ труда и толчковъ сквозь пеструю массу мелкаго народа, отцовъ еще существующаго поколѣнія, мы вошли въ пріемную комнату. Матушка подошла со мною къ директору училища, сидѣвшему за большимъ письменныхъ столомъ, около котораго съ газетами и книгами въ рукахъ сидѣли и стояли учителя: въ училищѣ имъ

и счету не было. Директоръ, г. Сарторіусъ, вѣжливо раскланялся съ матушкою и заговорилъ съ нею по-нѣмецки; она объясняла, что не говоритъ на этомъ языкѣ; директоръ поспѣшилъ объяснить по-французски, коверкая каждое слово и выговаривая je, какъ we.

— Вы поступаете въ младшій классъ, — обратился онъ со мнѣ.

Въ эту минуту раздался рѣзкій, продолжительный звонъ колокольчика. Я вздрогнулъ.

— Теперь пора въ классъ, — сказалъ директоръ.

Я наскоро простился съ матушкою и пошелъ за Сарторіусомъ. Пройдя длинный коридоръ и завернувъ за уголъ, мы подошли къ дверямъ со стеклами. Школьный служитель, Schumiener, исправлявшій въ числѣ другихъ обязанности и обязанность палача, отворилъ передъ нами дверь, и директоръ ввелъ меня въ классъ, гдѣ уже начались занятія. Поговоривъ нѣсколько минутъ съ учителемъ, директоръ вышелъ.

Я стоялъ съ потупленною головою, смутно слыша сдержанный смѣхъ и шопотъ учени-

КОВЪ.

— Тише! — крикнулъ учитель и обратился ко мнѣ съ вопросомъ, какъ моя фамилія: онъ ее уже слышалъ отъ директора, но исполнялъ въ точности роль допросчика.

— Рудый, — тихо отвѣчалъ я.

— А! русакъ! нашъ братъ. Хорошо, что ты попалъ въ мой часъ, я тебѣ и друга хорошаго дамъ, тоже изъ русскихъ. Розенкампфъ! — позовалъ учитель одного изъ учениковъ:— вотъ тебѣ другъ; слушай его, седи съ нимъ вмѣстѣ въ мои часы; это примѣрный ученикъ, — говорилъ Саломірскій (такъ звали учителя), указывая мнѣ на ученика, подошедшаго къ каѳедрѣ. Я рѣшительно не зналъ, что значить быть чѣмъ-нибудь другомъ и какъ имъ сдѣлаться. «Если ты мнѣ другъ, то купи билетъ на мою лотерею», говорили одинъ другому воспитанники госпожи Соколовой; отъ нихъ же слышалъ я еще слѣдующія фразы со словомъ другъ: «хорошъ же ты другъ, всѣ свои пряники одинъ слопать!» или: «какой ты другъ, и подсказать-то мнѣ не могъ!» Подъ вліяніемъ ихъ понятій о дружбѣ, я робко взглянулъ на моего будущаго друга и

примѣрнаго ученика.

Первое, что меня поразило въ примѣрномъ ученикѣ, была необыкновенная блѣдность его лица; въ немъ не было ни кровинки; худое, миниатюрное, оно окаймлялось черными волосами, весьма гладко приглаженными, и только у пробора какъ-то затѣйливо поднимался непокорный вихорь, точно онъ хотѣлъ сказать каждому встрѣчному: дудки, братъ, меня не пригладишь! Изъ-подъ длинныхъ черныхъ рѣсницы зорко глядѣли сощуренные черные глаза, а по губамъ пробѣгала недѣтская, отталкивающая усмѣшка. Встрѣтись съ этимъ мальчикомъ въ саду или у знакомыхъ, я не подошелъ бы къ нему съ радушнымъ предложеніемъ поиграть; но тутъ, противъ воли, приходилось сдѣлаться его другомъ.

— Садись на мѣсто, — сказалъ Розенкамфъ и пошелъ со иною къ задней скамьѣ. — Ты не вздумай, и въ самомъ дѣлѣ, послушать этого дурака и сдѣлаться моимъ другомъ, — шепнулъ онъ мнѣ дорогою.

Мы сѣли; кто-то сбоку успѣлъ ущипнуть меня за руку, спросивъ о цѣнѣ сукна на моей

курточкѣ; мнѣ было очень больно, но я не поморщился. Учитель диктовалъ, выкрикивая слово за словомъ и шагая изъ угла въ уголъ. До окончанія диктовки, онъ отобралъ тетради учениковъ, связалъ ихъ веревкой и началъ вызывать по фамиліямъ мальчиковъ, заставляя ихъ отвѣчать наизусть заданныя имъ басни и стихотворенія. До моего слуха долетали слова: «двойка», «единица», «нуль», «я тебя запишу въ тадель».

— Зачѣмъ записываютъ въ тадель? — спросилъ я у Розенкампа.

— Чтобы инспекторъ наказалъ ученика, — отвѣчалъ сосѣдъ.

— За что же наказывать?

— За то, что дурно учится или болтаетъ въ классѣ, какъ ты.

Меня разозлилъ этотъ отвѣтъ.

— Я и не думалъ болтать, я только спросилъ, что значитъ тадель.

— Это можно было сдѣлать и послѣ класса.

— Кто тамъ разговариваетъ! — крикнулъ Саломірскій.

— Новичокъ, это новичокъ-съ болтаетъ, г. Саломірскій, — закричали радостными голо-

сами нѣсколько учениковъ.

— Обнимись на первый разъ съ печкой, ступай къ ней! — сказалъ мнѣ учитель.

Я, дрожа всѣмъ тѣломъ, всталъ со своего мѣста, чтобы обняться съ печкой.

— Сиди, — шепнулъ Розенкампфъ и дернулъ меня за рукавъ; я присѣлъ. — Онъ не болталъ, г. Саломірскій, — сказалъ Розенкампфъ, фамиллярно обращаясь въ учителю: ему нужно было спросить меня о дѣлѣ, сами же вы меня ему въ друзья назначили.

— Такъ ты бы такъ и сказалъ! А вы, ябедники, сейчасъ рады наслетничать — и на кого же? на новичка! Я васъ всѣхъ заставлю съ печкой цѣловаться, шушера, мелюзга! — кричалъ Саломірскій и началъ еще болѣе ставить нулей.

Ученики, получившіе неутѣшительный баллъ, отходили отъ кафедры съ злобными лицами, «Пьяница!» — почти вслухъ говорили они: не выспался, вѣрно, опохмеляться хочется! Саломірскій точно былъ пьяница. Онъ принадлежалъ къ числу многихъ безцвѣтныхъ, заѣденныхъ средою, т. е. дрянныхъ и жиденскихъ натуръ; къ учительской

обязанности онъ не чувствовалъ никакой способности и все же училъ дѣтей, потому что и во всякомъ другомъ званіи онъ былъ бы не на своемъ мѣстѣ. Горе о своей негодности онъ запивалъ виномъ, злобу вымещалъ на ученикахъ бранью и пулями. По вечерамъ онъ приходилъ въ классы, шатаясь, садился на кафедру и дремалъ, изрѣдка, спросонья, оглашая классъ криками: шушера, мелюзга, сволочь. Но дѣти не боялись его вечеромъ; они знали, что онъ не въ состояніи даже балловъ вписывать въ журналъ; расписываясь вечеромъ въ журналъ, онъ съ трудомъ выводилъ перомъ: «Сало» и, сдѣлавъ вмѣсто остальныхъ буквъ своей фамиліи длинную чернильную черту, бросалъ перо. Учились у него плохо, выучивались немногому и въ годъ едва-едва начинали писать подъ диктовку, не дѣлая двадцати ошибокъ на каждой страницѣ. И какъ же было научиться писать, если учитель, продиктовавъ что-нибудь, отбиралъ тетради и повѣрялъ ихъ дома? дѣти вообще не имѣютъ привычки разсматривать повѣренное учителемъ; взглянуть они на подпись, гдѣ значится, сколько у нихъ ошибокъ

къ, и сложать тетради; вздумай учитель про-
диктовать имъ то же самое, и они сдѣлають
тѣ же самыя ошибки. Саломірскій, какъ и
многіе учителя, не понималъ этого.
Неизвѣстно, почему держали его въ училищѣ
и не выгоняли вонъ.

Наконецъ, послышался звонокъ. Первый
часъ кончился, на десять минутъ ученикамъ
давалась свобода. Въ классѣ начался шумъ и
гамъ. Шумѣли болѣе всего около меня. Вопро-
сы о достоинствѣ моего сукна, сопровождае-
мые щипками, и насмѣшки надъ приглажен-
ными волосами сыпались градомъ, и уже не
одна рука прогулялась по моей головѣ.

— Кто тебя вылизалъ — маменька или ня-
нюшка?

— Почемъ аршинъ сукна на твоей курткѣ?

— Косой залпъ, давно ли ты изъ лѣсу?

Я сидѣлъ, какъ мокрая курица, я не зналъ
ни одной фамиліи и не могъ ни у кого попро-
сить заступничества и помощи. Розенкампа
не было въ комнатѣ. Вдругъ раздались крики:
«масло жать, масло жать изъ новичка!» вся
ватага бросилась на скамью, гдѣ я сидѣлъ, и
меня приперли къ стѣнѣ. Въ минуту появился

Розенкампфъ.

— Охота тебѣ сидѣть тутъ! — сказалъ онъ мнѣ:— здѣсь оглохнуть можно и жара нестерпимая, въ коридорѣ лучше.

Онъ взялъ меня за руку и провелъ сквозь толпу шумѣвшихъ школьниковъ въ коридоръ. На моихъ глазахъ были крупныя слезы, въ воображеніи рисовалась страшная картина выжиманья изъ меня масла. Я всхлипывалъ.

— Какой ты трусъ и неловкій! — польстилъ мнѣ Розенкампфъ, когда мы вышли въ коридоръ, и его лицо исказилось опять гадкой, недѣтской усмѣшкой. Онъ, кажется, жалѣлъ, что спасъ меня отъ выжиманья масла, хотѣлъ теперь насмѣяться надо мною. — Недостаетъ только, чтобы ты разревѣлся и пошелъ бы жаловаться на товарищey, — говорилъ онъ.

— А развѣ вы не плакали, когда васъ щипали и масло изъ васъ жали?

— Я никогда не плачу, я не такая баба, какъ ты.

Мнѣ стало досадно, и я поспѣшилъ идти обратно въ классъ.

— Не расплачься! — крикнулъ мнѣ вслѣдъ

Розенкампфъ и засмѣялся.

Нѣтъ, Саша не расплакался бы, потому что въ первый разъ въ жизни онъ былъ золъ на всѣхъ и на все. Ему самому хотѣлось побить кого-нибудь, больно побить, чтобы слышать крики о пощадѣ, видѣть чужія слезы. Скверное, еще незнакомое чувство было у него на душѣ, и если бы ему попалось въ эту минуту самое беззащитное животное, онъ прибилъ бы и его, растопталъ бы своими ногами и звонко захохоталъ бы, услышавъ его стоны. Никогда послѣ не возвращалось ко мнѣ это звѣрское чувство, но воспоминаніе о немъ осталось въ моей памяти, и теперь я чувствую, что я способенъ къ нему такъ же, какъ мой отецъ, какъ всѣ чисто-русскіе, безъ примѣси чухонщины, люди.

Впрочемъ, поколотить я не успѣлъ никого, потому что въ классъ вкатился новый учитель.

IX

Продолженіе

Я сказалъ: вкатился, ибо этотъ учитель болѣе походилъ на пивной котель, на барабанъ, на бочку, чѣмъ на существо, сотворенное по образу и по подобію Божію. Первый звукъ, произведенный этимъ созданиемъ, была звонкая оплеуха. Ее получилъ мальчуганъ, которому учитель отдалъ въ дверяхъ ногу. Послѣ звука оплеухи послѣдовалъ оглушительный чохъ, звукъ, похожій на ударъ палкою въ сковороду. Потомъ началось сморканье, не менѣе звучное и раздражающее слухъ; при процессѣ сморканья большой платокъ учителя принималъ форму трубы... Въ классѣ царствовала тишина могилы, можно было слышать полетъ мухи, но, кажется, и мухи присмирѣли и забились въ углы. Только шелестъ листовъ школьнаго журнала, медленно переворачиваемыхъ учителемъ, нарушалъ эту мертвую тишину, и въ ней было нѣчто зловѣщее. — Скверно, когда дѣти сидятъ такъ тихо въ классѣ.

— Герценъ! — сказала бочка, носившая фамилію Бейтмана.

Къ каедрѣ подошелъ бѣлокуренькій нѣмецъ; онъ, видимо, робѣлъ. Бочка пристально и медленно обвела его глазами и, кажется, осталась довольна, сдѣлавъ мысленное заключеніе: не знаетъ!

— Какъ по-русски: die Flinte? — спросилъ Бейтманъ.

— Ружье, — отвѣчалъ Герценъ,

— Der Kamm?

— Гребонка?

— Какъ? какъ? — обрадовался Рейтманъ.

— Гребонка?

— А! ты ничего не знаешь. Вурмъ, какъ по-русски: Der Kamm! — спрашивалъ Рейтманъ, подзывая другого ученика.

— Гребэнка, — отвѣчалъ Вурмъ.

— Ты тоже инчго не знаешь, мой другъ; останься, мой другъ, здѣсь! — Глаза учителя налились кровью и бѣгали. — Розенкампфъ, скажи имъ это слово.

— Гребенка, — отвѣчалъ Розенкамнфъ.

— Das ist's, das ist'e! гребенка, гребенка. Слышите вы, кои друзья, гребенка! — Учи-

тель уже дралъ обѣими руками уши Герцена и Вурма. — Я говорилъ вамъ, что если васъ ночью спросятъ слово изъ урока, то вы должны вѣрно отвѣтить на вопросъ, перевернуться на другой бокъ и уснуть. Я вѣдь говорилъ вамъ все это тысячу разъ, мои друзья.

Уши учениковъ страдали страшно.

Такъ шель весь урокъ. Около каѳедры накоплялось все болѣе и болѣе учениковъ, ошибавшихся въ одной какой-нибудь буквѣ. Тутъ были перебраны: пыль, пяль, пиль и пыль, солоные и солѣные, столъ и столъ, и какъ только добирались до настоящаго выговора роковыхъ словъ, такъ сейчасъ же начиналось. дранье за уши всѣхъ учениковъ, стоявшихъ у каѳедры, я повтореніе словъ: *das ist's, das jet's, mein Freund!* За рѣшеніемъ вопроса въ Рейтманъ обращался всегда къ Розенкампу, какъ первому ученику въ классѣ, сидѣвшему въ немъ уже второй годъ. Розенкампъ отвѣчалъ съ какимъ-то пренебреженіемъ и злостью, не двигаясь съ мѣста, и если только подмѣчалъ ошибку въ выговорѣ самого Рейтмана, то тотчасъ же говорилъ ему: «вы сами не такъ выговаривае-

те». Рейтманъ багровѣлъ отъ злобы и признавался въ ошибкѣ. Розенкампу все сходило съ рукъ.

Какъ ни страшень былъ учитель, какъ ни боялись ученики, что ихъ вотъ-вотъ сейчасъ вызовутъ и начнутъ драть за уши, но все же они страшно скучали и черезъ силу удерживались отъ разговоровъ и сохраняли тишину. Посреди этой тишины давно уже слышалось жужжанье мухи; неотвязчивое насѣкомое назойливо жужжало и — странное дѣло — жужжанье начало, наконецъ, возбуждать смѣхъ на задней скамьѣ.

— Что у васъ тамъ? — крикнулъ Рейтманъ по-нѣмецки и уже катился съ каѳедры и летѣлъ по классу.

Начались оплеухи, допросы и новыя оплеухи, но муха отыскалась во образѣ одного русскаго мальчугана. Виновному досталось нѣсколько звучныхъ пощечинъ и велѣно было ему, рабу Божию, и двумъ его сосѣдямъ стоять въ продолженіе недѣли на колѣняхъ во время уроковъ Рейтмана. Такъ прошелъ второй урокъ; меня Рейтманъ заставилъ прочесть двѣ строки и объявилъ мнѣ, что я чи-

таю по-нѣмецки хуже всякаго сапожника; больше со мною онъ не разговариваль.

Для полнѣйшей характеристики господина Рейтмана разскажу нѣсколько случаевъ изъ его дѣятельности. Однажды онъ забылъ дома свою табакерку, пришель въ классъ, позвалъ къ себѣ своего сына, поколотилъ его и велѣлъ сбѣгать домой за забытою вещью. Другой разъ по ошибкѣ далъ оплеуху одному болѣзненному мальчику, тотъ упаль въ обморокъ. Рейтманъ поблѣднѣлъ, послалъ за водою, торопливо разстегнулъ ученику курточку и, когда тотъ пришель въ память, началъ ласкать мальчика, просилъ у него извиненія и заставлялъ при себѣ прибить того школьника, за котораго невинный получилъ оплеуху. Ребенокъ не согласился, и Рейтманъ имѣлъ удовольствіе собственноручно поколотить виновнаго. Бить, бить и бить было маніей бочкообразнаго господина; онъ ставилъ баллы снисходительнѣе другихъ учителей, ибо за худой баллъ ребенка наказывалъ инспекторъ, оставлявшій его въ школѣ по средамъ и субботамъ долѣе урочнаго часа, и Рейтману это не могло принести

удовольствія. Онъ билъ съ увлеченіемъ, поддразнивалъ себя, искалъ случая придраться. Во дни студенчества онъ готовился въ пасторы, не выдержалъ экзамена и посвятилъ себя преподаванію нѣмецкаго языка и всеобщей исторіи. Послѣдній предметъ зналъ онъ по Беккеровой Weltgeschichte и пользоваться другими пособіями не считалъ нужнымъ. Мы зубрили у него тысячи именъ и годовъ; объ иномъ королѣ въ исторіи только говорилось то, что сей знаменитый мужъ былъ плѣшивъ, и въ нашемъ воображеніи рисовалась вмѣсто человѣка одна громадная историческая плѣшь, но все же мы были обязаны помнить о ней такъ же, какъ помнили о дѣлахъ Александра Македонскаго. Въ часы исторіи приносилась въ классъ географическая карта и длинная палка-указка; карта рѣдко шла въ дѣло, но палка безостановочно гуляла по нашимъ головамъ, вбивая въ нихъ имена и числа. Рейтманъ рассказывавъ событія съ жаромъ и, со своей точки зрѣнія, отвергалъ въ человѣкѣ свободную волю, толковалъ о предопредѣленіи, вѣроятно, вспоминая о неудачной попыткѣ сдѣлаться пасторомъ, и

проповѣдовалъ Resignation: при этомъ его масляные глазки взводились къ небесамъ, то-есть къ классному потолку, гдѣ часто виднѣлись комки жеваной бумаги и болтавшіеся чортики, и по жирнымъ щекамъ проповѣдника сочилась одинокая слезка умиленія, потомъ глазки вдругъ смахивали долу и искали, нѣтъ ли виновнаго, нельзя ли кого-нибудь побить. И вѣдь находилъ, всегда находилъ.

Этому учителю обязанъ я многими слезами, бессмысленнымъ знаніемъ всеобщей исторіи и чистымъ нѣмецкимъ выговоромъ.

Промежутокъ времени между вторымъ и третьимъ уроками прошелъ довольно сносно. Я даже не замѣтилъ, какъ вошелъ въ классъ учитель. Впрочемъ, трудно было и замѣтить; онъ какъ будто не входилъ въ классъ, а просто находился въ немъ и прежде, сидя гдѣ-то въ толпѣ учениковъ, и теперь только вошелъ на кафедру, чтобы дѣти замѣтили его присутствіе.

— Тише, тише, дѣти! — увѣщавалъ учитель школьниковъ.

Отъ увѣщанія сдѣлалось немного тише,

ученики, повидимому, не боялись этого господина. Я сталъ его разсматривать.

Представьте себѣ безконечно-длинную, невообразимо-худую фигуру съ лицомъ, изрытымъ морщинами, съ какимъ-то бѣловатымъ шрамомъ на лбу, съ двумя клочками бѣловато-желтыхъ волосъ на ввалившихся щекахъ (нѣкоторые говорили, что эти клочки представляютъ бакенбарды) и точно такого же цвѣта хохломъ надъ лбомъ; прибавьте къ этому изображенію длинный тонкій носъ и ротъ, почти лишенный зубовъ, — и вы будете имѣть почти полный портретъ господина Мейера, преподававшаго въ младшихъ классахъ математику, исправлявшаго должность бібліотекаря и замѣнявшаго, безъ всякаго за то вознагражденія, отсутствующихъ гувернеровъ. Еще сидя на скамьѣ, я успѣлъ разсмотрѣть это лицо, и оно поразило меня своею некрасивостью: оно было не страшно, но до крайности смѣшно. Такое смѣшное безобразіе можно найти только въ нѣмцахъ; въ Германіи вы часто встрѣтите буршей, взглянувъ на которыхъ расхохочется даже самый суровый челоуѣкъ, и невольно

вырвется у него восклицаніе: «Вѣдь создалъ же Богъ этакую потѣшную штуку!

Мейеръ позвалъ меня къ себѣ.

— Кафаришь ты по-нѣмецки, mein Junge? — спросилъ онъ меня.

— Я по-нѣмецки не знаю, — отвѣчалъ я, стараясь не смотрѣть на его лицо.

— Ну, Богъ дастъ, выучишься. Ариѳметикъ ты изучалъ?

— Четыре правила простыхъ чиселъ знаю.

— Умѣешь считать безъ доскъ въ голова?

— Нѣтъ-съ, не умѣю.

— И это выучишься; всѣ, мой дружокъ, выучишься, даже и то, чего я не знайтъ.

Нѣмецъ гладилъ меня во головѣ и ласково разсматривалъ черты моего лица. Я рѣшился взглянуть на него и, Боже мой, какіе чудесные глаза увидалъ! Голубые, ясные, какою глубокою любовью свѣтились они изъ-подъ нависшихъ желтоватыхъ бровей! Ихъ грѣющій взглядъ ласкалъ меня такъ же, какъ его рука ласкала мои волосы. И мнѣ кажется, я не отошелъ бы во-вѣкъ отъ этого некрасиваго, смѣшнаго человѣка, чтобы только чувствовать на себѣ его взглядъ, быть подъ его защи-

той.

Вскорѣ я узналъ исторію жизни господина Мейера и постараюсь теперь же рассказать ее читателю: отдохнуть мнѣ захотѣлось.

Мейеръ родился бѣднякомъ, воспитывался въ Германіи и кончилъ курсъ наукъ въ одномъ изъ тамошнихъ университетовъ. Первымъ ученикомъ онъ нигдѣ не былъ, неспособнымъ его считали вездѣ, товарищи подшучивали надъ нимъ, и между тѣмъ что-то непреодолимо тянуло къ нему всѣхъ людей. Это что-то притягивающее проявлялось во всемъ его существѣ; но что это было — объяснить не было возможности. Къ нему приходили за совѣтами, просили его быть посредникомъ между повздорившими друзьями, желали слышать его мнѣніе о дѣятельности разныхъ людей, хотя знали, что онъ былъ однимъ изъ непрактичнѣйшихъ существъ въ мірѣ. Двадцати лѣтъ онъ сдѣлался учителемъ математики и женился по любви. Черезъ годъ послѣ свадьбы у него родился сынъ, но его рожденіе стоило женѣ Мейера жизни. Мейеръ, почти юноша, остался съ груднымъ младенцемъ на рукахъ, но не тяготился ничѣмъ. Сынъ росъ и

учился отлично, во всѣхъ классахъ онъ былъ первымъ; настало время послѣднихъ экзаменовъ, мальчикъ сдать ихъ блистательно, и вдругъ занемогъ горячкою: черезъ недѣлю его не стало. Мейеръ чуть не сошелъ съ ума. Мало-помалу, онъ успокоился и, въ качествѣ домашняго учителя, уѣхалъ съ семействомъ одного барина въ Россію, черезъ три года онъ поступилъ учителемъ въ N-скую школу. Онъ любилъ всѣхъ и все, ему рѣдко платили благодарностью за любовь и смѣялись надъ нимъ всѣ: «смѣшонъ, какъ Мейеръ», было школьною поговоркой; но стоило Мейеру сказать, что онъ хочетъ оставить школу, и всѣ вдругъ начинали его упрашивать остаться: безъ Мейера школа была бы не полна. Онъ вѣчно рылся нѣ библіотекѣ, читалъ всѣ педагогическія книги и писалъ проекты воспитанія дѣтей; проекты выходили крайне гуманны и честны, но совершенно непрактичны: въ людяхъ Мейеръ видѣлъ какихъ-то свѣтлыхъ духовъ. Послѣ паденія каждаго проекта онъ приходилъ въ классъ необычайно грустнымъ.

— Что вы скучны, г. Мейеръ? — спрашива-

ли его ученики.

— Мой проектъ о вашемъ счастіи не удался, я его писать съ такая любовь, такъ хотѣлъ вамъ изученія наукъ облегчать, и онъ палъ! — отвѣчалъ Мейеръ и вечеромъ душилъ пансіонеровъ чтеніемъ извлеченій изъ проектовъ.

Ученики такъ привыкли къ этому, что, наконецъ, прямо спрашивали Мейера, если онъ былъ грустенъ:

— Что, г. Мейеръ, вѣрно вашъ проектъ палъ:

— Палъ! — качая въ раздумьѣ головою, отвѣчалъ старикъ; виновать! я хотѣлъ сказать: старое дитя.

Только однажды ученики ошиблись; на ихъ обычный вопросъ учитель отвѣчалъ:

— Нѣтъ, я еще не имѣлъ шесть представлять высокой конференціи свой проектъ, но моя канарейка улетѣлъ!..

И у Мейера навернулись на глаза слезы. Онъ страстно любилъ птицъ. Въ этотъ разъ впервые высказалась вполнѣ любовь учениковъ къ учителю. Они, какъ одинъ человекъ, рѣшили единогласно, что надо купить Мейе-

ру новую канарейку, и на другой день у него разомъ появилось пять штукъ канареекъ. Не мало было смѣху при видѣ его радости! Онъ переходилъ отъ одной птички къ другой, слушалъ ихъ пѣніе, разговаривалъ съ ними на разныхъ языкахъ. «А твой вѣрно не знайтъ по-нѣмецки, я съ тобой будетъ по-русски объясняется», говорилъ онъ, и, наконецъ, сказать ученикамъ:

— Сегодня мой самый сшасливый день. Сегодня я херой!

Это слово вызвало всеобщій смѣхъ, и Мейеръ навсегда получилъ названіе героя. Но съ этого дня онъ совсѣмъ пересталъ оскорбляться насмѣшками и еще болѣе полюбилъ дѣтей-учениковъ. Часто отстаивалъ онъ насъ своею грудью... Даже паденіе его проектовъ дѣйствовало на него менѣе грустно, чѣмъ прежде.

— Когда-нибудь мои проекты примуть, — говорилъ онъ:— и я буду сшасливъ.

— Героємъ будете? — зубоскалили ученики.

— Да, хероємъ, — отвѣчалъ Мейеръ...

Возвращаюсь къ занятіямъ третьяго часа.

Мейеръ задавалъ задачи, и ученики должны были рѣшать ихъ въ умѣ, безъ помощи досокъ, тетрадей, грифелей и карандашей. Задачи Мейеръ выдумывалъ очень интересныя, часто это были цѣлые анекдоты, и вообще онъ приспособлялъ ихъ къ нашимъ дѣтскимъ понятіямъ. Ученики смѣялись, каждый спѣшилъ поскорѣе рѣшить задачу, всѣ были оживлены и веселы. Это былъ не урокъ, но игра, болѣе полезная, чѣмъ всѣ уроки съ громкою бранью, оплеухами и выговорами. Я успѣлъ въ этотъ урокъ рѣшить скорѣе другихъ одну задачу, замаскированную Мейеромъ въ большой анекдотъ, и онъ назвалъ меня молодцомъ, утѣшивъ снова тѣмъ, что я буду знать даже то, чего онъ не знаетъ.

Послѣ звонка большая часть учениковъ разошлась по домамъ, пансіонеры пошли обѣдать и послѣ обѣда побѣжали на дворъ играть. Я съѣлъ свой скромный завтракъ, состоявшій изъ булки съ масломъ и сыромъ, и тоже пошелъ гулять на школьный дворъ, гдѣ шумѣли и кричали ученики всѣхъ классовъ, летали мячи, взмахивались палки и иногда жалобно взвизгивали собаки, случайно

попавшія въ страшную кутерьму разыгравшихся дѣтей.

Х

Продолженіе

На дворѣ я сѣлъ на ступеньку школьнаго надзорнаго крыльца и задумчиво смотрѣлъ на играющихъ дѣтей. Мнѣ было скучно и грустно, но я не желалъ вмѣшиваться въ ихъ пеструю толпу — она была слишкомъ шумна, я не привыкъ ни къ какому шуму, ни къ веселому, въ родѣ игры, ни къ печальному, въ родѣ драки. Въ моей головѣ носились какія-то смутныя мысли: «что было бы со мною, — думалось мнѣ, — если бы изъ меня выжали масло? Я вдругъ сдѣлался бы тоненькимъ-претоненькимъ. И неужели изъ каждаго-то человѣка здѣсь выжимаютъ масло? Изъ Рейтмана, я думаю, не выжимали, оттого онъ и толстый такой. Однако, какой же онъ злой! всѣхъ онъ колотитъ. Если онъ меня поколотитъ, то я Мейеру пожалуюсь; славный этотъ Мейеръ, только какой онъ смѣшной и худенькій; ему не справиться съ

Рейтманомъ, вотъ мой папа такъ справится: лучше я ему на Рейтмана пожалуюсь. А что-то дѣлаетъ теперь папа? Строгаетъ, я думаю, что-нибудь или обо мнѣ съ мамашей разговариваетъ, можетъ-быть, и бабушка у насъ... Сбѣгать бы домой». Мои мысли, мало-по-малу, унеслись домой, и мнѣ стало еще скучнѣе: три часа, которые я долженъ былъ просидѣть въ училищѣ, представлялись мнѣ въ видѣ трехъ дней, даже болѣе. Наконецъ, меня вывелъ изъ задумчивости разговоръ двухъ мальчиковъ, проходившихъ по двору.

— Новичокъ? — спрашивалъ одинъ изъ нихъ у другого. — Какъ его фамилія?

— Рудый, — отвѣчалъ другой: это былъ Розенкампфъ.

— Русскій, значитъ, къ батькѣ полку прибыло.

— Да только, вѣрно, не въ нашъ классъ, а въ младшій.

— Вотъ мы его сейчасъ проэкзаменуемъ, такъ и увидимъ, въ который классъ онъ пойдетъ.

— Рудый, ты знаешь что-нибудь изъ Закона Божьяго? — спросилъ ученикъ,

говорившій съ Розенкампомъ.

Это былъ довольно большой мальчикъ изъ старшаго класса, съ темнорусыми волосами, съ открытымъ лицомъ и не по лѣтамъ мужественный; верхняя губа у него покрывалась легкимъ пушкомъ.

— Знаю краткій катехизисъ и Ветхій Заѡтъ по пространной исторіи, больше ничего не знаю, — отвѣчалъ я и почему-то разсердился.

— А молитвъ не знаешь? — спросилъ, смѣясь, большой ученикъ, показавъ мнѣ два ряда бѣлыхъ и ровныхъ зубовъ.

— Молитвы и пятилѣтнія дѣти знаютъ, а мнѣ десять лѣтъ.

— Ого! какой старикъ, да еще и сердитый.

— Лучше быть сердитымъ, чѣмъ смѣяться надъ новичками.

— Такъ ты пожаловался бы на тѣхъ, кто надъ новичками смѣется, — сказалъ большой ученикъ и пристально посмотрѣлъ на меня.

— Не тебѣ ли? — спросилъ я.

— Хоть бы и мнѣ. Вѣдь я старшій ученикъ въ классѣ у батъки и первый силачъ въ школѣ.

— Тѣмъ лучше для тебя, — отвѣтилъ я, и всталъ со ступеньки, чтобы идти въ классы.

— За что же ты злишься, Рудый? — спросилъ неотвязчивый школьникъ и удержалъ меня за рукавъ.

— Оттого, что мнѣ скучно, оттого, что ты и Розенкампфъ смѣетесь надо мной, оттого, что вы мнѣ надоѣли!

Голосъ мой начиналъ дрожать отъ подступавшихъ къ глазамъ слезъ.

— Сейчасъ заплачетъ, — улыбаясь, промолвилъ Розенкампфъ.

— Нѣтъ, не заплачу! Ты глупый мальчишка! — крикнулъ я и побѣжалъ къ играющимъ дѣтямъ.

— Новичокъ, новичокъ! не хочешь ли къ городки играть? Да какъ тебя зовутъ?

— Александръ Рудый, — отвѣчалъ я, и согласился играть въ городки съ незнакомымъ мнѣ мальчуганомъ.

Первый шагъ былъ сдѣланъ, игра меня разсѣяла, и въ часъ свободнаго времени я научился играть и въ городки, и въ лапту. Черезъ часъ послышался призывный звонокъ, и мы всѣ побѣжали въ классы, гдѣ уже собра-

лись вольноприходящіе ученики, уходившіе домой. Я былъ красенъ, какъ ракъ, мои волосы взбились и беспорядочно лежали на головѣ, съ лица лилъ крупный потъ, грудь широко дышала. Мнѣ было весело и хорошо.

— Наигрался! Теперь пойдѣмъ въ классъ къ попу, — сказалъ мнѣ ученикъ, говорившій со мной на дворѣ. — Да не будь такимъ злымъ и плаксой, плачутъ только старыя бабы, — тѣ всегда хнычутъ.

И ученикъ представилъ предо мною, какъ хнычутъ старыя бабы; онъ былъ сорви-голова и весельчакъ.

— Не будешь плакать, и смѣяться надъ тобой не стануть.

— Пускай смѣются, я и самъ умѣю смѣяться, — весело отвѣчалъ я.

— Молодецъ! Лучше смѣяться, чѣмъ плакать.

Мы вошли въ комнату, въ которой обыкновенно давалъ уроки священникъ. Всѣ православные школьники раздѣлялись у него на два класса, на младшій и старшій; я поступилъ въ старшій, потому что былъ далекъ въ знаніи Священной Исторіи. Наконецъ, явился

и священникъ.

— Нѣтъ ли иновѣрцевъ? — спросилъ онъ, выговаривая твердо на о и расчесывая широкимъ гребнемъ жиденъкую бороду.

— Есть, батюшка.

— Иновѣрцы, выходите вонъ.

— Мы не будемъ шумѣть, батюшка.

— Врете вы, иновѣрцы, все вы врете; опять пакость какую ни на есть сотворите. Поди-ко карты притащили въ штанахъ?

— Ей-Богу-съ, батюшка, картъ нѣтъ; хоть обыщите, — увѣряли иновѣрцы.

— Ну, ну, не божитесь! Въ законъ сказано: грѣхъ божиться. Сидите смирно, — не то всѣхъ къ порогу поставлю.

Православные хохотали, хотя весь этотъ разговоръ они слышали отъ слова до слова разъ сто; священникъ, кряхтя, усѣлся на свой стулъ и началъ спрашивать уроки. Классъ прошелъ довольно мирно; священникъ былъ добрякъ; бывало, обругаетъ кого-нибудь кочнемъ капустнымъ, да тѣмъ дѣло и кончится.

Первый школьный день окончился классами чистописанія и танцованія; эти два часа прошли вяло и скучно, и я избавлю читателя

отъ чтенія ихъ описанія. Въ пять часовъ я отправился домой.

— Ну что, школа понравилась тебѣ? — спросила матушка, когда я возвратился изъ училища.

— Да, хорошо, — отвѣчалъ я, не сознавая, что было хорошаго въ школѣ, я только помышляя объ обѣдѣ.

— Не поколотили тебя? — спросилъ съ улыбкой отецъ.

— Нѣтъ, не поколотили.

— Всегда глупости выдумаетъ! Кто же смѣетъ его поколотъ и за что?

Предоставляю угадать читателю, кто произнесъ эту фразу.

— Такъ, здорово живешь! Новичковъ вездѣ колотятъ, — отвѣчалъ отецъ.

— Гдѣ-нибудь въ мужицкой школѣ, у бурсаковъ, а не въ иностранномъ училищѣ.

— И тутъ, бабушка, есть мужики, — поспѣшилъ я вмѣшаться въ разговоръ:— подлѣ меня сидитъ Онуфриевъ, такъ отъ его головы коровьимъ масломъ воняетъ.

— Господи! Куда же ты попалъ? Туда, значить, всякую дрянъ принимаютъ? — ужасну-

лась бабушка.

— Полноте, матушка! Не все ли равно дѣти, чьи бы они ни были? Вы же сами сердились, что Сашу не приняли въ гимназію; что же стали бы мы дѣлать, если бы его и сюда не приняли?

— Я не о Сашѣ говорю, а вотъ о томъ, отъ котораго коровьимъ масломъ воняетъ; вѣдь это значитъ, онъ-таки совсѣмъ мужикъ.

— Ну, и Саша не лучше.

— Саша не лучше? Саша? Вы помѣшались въ умѣ, Василій Александрычъ! Сына своего въ грошъ не ставятъ, съ мужиками равняютъ, съ сиволапыми, — ну, люди! — заговорила бабушка.

Я долго слышалъ ея восклицанія, сидя за перегородкой и уничтожая обѣдъ. Я ѣлъ, какъ десять мужиковъ не могутъ ѣсть, не проголодавшись.

Первый день, проведенный мною въ новой школѣ — гниломъ болотѣ, не пробудилъ во мнѣ никакихъ ясныхъ ощущеній, мнѣ было ни весело, ни скучно: я сознавалъ только одно, что этотъ день пролетѣлъ стрѣлою. Такъ пролетѣло еще нѣсколько дней, недѣль,

и, мало-по-малу, въ моемъ умѣ сложились слѣдующія мысли: учителя большею частью злы и любятъ наказывать, это я видѣлъ самъ и другіе ученики подтверждали то же; значитъ, надо прилежнѣе учиться, чтобы избѣжать наказанія. Лѣнтяи страдаютъ болѣе всѣхъ отъ учителей и отъ учениковъ. Ученики притѣсняютъ ихъ не потому, что не любятъ лѣнтяевъ, но потому, что на бѣднаго Макара всѣ шишки валятся; и дѣти, и большіе рады притѣснять и поглубже втоптать въ грязь тѣхъ, кто и безъ того давнымъ-давно по уши въ грязи и не можетъ изъ нея выкарабкаться. Эта мысль не моя: ее я слышалъ отъ отца и вполне согласился съ нею, вглядываясь въ школьный міръ; значитъ, надо прилежнѣе учиться. Я никакъ не соглашался въ душѣ съ мыслью отца, что я и Онуфріевъ одно и то же. Я былъ такой чистенькій, миленькій мальчикъ, я стыдился, если на моемъ сапогѣ или на курточкѣ появлялась дырка, или, что еще хуже, заплатка; на Онуфріевѣ же надѣтъ не то сюртучокъ, не то поддевка, платье это, должно быть, сшито изъ отцовскаго, ибо на немъ видны слѣды старыхъ

швовъ. Мнѣ бабушка пророчила, что я буду генераломъ, а Онуфриевъ генераломъ не будетъ, его отецъ лабазникъ. Между тѣмъ мнѣ приходилось сидѣть ниже Онуфриева, иногда даже слушать его приказанія. Чтобы пересѣсть на другое мѣсто, выше его, нужно было прилежнѣе учиться. Вотъ тѣ доводы, которыми я доказалъ себѣ необходимость ученія и прилежанія.

Вамъ они нравятся, читатель? Нѣтъ? Но другихъ школа не вырабатываетъ. И вы, гдѣ бы вы ни воспитывались, руководствовались тѣми же соображеніями, учились изъ страха передъ наказаніями, изъ нежеланія подвергаться насмѣшкамъ товарищей, изъ стремленія удовлетворить свое маленькое самолюбіе самага пошлѣйшаго свойства. Прилежаніе, вызванное подобными доводами, бываетъ всегда наружное и шаткое; ученикъ никогда не приготовитъ своего урока, если онъ знаетъ навѣрное, что учитель не взглянетъ въ его тетрадь, и никогда не прочтетъ ни строчки, если учитель не прикажетъ, а просто замѣтитъ мимоходомъ: прочтите такую-то статью, если будетъ время.

Понять пользу ученія съ другой, съ разумной стороны, удастся очень и очень немногимъ дѣтямъ, умамъ-самородкамъ, — не обязаннымъ своимъ развитіемъ ни родителямъ, ни глупымъ школамъ, ни гнилымъ учебникамъ. И обыкновенно эти-то дѣти никогда не бываютъ первыми учениками въ классѣ, учителя не ставятъ ихъ въ примѣръ другимъ школьникамъ, школьники смотрятъ на нихъ съ пренебреженіемъ. Такой то самородокъ былъ и у насъ въ школѣ, но о немъ теперь еще не время говорить, я его тогда еще не понималъ, какъ не понимала его и вся школа; впрочемъ, мнѣ первому удалось разгадать эту личность, и рѣдко кого любилъ я такъ, какъ любилъ ее: въ ней были первыя струи свѣжаго воздуха, пахнувшія мнѣ въ лицо...

Благодѣтельное вліяніе сильно развитаго воображенія

Кромѣ этихъ общихъ школьныхъ доводовъ, доказывающихъ пользу ученія, были у меня и другіе.

До сихъ поръ я жилъ въ узенькомъ семейномъ кругу, и большею частію между женщинами, всегда видя однѣ заботы о насущномъ хлѣбѣ, слыша одни разговоры о дороговизнѣ и вѣчныя жалобы бѣдныхъ знакомыхъ. Съ другой стороны, вѣчно-невозмутимое, вѣчно-спокойное лицо отца какъ будто намекало мнѣ, что въ жизни есть что-то хорошее, что до этого хорошаго можетъ дожить человѣкъ. Добылъ ли отецъ это хорошее, не было ли у него въ запасѣ клада, которымъ онъ могъ располагать въ случаѣ нужды, — я не зналъ; но мнѣ казалось, что у отца есть кладъ. Отъ бабушки я слышалъ, что я могу быть богатымъ и генераломъ, что въ этомъ состоитъ счастье жизни и, чтобы его достигнуть, надо только кончить ученье и начать служить. Отецъ то-

же говорилъ: учись — челоуѣкомъ будешь! То-есть, генераломъ буду, рѣшилъ я мысленно и рѣшился учиться, во что бы то ни стало. Каково было привести въ исполненіе эту рѣшимость?

Дѣти, выросшія въ одиночествѣ, слышавшія множество волшебныхъ сказокъ и повѣрившія пророчествамъ близкихъ людей о будущемъ счастіи, вообще склонны къ задумчивости и мечтательности. Имъ тяжело принудить себя учить наизусть разную сушь школьныхъ учебниковъ, и они часто невольно дѣлаются лѣнтяями. Я испыталъ это на себѣ.

Бывало, сижу я на креслѣ, въ углу нашей комнаты, и зубрю слова и фразы. Der reiche Palast — богатый дворецъ — der reiche Palast, der reiche Palast, твержу я уже безсознательно; мнѣ надоѣло это слово, и въ воображеніи моемъ начинается рисоваться богатый дворецъ со всѣмъ своимъ великолѣпіемъ и блескомъ; расхаживаютъ по его заламъ чудныя женщины, одѣтыя въ бархатъ и атласъ, скользятъ по паркету мужчины со звѣздами на груди, въ вышитыхъ кафтанахъ, бѣгаютъ

хорошенькіе пажи. И вижу я себя входящимъ въ этотъ дворець, и всѣ улыбаются мнѣ, привѣтствуютъ меня: я герой. Что же далѣе? Этого-то далѣе я и не могу вообразить себѣ. Мнѣ кажется, что всѣ мнѣ удивляются, всѣ меня привѣтствуютъ, а я хожу и хожу по заламъ, я говорю со всѣми окружающими,жимаю имъ руки и... И тянется эта однообразная картина долго, очень долго, глаза мои безцѣльно устремляются, вдаль, гораздо далѣе противоположной стѣны нашей комнаты: она исчезаетъ и не мѣшаетъ мнѣ; передо мною разстилается какая-то волшебная страна; это не широкое пространство синяго моря съ его блестящими при солнечномъ свѣтѣ волнами, не великолѣпная, сочной травой поросшая, гулливымъ вѣтромъ волнуемая степь, не горы съ снѣговыми вершинами, пугающія человѣческіе взоры своими громадными размѣрами, — всѣхъ этихъ чудесъ природы я не видалъ, не зналъ ихъ безсмертной красоты; въ моей волшебной странѣ несутся и движутся волшебные замки безъ основаній, которые можетъ построить только фантазія ребенка, мечутся образы безъ ясныхъ

очертаній, сливаясь съ прозрачно-голубымъ, какъ утренній туманъ, волнистымъ воздухомъ...

— Что, сынушка, выучилъ урокъ? — весело спрашиваетъ меня отецъ.

— Нѣтъ, — очнувшись, отвѣчаю я сконфуженнымъ голосомъ.

— О чемъ же задумался? — уже заботливо говорятъ отецъ, и я знаю, что въ его головѣ промелькнула мысль: здоровъ ли онъ, не нужно ли ему чего?

Сейчасъ его рука пощупаетъ мою голову: не горяча ли?

— Я твердилъ слова на память, — начинаю я лгать своему доброму, чудесному отцу и поспѣшно наклоняюсь къ книгѣ, чтобы скрыть яркій румянецъ стыда, а въ головѣ мелькаетъ мысль: какой я лгунъ! какой я лѣнтяй! Завтра Рейтманъ придетъ въ классъ, и я не буду знать урока. Онъ меня оставитъ до семи часовъ въ школь; всѣ будутъ смѣяться, когда онъ станетъ мнѣ уши драть. Больше всѣхъ посмѣется Розенкампфъ, онъ мнѣ рукою носъ сдѣлаетъ, длинный носъ...

И снова я готовъ замечтаться по поводу

длиннаго носа, я уже протянуль въ умѣ до безконечности слово длинный и, кажется, соображаю, какъ онъ будетъ длинень... Но вотъ отецъ роняетъ на полъ рубанокъ. Я вздрагиваю и, какъ испуганныя птицы, Богъ вѣсть куда, несутся мои дѣтскія сонныя грезы; глаза приковываются къ книгѣ.

Много силъ, много даромъ потраченнаго времени потребовалось для того, чтобы побѣдить не въ мѣру развитое воображеніе, чтобы твердо преслѣдовать одну цѣль: учиться. Сколько наказаній, брани вынесъ я отъ учителей, сколько разъ рыдалъ я отъ боли въ надранныхъ до крови ушахъ, а когда меня высѣкли за лѣность... развѣ думалъ я пережить этотъ день!.. Я кусалъ себѣ руку во время зубренья уроковъ, чтобы эта боль мѣшала мнѣ мечтать о постороннемъ... Правда, я уже въ мартѣ мѣсяцѣ того же года былъ третьимъ ученикомъ въ классѣ, но чего мнѣ это стоило! Господи, чего мнѣ это стоило! Какую страшную борьбу выдержалъ я, и только и есть въ ней отраднаго то, что я понялъ силу своего характера. Но для чего развивали мое воображеніе? Для чего развиваютъ его во

всѣхъ дѣтяхъ?

Родится и растетъ почти половина всѣхъ бѣдныхъ дѣтей нашей матушки Россіи въ душныхъ городахъ, гдѣ служатъ ихъ отцы-труженики, не видятъ они природы, оживляющей все существо человѣка и отрезвляющей его умъ, рассказываютъ имъ волшебныя скажи, пріучая ихъ умъ создавать несуществующіе міры съ большеголовыми карлами, разѣзжающими подъ шапку-невидимкою на коврахъ-самолетахъ, на крылатыхъ волкахъ, говорятъ дѣтямъ о серебряныхъ деревьяхъ съ золотыми плодами, объ Иванѣ-царевичѣ, спасающемъ изъ терема Кащея Безсмертнаго красавицу Царь-дѣвицу и въ то же время баюкаютъ ихъ, полусонныхъ, пѣсней: «вырастешь большой, будешь въ золотѣ ходить». И вотъ грезится ребенку, что и онъ счастливый и всесильный Иванѣ-царевичъ, что и у него коверъ-самолетъ и шапка-невидимка, и весело ребенку... Чудныя сказки! знакомятъ онъ человѣка съ могучей народной фантазіей, не дай. Богъ никому испить одуряющаго вина, не отвѣдавъ свѣжей ключевой воды, познакомится

прежде со сказкою, чѣмъ съ природою и дѣйствительною жизнью. Въ сказкахъ поэзія, но она слишкомъ бьетъ въ глаза, ослѣпляетъ ихъ и послѣ нея трудно трезво глядѣть на міръ и понимать его дѣйствительную красоту, понимать, что желтый листь, трепещущій на вѣткѣ въ позднюю осень, въ тысячу разъ красивѣе неподвижныхъ серебряныхъ листьевъ и золотыхъ плодовъ, что простая и дымная изба мужика съ его трудовой жизнью въ милліонъ разъ занимательнѣе и ярче всѣхъ походовъ по воздуху небывалыхъ героевъ. И тотъ, кто въ дѣтствѣ былъ убаюканъ этими волшебными сказками и снотворными пѣснями, можетъ-быть, во всю жизнь будетъ повторять изношенную и затертую слезливыми поэтами фразу: «наша безцвѣтная жизнь, нашъ холодный міръ!»

Въ семь мѣсяцевъ, невѣдомой постороннимъ людямъ, внутренней борьбы я пересталъ играть въ лапту и въ городки; два часа обѣденнаго времени употреблялись мною на ученіе, и ихъ мнѣ было мало, я едва справлялся съ приготовленіемъ уроковъ. Посреди шумной и беззаботной толпы школьниковъ,

я снова былъ одинокимъ и тоскующимъ ребенкомъ, медленно побѣждалъ я себя, и когда побѣда была одержана, когда ученье пошло легко, тогда я не зналъ, куда дѣть два часа свободнаго времени; играть на дворѣ я отвыкъ и не понималъ, что игра можетъ разсѣять и заставить забыть пережитое время. Я сильно скучалъ, въ душѣ было какое-то утомленіе и раздражительность, мнѣ часто хотѣлось плакать. Между тѣмъ и время сдѣлало свое дѣло. Ребенокъ тѣмъ веселѣе, чѣмъ больше у него товарищей, но какъ только начинается онъ переходить къ юности, то тотчасъ же является у него потребность найти одного человѣка и назвать его другомъ, быть всегда вмѣстѣ съ нимъ, жить душа въ душу до тѣхъ поръ, покуда де придетъ новая степень развитія, когда другъ дѣлается снова товарищемъ, и на его мѣсто является женщина. Я вступилъ во второй періодъ развитія, періодъ стремленія къ чистѣйшей и искренней дружбѣ. Это самая поэтическая пора человѣческой жизни; чисты и безкорыстны въ это время всѣ наши стремленія; оно продолжается отъ одиннадцати лѣтъ до шестна-

дцати, иногда до восемнадцати. Жалки люди, рано очерствѣвшіе и не испытавшіе на себѣ прелести этого періода. Друга по сердцу я еще не находилъ...

Былъ ясный апрѣльскій день; воздухъ, еще не совсѣмъ теплый, согрѣвался яркими лучами солнца; на дворѣ дотаивалъ послѣдній снѣгъ, и мутными волнами съ веселымъ шумомъ бѣжали и стекались въ канавку ручьи воды; различные звуки яснѣе и громче раздавались въ воздухъ и замарали такъ медленно, какъ будто желали доставить человѣку удовольствіе вполне насладиться гармоніей говорливой городской жизни, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ глухой, безотвѣтно поглощающей звуки зимы. На школьномъ дворѣ весело играли ребяташки, шлепая по грязи и выбрызгивая ногами во всѣ стороны мутную воду, собравшуюся въ канавкахъ. Я сидѣлъ опять, какъ въ первый день моего поступленія въ школу, на ступенькѣ училищнаго крыльца, уперся локтями въ колѣни и опустилъ на руки голову.

— Отчего ты не играешь? — спросилъ меня Розенкампфъ, подходя ко мнѣ.

— Вы знаете, что я никогда не играю, — отвѣчалъ я, не поднимая головы.

— Такъ ходилъ бы съ кѣмъ-нибудь по двору, одному сидѣть скучно.

— Съ кѣмъ же ходить? всѣ играютъ.

Я поднялъ голову и посмотрѣлъ на Розенкампа; у него было въ эту минуту доброе, ласковое лицо.

— Пойдемъ со мною.

— Пойдемте.

Я всталъ.

— Да для чего ты говоришь мнѣ: вы?

— Вы старшій ученикъ въ классѣ, и вамъ всѣ обязаны говорить: вы.

— А ты говори мнѣ: ты, потому что я тебя люблю, — сказалъ Розенкампфъ, и въ первый разъ на его блѣдныхъ щекахъ я увидѣлъ легкій румянецъ.

Мы взялись подъ руки и пошли ходить по двору; я нашель друга.

— Отчего ты почти годъ не хотѣлъ подружиться со мною? — спрашивалъ я своего перваго друга.

— Оттого, что я не зналъ, какъ ты будешь вести себя и учиться; вѣдь пьянющ-

ка-Саломірській навязываетъ мнѣ въ друзья
каждаго новичка.

— Значить, ты не хочешь дѣлать по его?

— Какой ты смѣшной! Развѣ можно со всякимъ дружитья? — Одинъ изъ друзей, данныхъ мнѣ Саломірскимъ, былъ Онуфріевъ; на третій же день онъ укралъ у меня книгу.

— Ты пожаловался на него?

— Нѣтъ, я только перестать говорить съ нимъ и стать беречь свои вещи.

— Тебѣ сколько лѣтъ?

— Двѣнадцатый; я старше тебя, да это все равно. — Что ты дѣлаешь дома, когда нѣтъ уроковъ?

— Рисую, а нѣтъ такъ слушаю, какъ моя бабушка исторіи рассказываетъ.

— Что же она рассказываетъ?

— Теперь про Малекъ-Аделя и Матильду рассказываетъ; это есть такая хорошая исторія, — и я началъ рассказывать хорошую исторію.

Розенкампфъ слушалъ со вниманіемъ и сказалъ, что онъ такой книги не читалъ, а что онъ читалъ «Донъ-Кихота».

— А еще что ты читалъ?

— Больше ничего не читалъ. Книги для дѣтей скучно читать, мнѣ и здѣсь надоѣли ребятишки, я вѣдь ихъ очень не люблю.

— Отчего же ты не любишь ихъ?

— Такъ, я никого не люблю. Только Мейера люблю, онъ такой жалкій, и тебя теперь люблю.

— За что же ты меня любишь?

— Потому что ты всегда одинъ и скучаешь.

Этотъ невыдуманный разговоръ пусть и похожъ на разговоры, происходящіе въ повѣстяхъ для дѣтей: вы, Петя, умный мальчикъ, и потому я съ вами буду друженъ, говорить въ повѣстяхъ для дѣтей одинъ ребенокъ, и другой ему отвѣтствуетъ: мнѣ очень пріятно быть нашимъ другомъ, Коля, потому что вы благотворительный мальчикъ. — Я согласенъ, что это разговоры безжизненные, и что не такъ должны бы говорить дѣти! Но въ томъ-то и бѣда, что они говорятъ въ нашихъ городахъ именно этимъ мертвымъ языкомъ, и никто не знаетъ, какія чувства прикрываются этими бездушными фразами.

Мнѣ, по моему положенію въ свѣтъ, пришлось близко взглянуть на дѣтей. Въ первые

дни знакомства со мною, почти каждый ребенокъ являлся передо мною куколкою на пружинкѣ, заведенной родителями, безъ чувствъ, безъ мыслей, всегда готовый проплясать на какой угодно проволочкѣ приличный его возрасту танецъ. Я старался расшевелить истуканчиковъ и, послѣ долгихъ усилій, мнѣ всегда удавалось увидать въ нихъ живое, своеобразное, характерное существо. Теперь я не повѣрю никому, кто проповѣдуетъ: «какой у дѣтей характеръ, какія у нихъ чувства! Это пустые капризы, мелкія безслѣдныя прихоти, они проходятъ таль же скоро, какъ высыхаютъ дѣтскія слезы. Дѣти — безцвѣтный воскъ». Такъ, милостивые государи, дитя — воскъ, но не безцвѣтный, не одинаково гибкій. И знаете ли вы, что эти слезы, пролитыя въ дѣтствѣ, смываютъ всѣ благіе порывы въ чловѣкѣ, что ни въ одномъ взросломъ не оставляютъ онѣ такихъ слѣдовъ, какіе оставляютъ въ ребенкѣ; онѣ изсушаютъ, очерствяютъ его, убиваютъ въ немъ постепенно вѣру въ добро, дѣлаютъ его сначала врагомъ грубой няньки, озлобленныхъ товарищей, глупыхъ учителей, и потомъ врагомъ каждая-

го человѣка-собрата, и осаждаютъ за днѣ его души все накипающее горе, доводятъ его до безотраднaго состоянiя, когда человѣкъ говорить: «что за дѣло другимъ до моего горя? они его осмѣютъ», и говорить онъ это съ сожалѣнiемъ, что не фразерство, не ломанье актера, но вся сущность нашихъ человѣческихъ отношенiй выработала въ его умѣ эту безотрадную мысль.

Помню я, какъ будто случай былъ вчера, когда меня пригласили учить двѣнадцатилѣтняго мальчика; рекомендовали мнѣ его за лѣниваго, упрямаго и злого ребенка. Ни того, ни другого, ни третьяго не могъ я замѣтить въ его задумчивомъ, но не сонливомъ лицѣ и въ его большихъ карихъ глазахъ. Я началъ учить; однажды прихожу на урокъ, мнѣ говорятъ, что мой ученикъ заупрямился, разозлился, и нѣтъ возможности вытащить его изъ спальни; попросили меня подождать, покуда съ нимъ справятся. Я сѣлъ въ гостиной, спальня была рядомъ, оттуда долетали до меня рыданiя и звуки пощечинъ и толчковъ въ спину; я сидѣлъ, какъ на углахъ, наконецъ, среди рыданiй я ясно услы-

шалъ слова: «не мучьте вы меня ради Бога, убейте лучше разомъ!» Я не выдержалъ, позвалъ хозяйку дома и попросилъ у нея позволенія войти въ спальню. «Войдите, — отвѣчала мать ребенка, — но вашъ трудъ будетъ напрасенъ: въ немъ сидитъ демонъ упрямства и злости». Я вошелъ въ спальню и затворилъ за собою дверь. Ребенокъ сидѣлъ въ углу, положивъ голову на столъ и обвивъ ее руками. Я сталъ его уговаривать и ласкать, просилъ его рассказать встревожившую его исторію, обѣщалъ заступиться за него, быть его другомъ. Онъ взглянулъ на меня, какъ бы желая увѣриться, правду ли я говорю: «Вы добрый! — заговорилъ онъ:— меня здѣсь цѣлыми днями дразнятъ и злятъ братья и сестры, потомъ жалуются на меня матери, она меня начинаетъ бить и рассказываетъ про меня отцу, и онъ сердится, ставитъ мнѣ въ примѣръ братьевъ и сестеръ, а вѣдь я знаю, что они не его дѣти!» Меня, какъ громомъ, поразила эта фраза. «Спасите меня, не позволяйте имъ меня мучить!» — говорилъ мальчуганъ и прислонился ко мнѣ головою и тихо-тихо плакалъ. Черезъ полчаса я уже да-

валь ему урокъ, черезъ годъ онъ былъ однимъ изъ лучшихъ моихъ учениковъ и самымъ послушнымъ сыномъ, хотя мать, женщину, плохо скрывавшую свое легкое поведеніе, онъ не любилъ и не уважалъ, но это зналъ только я. Такія драмы происходятъ часто въ душѣ дѣтей, говорятъ же дѣти, прилично-благовоспитанно, по дѣтскимъ книжкамъ. Родители средняго и высшаго сословія городскихъ жителей заботятся только объ отсутствіи мѣщанскихъ манеръ, объ умѣньи держать себя, о прилизанной выдержкѣ ребенка. Радъ бы онъ безцеремонно покричать, похохотать во все дѣтское горло, побороться со своимъ другомъ, повозиться съ нимъ на полу, но старается подавить въ себѣ проявленіе этихъ желаній, потому что ужъ слишкомъ привыкъ въ выдержкѣ, слишкомъ благовоспитанъ. Чопорно, съ гусиной важностью выступаютъ эти дѣти даже по тротуарамъ главныхъ городскихъ улицъ, одѣтыя или въ затѣйливо-шутковской нарядъ, или во фракъ и пальто послѣдней моды; выглядятъ они шутами и карлами и, выдерживая свои роли, притворяются, ведутъ умные разговоры, утѣшая своею

благовоспитанностью франтоватую тапан; грустно глядятъ они на играющихъ въ снѣжки уличныхъ мальчишекъ, но и этой грусти не высказываютъ другъ другу; они уже стыдятся и знаютъ бесполезность высказыванія своихъ чувствъ. Бѣдныя, несчастныя дѣти!

Такими благовоспитанными дѣтьми были отчасти Розенкампфъ и я; нашъ разговоръ, завязавшій узелъ дружбы, былъ пусть и безжизненъ, и только очень привычный наблюдатель замѣтилъ бы, какою недѣтскою грустью и глубокимъ чувствомъ дышала послѣдняя фраза Розенкаипфа: «я тебя люблю, потому что ты всегда одинъ и скучаешь». Во второй части моей исторіи Розенкампфъ самъ расскажетъ читателю, что развило его характеръ, и почему высказалъ онъ эту мысль.

XII

Второй школьный годъ

Понеслись надо мною школьные дни, недѣли и мѣсяцы своимъ чередомъ. Обжился я въ новомъ гниломъ болотѣ, квакать по-лягушечьи вмѣстѣ съ другими лягушками, привыкъ съ безпечнымъ хладнокровіемъ смотрѣть на избіеніе младенцевъ въ часы Рейтмана, на сѣченье, доставлявшее неизъяснимое удовольствіе инспектору и его безсмѣнному палачу Schuldieners'у. Не оскорбляли моего слуха слова Саломірскаго: «шушера, мелюзга, сволочь». Хохоталъ я вмѣстѣ съ другими, когда батюшка говаривалъ, входя въ классъ и расчесывая бороду: «опять какую ни на есть пакость сотворите, иновѣрцы, я васъ всѣхъ къ порогу поставлю», и нетерпѣливо ждалъ я, когда иновѣрцы дѣйствительно сотворятъ пакость, то-есть начнутъ играть въ перышки или въ карты. Познакомился я со многими новыми, такими же пошлыми, какъ старые, учителями, и никогда не мелькала въ моей головѣ мысль, что ихъ дѣятельность гад-

ка, что не такимъ долженъ быть учитель. Я даже не могъ составить себѣ идеала хорошаго учителя, потому что для составленія идеаловъ нужны данныя, нужна живая личность, которую можно бы возвысить въ воображеніи до идеала. Рѣшительно ничѣмъ не выдавался я изъ уровня школьнаго развитія и школьной патентованной нравственности. И смутно сознавался передъ самимъ собою, что и прилежнымъ не былъ бы я, если бы не желаніе стоять выше всѣхъ по отмѣткамъ учителей и не боязнь передъ наказаніями: я былъ самолюбивое и трусливое созданіе. Мнѣ хотѣлось блестѣть и блестѣть, во что бы то ни стало. Не питалъ я горячаго чувства привязанности къ прочимъ дѣтямъ, глядѣлъ на нихъ свысока и только ожидалъ одного, когда судьба поставитъ, меня еще выше ихъ. Только къ одному Розенкампу я чувствовалъ сильную любовь, я гордился тѣмъ, что онъ, непривѣтливый съ другими, былъ ласковъ и нѣженъ со мною. Но я не понималъ его своеобразно-гордаго характера; онъ не покорялся и противорѣчилъ учителямъ, передъ которыми я трепеталъ и кото-

рымъ только тайкомъ рѣшался воткнуть въ столъ булавку; онъ грубо обращался съ товарищами и вызывалъ противъ себя всеобщую вражду. Школьники объясняли его гордость тѣмъ, что его отецъ былъ однимъ изъ главныхъ членовъ той общины, которая управляла матеріальными силами школы; я считалъ его гордость слѣдствіемъ безупречнаго поведенія и прилежанія. Но, отличаясь отъ всѣхъ характеромъ, Розенкампфъ не стоялъ выше другихъ школьниковъ по умственному развитію; его рѣчи были такъ же безцвѣтны, какъ рѣчи всѣхъ его товарищей и большей части городскихъ дѣтей изъ средняго сословія, ни одного мѣткого слова, ни одного рѣзко-характернаго выраженія, никакого юмора не слышалось въ нихъ, и самые сильные порывы выражались въ нихъ въ мертвой и сухой формѣ канцелярскимъ, чиновничьимъ языкомъ.

Выше всѣхъ насъ стоялъ только одинъ мальчуганъ, сынъ русскаго мелочного торговца-мѣщанина, Калининъ, хотя этого не понимали ни мы, ни онъ самъ. Онъ былъ здоровъ, силенъ и широкъ въ кости. Лицо у него было

умное, открытое, глаза плутоватые и бойкіе, длинные русые волосы вились. Онъ былъ не то прилеженъ, не то лѣнивъ: читаль рѣдко и мало, играль часто и много; на первое грубое слово товарища отвѣчалъ десятью грубыми словами, иногда нецензурными, на первый толчокъ отвѣчалъ обидчику полновѣснымъ ударомъ. Несмотря на это, его любили за веселый нравъ, за бойкій языкъ, за беззаботное перенесеніе наказаній. Ученики, знающіе плохо или совсѣмъ не знающіе урока, имѣють привычку, надѣясь на подсказыванье и на нѣсколько сохранившихся въ памяти словъ, коверкая и перевирая, отвѣчать урокъ; они получаютъ вмѣсто нулей единицы и двойки, иногда даже избѣгаютъ наказаній и, что всего важнѣе, заставляютъ учителей потратить классное время на возню съ двумя-тремя лѣнтями и тѣмъ спасаютъ остальныхъ одноклассниковъ. Затѣя дѣтской лукавости въ кровопролитныхъ войнахъ съ учителями! Калининъ никогда не употребляль въ дѣло этой затѣи. Когда онъ не зналь урока, и его вызывали учителя, то онъ прямо отвѣчалъ:- «Я не знаю урока». «Отчего?» спра-

шивали учителя. — «Не успѣлъ выучить», отвѣчалъ Калининъ. Его, разумѣется, наказывали. Подобные поступки не нравились и казались страшными школьникамъ. «Этакъ тебѣ всегда будутъ оставлять до семи часовъ въ школѣ», — говорили они. — «Тѣмъ лучше, уроки вызубрю,» — отвѣчалъ Калининъ. На такой доводъ нечего было возражать, но понять его разумность школьники не могли. Школа никогда не разгадала Калинина съ этой стороны; дѣйствующимъ, выдающимся изъ безпечной толпы лицомъ сдѣлалъ его случай, довольно странный, изумившій школьниковъ, смутившій педагогическое спокойствіе учителей-мудрецовъ. Никто не зналъ, какъ назвать Калинина за совершенный имъ поступокъ; одни ему удивлялись, другіе топтали въ грязь ребенка, а онъ первый позабылъ о случившемся, какъ будто ничего и не случилось.

Однажды какой-то школьникъ налилъ на каѳедру чернилъ, насыпалъ на нихъ песку и сдѣлалъ кашу. Дѣло было сдѣлано передъ часомъ французскаго учителя. Этотъ господинъ былъ до крайности гордое созданіе. Вы зна-

ете, читатель, французскую походку? Она рѣзко отличается отъ русской и нѣмецкой походокъ. Русскій не ходитъ, а, не глядя подъ ноги и не разбирая пути, и, право, иногда не знаешь, кто своротилъ въ сторону: русскій ли человекъ или камень, лежавшій на кочковатомъ пути. Нѣмецъ идетъ и присѣдаетъ, идетъ и присѣдаетъ, какъ будто извиняясь передъ людьми, что онъ во фракъ, но безъ галстука и жилетки. Не такъ ходитъ французъ: вытягиваетъ онъ свои ноги до того, что дѣлается изъ нихъ дуга, обращенная выпуклостью назадъ, нѣчто въ родѣ русскаго продолговатаго с, и безъ всякихъ книксеновъ твердо ступаетъ, какъ будто завоевывая каждымъ шагомъ то мѣсто, на которое становится его нога, точно этою завоевательною походкой хочетъ онъ добратся до береговъ Рейна. Такая походка была у господина Гро, прозваннаго журавлемъ. Онъ былъ до чрезвычайности щеголеватъ, ловко причесанъ, невозмутимо-хладнокровенъ въ обращеніи съ учениками. «Vous êtes un gamin», спокойнымъ и ровнымъ голосомъ произносилъ онъ, записывалъ ученика въ штрафную книгу и

совѣтоваль инспектору его посѣчь. Безпощадность, презрѣніе, сухая вѣжливость и педантизмъ были отличительными чертами его отношеній къ намъ. Мы его не любили. Этотъ-то господинъ вошелъ въ классъ, и увидать на каѳедрѣ грязь, составившуюся изъ чернилъ и песку. Онъ принялъ дѣло за личную обиду; съ большими за это стрѣляются на дуэляхъ, маленькихъ за это деруть, въ обоихъ случаяхъ капелька крови смываетъ съ чести самыя большія пятна.

— Кто это сдѣлалъ? — спросилъ хладнокровно Гро; у него слегка поводило бровь — признакъ скрытой ярости.

— Не знаемъ, — слышались голоса классныхъ запѣвалъ.

— Если никто не знаетъ, то пятые ученики будутъ высѣчены сейчасъ же, — отвѣчалъ Гро и вышелъ изъ класса, чтобы позвать инспектора и директора. Мы знали, что Гро скорѣе лишится мѣста, чѣмъ измѣнитъ свое рѣшеніе или смягчитъ его по желанію директора, инспекторъ же, по всей вѣроятности, поддержитъ его и не упуститъ интереснаго случая взглянуть на исподнее бѣлье десятка учени-

ковъ. Въ классъ раздались голоса:

— Господа, признайтесь, кто это сдѣлалъ, за что же насъ съчъ будутъ! Это ты сдѣлалъ, Онуфріевъ?

— Нѣтъ, не я, — кричалъ Онуфріевъ:— это, вѣрно, Гренцъ спакостилъ.

— Ей-Богу, я этого не дѣлалъ, — слезливо увѣрялъ въ своей невинности Гренцъ.

Виновнаго не находилось. Многіе начинали хныкать, одинъ же мальчуганъ, самый младшій по лѣтамъ ученикъ въ нашемъ классѣ, просто рыдалъ. Онъ былъ здоровенькое и розовое существо, любимая игрушка, шаловливый котенокъ. Калининъ его мялъ, тормошилъ, сажалъ къ себѣ на колѣни, носилъ ему пряники и рѣшительно игралъ съ нимъ, какъ съ куклой. Увидавъ слезы своего любимца, онъ не выдержалъ:

— Господа, — крикнулъ громко Калининъ:— я скажу, что это я сдѣлалъ; я во всякомъ случаѣ прихожусь пятымъ и съ хвоста, и съ рыла, значить мнѣ на роду написано быть сегодня выдраннымъ. Но если мнѣ когда-нибудь попадетя подлецъ, который это сдѣлалъ, то я ему всѣ ребра переломаю. Слы-

шите вы!

Мы еще не успѣли отвѣтить на эту импровизированную рѣчь, когда вошли директоръ, инспекторъ и Гро. Директоръ сощурился и сквозь очки разсмотрѣлъ грязь, даже понюхалъ ее и потомъ обратился къ намъ:

— Кто это сдѣлать? Совѣтую признаться; собственное сознаніе въ винѣ заставитъ меня смягчить наказаніе.

— Это я сдѣлалъ, — бодро отвѣтилъ Калининъ.

— Для чего ты это сдѣлалъ? — спросилъ директоръ и удивился, зная, что Калининъ вель себя хорошо.

— Самъ не знаю, глупость нашла.

Калининъ не смигнулъ.

— Это не онъ, это не онъ сдѣлалъ, — раздался голосокъ любимца Калинина; то же повторили за нимъ и другіе голоса;— онъ говоритъ на себя, чтобы весь классъ не сѣкли.

Директоръ нахмурился и смѣрялъ глазами господина Гро; тотъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, и, кажется, готовъ былъ разорвать Калинина на клочки.

— Зачѣмъ же ты на, себя говоришь! — ска-

заль директоръ:- если ты этого не дѣлалъ, то ложью ты покрываешь негодя и избавляешь его отъ заслуженнаго наказанія.

— Развѣ каждый пятый въ классѣ негодяй, господинъ директоръ? — дерзко спросилъ Калининъ, и по его лицу пробѣжала отважная и вызывающая русская усмѣшка.

— Я этого не говорю, вспылить директоръ:- но негодяй признался бы.

— Негодяй не признался бы, а я потому и признаюсь, что я не негодяй; на меня просто глупость нашла, и, значить, вы меня можете наказать, не трогая всего класса.

— Заботиться о классѣ не твое дѣло. Мы, вѣроятно, больше и лучше тебя умѣемъ заботиться о немъ, — горячо заговорилъ директоръ. — Тебя нужно бы высѣчь за дерзости, онѣ важнѣе твоего поступка. Кто видѣлъ, какъ ты сыпалъ песокъ?

— Никто не видалъ.

Ложь была очевидна; надо было или простить весь классъ, или высѣчь Калинина. Поговорили, пошептались между собою училищныя власти и повели Калинина на сѣкуцію. Гро, которому пришлось выслушать

множество колкостей отъ директора, былъ въ ярости.

— Вы думаете, — сказалъ онъ намъ гнѣвнымъ и презрительнымъ тономъ: — что этотъ негодяй, gamin, считающій ни за что сѣченье и стыдъ, хорошо поступилъ? Вы ошибаетесь: онъ отвратителенъ со своимъ поступкомъ! Кто считаетъ ни за что стыдъ и не трепещетъ передъ розгою, тотъ несправедливый мерзавецъ!

Калининъ возвратился съ сѣченья блѣдный, но на его глазахъ не было признака слезъ; онъ прошелъ на свое мѣсто, не взглянувъ на Гро, и, повидимому, былъ спокоенъ. Гро посмотрѣлъ на него съ негодованіемъ и искривилъ свои губы въ гадкую улыбку и какъ-то тревожно гримасничалъ и кривлялся. Это всегда бываетъ съ провинившимися людьми, если правый молчитъ передъ ними и предоставлетъ имъ самимъ судить о своемъ поступкѣ.

— 'Что, больно высѣкли? — съ участіемъ спрашивали школьники у Калинина по уходѣ Гро.

— Не знаю; меня маленькаго много драли,

такъ я привыкъ, — съ убійственною грустью отвѣтилъ Калининъ и уткнулся въ книгу.

Сколько ни старались съ нимъ заговаривать товарищи, онъ не отвѣчалъ и какъ будто боялся заговорить. Блѣдность его не проходила во весь вечеръ, и онъ часто лихорадочно вздрагивалъ.

На другой день онъ былъ тѣмъ же веселымъ и беззаботнымъ школьникомъ и на дворѣ, сидя на бревнѣ; распѣвалъ русскія пѣсни, лаская любимца-мальчугана. Но дѣло было сдѣлано, онъ выдался изъ толпы товарищей, ему удивились, его ругали, но, главное, — о немъ говорили. Розенкампу вдругъ вздумалось съ нимъ сойтись. Но на первыхъ словахъ ихъ бесѣда прервалась замѣчаніемъ Калинина:

— Ты какой-то злющій, чортъ тебя знаетъ.

Съ этими словами Калининъ отвернулся: отъ Розенкампа и, крикнувъ ребятишкамъ: «кто догонитъ Калинина?» — побѣжалъ. Бѣготня и возня на дворѣ началась страшная, и громче всѣхъ голосовъ гремѣлъ голосъ Калинина.

Розенкампъ грустно задумался и долго

молча сидѣлъ на дворѣ, опустивъ голову и чертя палкою по землѣ...

Я не знаю, о чемъ думалъ мой другъ, но, когда онъ всталъ, то я увидѣлъ на пескѣ нѣсколько разъ написанное слово: злющій...

Я въ тѣ времена не задумывался надъ подобными поучительными событіями; зато я задумывался надъ другими, касавшимися лично меня и моей семьи. Мнѣ приходится еще разъ въ этой части моей исторіи вывести бабушку и дядю. Эти люди уже не подавали никакой надежды на полезную общественную дѣятельность, они, видимо, не могли ничего ожидать въ будущемъ; но они, все-таки, ожидали, волновались, совались изъ стороны въ сторону и дѣлали видъ, будто ихъ роль еще не кончена, и имѣли сильное поползновеніе сдѣлаться героями отдѣльной комедіи. На бѣломъ свѣтѣ много такихъ заштатныхъ актеровъ; они мѣшаютъ дѣйствительно играющимъ свои роли артистамъ, путаютъ ихъ, толкаютъ, а иногда просто загородятъ ихъ своими спинами и за нихъ расшаркиваются и раскланиваются передъ публикой. Вредны эти личности, а что

станете вы съ ними дѣлать? Въ романѣ авторъ можетъ ихъ уморить скоропостижною смертію, а въ жизни этого не сдѣлаешь, не совершивъ преступленія, грозящаго прогулкою въ Сибирь; потому-то и мнѣ приходится говорить въ моей исторіи о заштатныхъ актерахъ до тѣхъ поръ, покуда они живутъ, и чувствуется на мнѣ ихъ вліяніе.

XIII

Дядя и бабушка

Отецъ и мать жили попрежнему тихо и однообразно; но не такъ жили дядя и бабушка.

Читатель долженъ помнить, что мое описаніе дядиной личности остановилось на томъ, что его высѣкъ князь Тресково-Обуховъ. Черезъ два года дядя, съ помощію денегъ, выдержалъ гимназическій экзамень и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мечталъ сдѣлаться учителемъ русской словесности. Въ тѣ времена у насъ большая часть юношей, начитавшихся русскихъ журналовъ и потому считавшихъ себя передовыми людьми, думала

сдѣлаться учителями русской словесности: предметъ казался имъ легкимъ. Вызубривъ адресъ-календарь русскихъ писателей, составленный Гречемъ, они могли ораторствовать, сколько душѣ угодно, и открывать міру разные современные взгляды, плохо понятые и легко понадерганные изъ критическихъ статей, стоившихъ ихъ авторамъ усидчиваго труда, здоровья и часто очень непріятныхъ объясненій по поводу какой-нибудь лишней истины. Юноши понимали, что послѣ Колумба легко открыть Америку, и брались за этотъ трудъ. Дядя тоже перечитывалъ журналы, ѣздилъ на лекціи разныхъ профессоровъ; грезило ему, что и самъ онъ будетъ профессоромъ. Публичныя лекціи, толпы слушателей, рукоплесканія, слава, изданіе его портрета и тому подобныя прелести являлись въ его грёзахъ; но грёзы такъ и остались грёзами; горячка скоро охладилась предстоящимъ трудовъ, и дядя сталъ ругать профессоровъ. Выздоровленіе его отъ горячки случилось въ то время, когда я поступилъ въ N-ское училище и въ душѣ проклиналъ науку.

— Отъ лекцій нашихъ профессоровъ мерт-

вечиной пахнетъ, — говариваль при мнѣ дядя моему отцу. (Дядя правду говоритъ, думалось мнѣ, отъ нашихъ учителей тѣмъ же воняетъ). — Они заражаютъ своею гнилью молодые здоровые организмы, дѣлають изъ нихъ мертвецовъ, безсмысленныя машины, точно такія же, какъ они сами. При настоящемъ положеніи нашей науки ее нельзя любить, она дѣлается пугаломъ (Точно пугаломъ, — мысленно соглашаюсь я съ дядей и удивляюсь его уму). — Ее еще можетъ переварить неопытный молодой умъ, воображающій, что корень всякаго ученія горекъ, но плоды его сладки, но мы, — *peas antres*, — богатые житейскимъ опытомъ, знаемъ, что и плоды-то не сладки у насъ; простора нѣтъ для ихъ созрѣванія. Видно, приходится покориться своей судьбѣ и, склонивъ голову, уступить обществу коснѣнію!

Но вотъ отецъ поднимаетъ свою голову, склоненную надъ работою во время рѣчи дяди, и говоритъ съ горькою насмѣшливостью:

— Легкое ваше дѣло, господа съятели! — и снова наклоняется къ работѣ, вбиваетъ гвоздики, сглаживаетъ ихъ вершушки напилко-

мъ.

— Попробуй! — отвѣчаетъ дядя. — Тебѣ хорошо съ твоими узкими, мѣщанскими — извини за выраженіе — взглядами на міръ; ты, какъ кротъ, зарывшись въ своей подземной норѣ, всѣмъ доволенъ, потому что ты сытъ, одѣтъ и въ теплѣ. Мнѣ этого мало! Если бы ты чувствовалъ всю пошлость, всю гадость нашей общественной жизни, служебныхъ отношеній, чиновничьей дѣятельности, — и ты заговорилъ бы то же, что говорю я.

— Говорить легко, работать трудно.

Отецъ оставляетъ напилкокъ и прямо глядитъ на дядю.

— Вѣдь ты на всѣ гадости смотришь отъ нечего дѣлать и радъ переворачивать разную дрянъ, — это легко. На это стало бы и моего мѣщанскаго ума. Попробуй самъ послужить и остаться чистымъ, и показать грязи, что она грязь... Послужи и...

— «Служить бы радъ — прислуживаться тошно».

— Значить, совсѣмъ не надо служить? Хороша логика, только съ нею не много добра сдѣлаешь, — смѣясь, отвѣчаетъ отецъ и начи-

наеть невѣжливо стучать молоткомъ, чтобы прекратить разговоръ.

Дядя кусаетъ губы.

«Зачѣмъ же онъ не возражаетъ отцу?» — размышляю я, и мнѣ дѣлается досадно на дядю, что онъ сконфузился, я даже начинаю краснѣть за него. Мнѣ непонятно, что онъ говорилъ пошлости. И сколько подобныхъ пошлостей слышалъ я потомъ отъ нашихъ паркетныхъ болтуновъ!

Глядя на лицо дяди, можно было ему дать не болѣе двадцати-пяти или тридцати лѣтъ; глядя на его фигуру, легкую походку, можно было принять его за восемнадцатилѣтняго юношу. Душа у него была младенческая, онъ былъ неопытенъ въ житейскихъ дѣлахъ, и ловкіе люди надували его легко; если надувательство открывалось, то дядя кричалъ о безнравственности и испорченности людей, но опытнѣе и осторожнѣе не дѣлался. О своей будущности онъ не думалъ, хотя она была очень непривлекательна. Онъ безпечно жилъ на бабушкинъ счетъ, и если не было денегъ, то говорилъ, что ихъ надо достать. Нѣсколько вечеровъ въ недѣлю онъ проводи-

ль въ квартирѣ одной небогатой дворян-ки-швей, которую онъ развилъ до того, что ей пришлось работать и на себя, и на грудного младенца. Дядя удивился скорости и плодамъ развитія своей Настеньки и утѣшалъ бѣдняжку обѣщаніемъ жениться на ней, Хотя женитьбу онъ называлъ «ропискою людей въ своей вѣтрености и подлости». Настенька вѣрила его словамъ и души не слышала въ своемъ учитель-другѣ. Оба играли ребенкомъ, какъ куколкой, не думая, что ожидаетъ его въ жизни, и очень плакали, когда онъ умеръ...

Между тѣмъ, бабушкины средства къ жизни увеличивались. Одинъ изъ князей Тресково-Обуховыхъ сдѣлался начальникомъ какого-то благотворительнаго учрежденія; онъ велѣлъ бабушкѣ подать просьбу о вспомощеніи и выдалъ двѣсти рублей, обѣщая сдѣлать то же и въ слѣдующій годъ. Изъ этого же благотворительнаго учрежденія получали вдовы бѣдныхъ чиновниковъ по 5 рублей пособія, и такимъ образомъ бабушка поглощала деньги, назначенныя на вспомощеніе сорока бѣднымъ женщина-мъ, не имѣвшимъ счастья родиться княж-

нами Тресково-Обуховыми. Ни дядя, ни бабушка не видѣли тутъ безнравственности. Кромѣ этихъ денегъ, бабушкѣ стали выдавать пенсію, по завѣщанію одного изъ наслѣдниковъ ея дяди, вельможи N, давно окончившаго смертію годы земного странствованія. Бабушка зажила широко, стала рѣже обѣдать у васъ и чаще брала меня къ себѣ. Теперь она была въ состояніи нанимать извозчичью карету и въ ней дѣлать визиты своимъ дальнимъ и ближайшимъ родственникамъ, гдѣ ее называли: *princesse*. Ея родственники уже были не такъ надменны и недоступны, какъ прежде; спала съ нихъ спесь и опустились крылья; они справляли поминки своихъ собственныхъ похоронъ.

Въ обществѣ вѣяло новымъ духомъ, люди стараго времени переставали играть въ немъ главную роль: какъ соръ, выметались они изъ разныхъ должностей и затворялись въ своихъ углахъ. Ругая новое племя людей, называя его племенемъ холоповъ, они рады были каждому лишнему человѣку, готовому слушать ихъ ѣдкія выходки. Въ эти-то берлоги отжившихъ свой вѣкъ людей ѣздила бабуш-

ка, возила туда и меня. Мрачно смотрѣли комнаты съ тяжелой мебелью, съ полуопущенными бѣлыми шторами и штофными занавѣсками-драпри. Изъ-за шторъ иногда вдругъ пробивался смѣлый, яркій лучъ солнца и ударялъ тонкою, какъ игла, стрѣлою, въ какой-нибудь портретъ стараго и угрюмаго господина, какъ будто пронзая этою яркою стрѣлою свѣта и безъ того отжившаго и уби-таго старца. «Петръ! опустите совсѣмъ шторы!» — волновались барыни-старухи; шторы опускались, и комната наполнялась бѣлесоватымъ полусвѣтомъ: такой свѣтъ окружаетъ корабль въ туманное іюльское утро и сжимаетъ сердце непонятнымъ и страннымъ чувствомъ боязни, путешественникъ далѣе борта корабля не видитъ ничего, ни моря, ни неба, ни бѣгущихъ вблизи судовъ, и между тѣмъ кругомъ его не тьма, а свѣтъ, и чувствуется, гдѣ-то далеко уже сверкаетъ яркое, горячее солнце...

Были въ этихъ жилищахъ и дѣти; это были сироты-родственники отжившихъ своихъ людей, воспитывавшіеся въ Пажескомъ корпусѣ, потомъ дѣти темнаго

происхожденія, чьи-то незаконнорожденные сыновья, приемыши и воспитанники, росшіе въ богатыхъ хоромахъ, вдаль отъ Божьяго свѣта, въ барскихъ привычкахъ. Я игралъ одну роль съ послѣдними; иногда иной пажикъ спрашивалъ меня:

— Гдѣ служить твой отецъ?

— При дворѣ, — отвѣчалъ я и уже начиналъ краснѣть.

— А какой у него чинъ? — продолжалъ допросчикъ.

Я готовъ былъ заплакать и никакъ не рѣшался сказать правду; я уже стыдился званія своего отца и глупо лгать, отвѣчая:

— Не знаю.

Кругомъ меня назывался смѣхъ; приемыши дѣлали то же (впрочемъ, они часто и въ самомъ дѣлѣ не знали своихъ отцовъ, но надомной смѣялись и они). На моихъ глазахъ дрожали крупныя слезы.

— Ma tante, ma tante, какой онъ смѣшной! — кричатъ пажъ, таща меня въ кабинетъ своей важной тетушки. — Онъ не знаетъ, какой чинъ у его отца, онъ...

— Тише, тише, — говорила тетушка, поню-

живая склянку съ какимъ-то спиртомъ:- вы, Леонидъ Николаевичъ, ведете себя неприлично; у меня послѣ каждаго праздника два дня болить голова отъ вашихъ криковъ. Я перестану васъ брать изъ корпуса. Извольте идти въ свою комнату я не показывайтесь ко мнѣ, покуда я васъ не позову. Allez!

Дѣти притихали, а пажикъ, попавшій подъ опалу, уходилъ изъ кабинета разгнѣванной старухи, но не въ свою комнату, а въ дѣвичью, гдѣ уже всѣ знали, что Леонидъ Николаевичъ умѣетъ шутить вольныя шутки...

Старые люди часто дѣлали дѣтскіе балы, бабушка привозила меня на нихъ, и, окруженный танцами, я совершенно забывалъ, что не здѣсь мое мѣсто, что я пирую не на своемъ пиру, пожимаю руки и обвиваю своею рукою дѣтскія талии, до которыхъ не долженъ бы и дотрогаться. Бабушка заказывала мнѣ новыя курточки, одѣвала меня, какъ куколку, мнѣ было весело, я былъ счастливъ. Такъ же веселы и счастливы были и другія дѣти темнаго происхожденія, появлявшіяся на этихъ балахъ... А знаете ли вы, читатель, что

сдѣлало изъ нихъ это воспитаніе? Одни сдѣлались взяточниками и казнокрадами, желая вести роскошную жизнь, другія вышли ни на что не годными, заѣденными воспитаніемъ пьянчужками съ горя, третьи угодили въ солдаты во время рекрутскаго набора, четвертые лишили себя жизни, считая ее за невыносимое бремя, и только немногимъ, могучимъ и здоровымъ натурамъ, удалось спасти себя, сбросить все привитое воспитаніемъ и стать полезными дѣятелями. Но если бы вы спросили этихъ послѣднихъ, чего имъ стоила нравственная ломка, то вы невольно прониклись бы уваженіемъ къ нимъ, услышавъ ихъ отвѣтъ, и пожалѣли бы, что имъ пришлось выдержать такую страшную борьбу. Мои родители, понимая опасность моего положенія и видя, что выѣзды годъ отъ году становятся чаще, стали волноваться.

— Надо кончить, Соня, — говорилъ отецъ-Сашу рѣшительно съ толку собьютъ наряжаньями, балами и визитами. Неужели мы дадимъ погубить его и разрушить наши надежды?

— Но какъ же кончить? Надо поссориться съ матушкою, это будетъ тяжело и ей, и намъ.

— Хоть бы и такъ! Она отжила свой вѣкъ, мы тоже, намъ не привыкать-стать переносить непріятности; Саша же только начинаетъ жить, за что же изъ-за глупыхъ родственниковъ чувствъ губить молодую жизнь?

— Дѣлай, какъ знаешь, но, ради Бога, не поворачивай слишкомъ круто; если можно, устрой все безъ ссоры.

— Хорошо, обдѣлаю.

Я тайкомъ подслушивалъ эти разговоры и негодовалъ на отца. Бабушка говорила мнѣ, что важные господа составятъ счастье моей жизни, будутъ моими покровителями, дадутъ мѣсто, и вдругъ отецъ, по непонятой для меня прихоти, хочетъ для того поссориться съ бабушкою, чтобы я не ѣздилъ къ своимъ будущимъ благодѣтелямъ. Откровенный во всемъ съ отцомъ, я боялся высказать эти мысли и молча дулся на него, готовясь вмѣстѣ съ бабушкою разрушить планъ родителей. Но благодѣтельная судьба спасла меня безъ помощи родителей отъ грозившей опасности и сдѣлала лишними мои приготовленія къ

борьбѣ съ отцомъ; она завернула дѣло такъ круто, что всполошила весь нашъ семейный пружокъ и навсегда измѣнила жизнь двухъ его членовъ: бабушки и дяди.

XIV

Бабушка на время удаляется со сцены

Была суббота. Это случилось въ началѣ моего четвертаго школьнаго года. Я возвращался изъ училища домой и дорогою раздумывалъ, куда поѣду я завтра съ бабушкою, не будетъ ли гдѣ бала? Нетерпѣливо желалъ я увидѣть баловницу-старушку, которая почему-то не была у насъ въ теченіе прошедшей недѣли. «Не сердится ли она на насъ, не говорилъ ли ей отецъ чего-нибудь? — думалось мнѣ:— я завтра непременно все разузнаю». Съ такими мыслями пришелъ я домой.

Въ передней нашей квартиры встрѣтила меня матушка: ея глаза были красны отъ слезъ; отецъ ходилъ большими шагами изъ угла въ уголъ по комнатѣ, рубанки валялись на полу; на диванѣ сидѣлъ дядя, положивъ го-

лову на столъ и охвативъ ее руками.

— Что съ тобою, мамаша, — спросилъ я у матушки:— ты плакала?

— Ничего, мой другъ, такъ, скучно стало.

— Здорова ли бабушка?

— Слава Богу, здорова.

— Я пойду къ ней завтра?

— Нѣтъ, мой другъ, ты долго не увидишь бабушки, — сказала матушка и не могла долѣ пересилить себя, заплакала.

— Полно, Соня! — заботливо промолвилъ отецъ и подошелъ къ ней.

— Твоя бабушка въ тюрьмѣ! Я, я виновникъ ея позора! — трагическимъ голосомъ закричалъ дядя.

Я остолбенѣлъ отъ удивленія. Тюрьма, крѣпость, цѣпи — все это смѣшивалось тогда въ моемъ умѣ въ одно страшное цѣлое.

— Бабушка въ крѣпости! развѣ бабушка кого-нибудь убила? — воскликнулъ я съ ужасомъ. — Развѣ бабушка, моя добрая бабушка, можетъ кого-нибудь убить?

Я заплакалъ.

— Не плачь, Саша! бабушка не преступница и не въ крѣпости; ее просто посадили въ

домъ, гдѣ содержатся люди, не заплатившіе своихъ долговъ! она очень много задолжала, — объяснилъ мнѣ отецъ.

— Такъ надо заплатить за нее, папа; ты заплатишь?

— Нѣтъ, Саша, я не заплачу; у меня нѣтъ столько денегъ, — сказалъ отецъ.

— Я, я не она, надѣлалъ долги! Я застрѣлюсь, застрѣлюсь! — вопилъ дядя, стучаясь годовою о столъ и теребя себя за волосы.

— Эта комедія начинается надоѣдать, — замѣтилъ отецъ.

— Комедія? Комедія? Какъ ты осмѣлился это сказать, мужикъ, безчувственное животное? — крикнулъ дядя и со сжатыми кулаками подбѣжалъ къ отцу.

— Ты съ ума сошелъ! — холодно сказалъ отецъ и неторопливымъ движеніемъ руки оттолкнулъ дядю на диванъ.

Я никогда не видалъ отца столь хладнокровнымъ и страшнымъ въ одно и то же время. Въ его глазахъ промелькнулъ какой-то зловѣщій, нехорошій огонь, заставившій меня вздрогнуть. Въ это мгновеніе отецъ былъ

похожъ на звѣря.

— Я тебѣ еще разъ повторяю, — заговорилъ онъ, дѣлая ударенія на каждомъ словѣ и произнося ихъ медленно: — это комедія — слышишь ты: комедія, и невыносимая. Теперь не время ломаться. Надо хлопотать и выкупить несчастную мать. Надо съѣздить къ вашимъ аристократамъ, обить пороги и вымолить деньги.

— Голубчикъ! я не могу, я никуда не поѣду, хоть ты убей меня. Лучше умереть, а не ѣхать! — проговорилъ дядя плачевнымъ тономъ.

Бѣднякъ присмирѣлъ и былъ жалокъ въ эту минуту.

— Я пойду, — сказала матушка и пошла одѣваться.

Отецъ снова заходилъ по комнатѣ, дѣлая большіе шаги и хмуря лобъ.

— Хорошая женщина Соня! — сказалъ дядя по уходѣ матушки.

— Хорошая! рѣшилась унижаться за васъ! Что вы ей? Родня!.. Къ чорту всѣ родственныя отношенія, если они приносятъ одни страданія! Вы жили, баклуши били, мотали, а

эта добрая должна за васъ кланяться? И кому, и для чего? — торопливо и съ страшной злостью, почти задыхаясь, говорилъ отецъ.

Наконецъ, онъ остановился передъ дядей.

— Прошу тебя, Петръ Ивановичъ, уйди ты домой! Теперъ мнѣ не по себѣ, за себя я не могу поручиться...

Отецъ снова заходилъ по комнатѣ. Дядя взглянулъ на его лицо и поспѣшилъ уйти...

Страшно гремѣлъ въ этотъ вечеръ отцовскій молотокъ, точно отцу хотѣлось разбить все вдребезги. Когда матушка возвратилась, отецъ уже былъ совершенно покоенъ и ласково, крѣпко пожалъ ея руку.

— Есть толкъ? — спросилъ онъ.

— Есть, — отвѣчала матушка, и оба замолчали; онъ не спрашивалъ, она не рассказывала о томъ, что и какъ сдѣлалось.

Что вынесла матушка въ этотъ день, объ этомъ и говорить нечего. На колкости и обиды оказались щедрыми всѣ, денегъ же не давалъ никто. Старшій братъ бабушки сказалъ матушкѣ:

— «Сама себя раба бьетъ, если худо жнетъ! Не стану же я оплачивать долги сестеръ; эта-

къ, пожалуй, никакого капитала не хватитъ. Ну, если бы у меня десять сестеръ было и всѣ то задолжали, чѣмъ бы я тогда уплатилъ ихъ долги? Да говорите же, чѣмъ? А?» Онъ долго добивался отвѣта на этотъ глубокомысленный вопросъ и, наконецъ, заключилъ: «Пенсію за два мѣсяца впередъ я охотно выдамъ, а больше ничего не молу сдѣлать». Послѣ нѣсколькихъ бесплодныхъ и трудныхъ попытокъ матушкѣ удалось устроить дѣло. Генеральша Звѣрева согласилась заплатить за бабушку 500 рублей долгу, но съ условіемъ, чтобы бабушка прожила у нея два года въ качествѣ компаньонки. Старухи были давно знакомы и, уѣзжая за зиму въ деревню и потомъ за границу, Звѣрева была рада взять съ собою знакомаго человѣка, умѣющаго болтать на французскомъ языкѣ о нашей старинѣ и играть въ пикетъ. Начались переговоры съ бабушкою; она отвѣчала: хоть въ могилу, но вонъ изъ тюрьмы!

Черезъ недѣлю я увидѣлъ ее. Она посѣдѣла, глаза стали тусклы, вѣки припухли и покраснѣли, походка сдѣлалась неровною. Эту женщину, смотрѣвшую още за нѣсколько

дней надменною царицею, нельзя было узнать. Грустно обняла она отца, мать и меня и долго, нѣжно цѣловала мою голову, всматриваясь въ мое лицо.

— Быть-можетъ, мы никогда не увидимся, Шурушка! — говорила она мнѣ.

Никакихъ наставленій насчетъ манеръ, никакихъ воспоминаній о недавнемъ прошломъ, ни одного пророчества о моей блестящей будущности не сорвалось съ ея языка. «Да благословить тебя Богъ!» было теперь ея единственнымъ пожеланіемъ, сказаннымъ мнѣ, и набожно перекрестила меня ея дрожащая рука.

Бабушка уѣхала со Звѣревой въ деревню и оставила дядѣ всѣ свои пенсіи. Дядя тоже скрылся отъ васъ, о немъ долго не было ни слуху, ни духу. Только черезъ полгода услышали мы случайно, что онъ путешествуетъ по Россіи, ищетъ мѣста управляющаго или невѣсту. Наша семья уменьшилась, два актера сошли на время со сцены. Отецъ и мать потужили о судьбѣ бабушки, и оба благодарили Бога, что Онъ избавилъ меня отъ грозившей опасности; они не знали, что сѣмя, брошен-

ное въ мою молодую, воспріимчивую душу, еще принесетъ свой негодный плодъ.

Такими событіями начался мой четвертый школьный годъ. Мнѣ шелъ пятнадцатый годъ, послѣдній годъ дѣтства. Въ этомъ возрастѣ человѣкъ начинаетъ рѣзко проявлять свой характеръ, высказывать свои взгляды на міръ, привитые къ нему воспитаніемъ, житейской обстановкой, окружающими личностями. Онъ начинаетъ разборчивѣе сходиться съ людьми, выбираетъ дорогу, по которой ему хотѣлось бы идти до конца жизни; часто эта дорога оказывается ложною; ея ложность и непривлекательность бросаются человѣку въ глаза, и тогда въ немъ происходятъ внутренняя, самостоятельная ломка всего того, что выработалось въ немъ въ годы дѣтства. Ломкою дѣло и оканчивается; послѣ нея дитя становится уже юношею, въ его лицѣ вдругъ появляются новыя черты, по которымъ можно судить о характерѣ... Тяжелъ бываетъ иногда этотъ перехода отъ дѣтства къ юности, и грустно, что большая часть являющихся въ эту пору страданій не нужна. Они смѣшны, глупы, но они страданія; въ ходы зрѣлаго воз-

раста почти не вѣришь возможности ихъ существованія, а между тѣмъ они были, и даже черезъ долгіе годы воспоминаніе о нихъ вызываетъ на щеки яркій румянецъ стыда.

XI

Четвертый годъ въ школѣ

Въ нашу школу принимались дѣти всѣхъ вѣроисповѣданій и всѣхъ сословій. Рядомъ съ бѣлобрысымъ нѣмцемъ, сыномъ колбасника, сидѣлъ черноволосый французъ, сынъ перчаточника; подлѣ князька помѣщался русскій мѣщанинъ; красная курточка, сшитая моднымъ портнымъ изъ новаго сукна, терлась о синюю вылинявшую поддевичку, по всей вѣроятности, выкроенную дома изъ отцовскаго долгополага сюртука. Принципомъ школы было равенство дѣтей; этотъ принципъ принимается всѣми русскими учебными заведеніями; ради его и форменные казакины, и курточки выдуманы; формально школа не ставила между воспитанниками никакихъ перегородокъ. Но подобныя принципы всегда остаются у насъ мертвою буквою, и при на-

стоящемъ положеніи членовъ нашего общества не могутъ примѣняться на дѣлѣ. Учителя у насъ грудью стояли за своихъ пансіонеровъ и почти боялись пансіонеровъ директора. И тѣ, и другіе, вмѣсто худыхъ балловъ и наказаній, выпадавшихъ на долю вольноприходящимъ ученикамъ, слышали одну пустую угрозу: «Я пожалуюсь на васъ вашему воспитателю, я поговорю съ нимъ о васъ». «Говори, сколько душѣ твоей угодно», думали пансіонеры, и очень хорошо знали, что воспитатель сдѣлаетъ имъ такой же пустой выговоръ, и дѣло тѣмъ кончится. Во время ежемѣсячныхъ отмѣтокъ чувствовалось очень сильно ихъ выгодное положеніе въ школѣ; у нихъ отмѣтки являлись самыя лучшія, они обгоняли своихъ товарищей — не пансіонеровъ и смотрѣли на нихъ, какъ на Лѣнтяевъ.

Между собою ученики сходились въ играхъ, не различая званій своихъ отцовъ; но это продолжалось до поры до времени; съ годами къ дѣтямъ прививались сословные предразсудки; дѣти дворянъ и чиновниковъ слышали дома пренебрежительные отзывы

своихъ родителей о мѣщанахъ, о мастеровыхъ, и, мало-по-малу, усвоивали эти взгляды; князь начиналъ отворачиваться отъ сына мелочного торговца и говорилъ, что отъ него сеledкой воняетъ; щегольская курточка сторонилась отъ синей поддевочки, за что поддевочка отплачивала курточкѣ полновѣсными тумачами. Едва замѣтно, но постоянно и безостановочно воздвигались между дѣтьми эти невидимыя перегородки и дѣлались онѣ съ каждымъ годомъ все выше и выше, угрожая превратиться въ китайскую стѣну. Онѣ и превращались въ нее, но уже по окончаніи дѣтьми воспитанія, по выходѣ ихъ изъ школы, когда бывшіе товарищи, встрѣтивъ другъ-друга на Невскомъ проспектѣ, стыдятся остановиться и пожать другъ-другу руки, потому что одинъ несетъ какой-нибудь узелокъ по порученію отца-ремесленника, а другой, въ богатомъ пальто прогуливаетъ по модной улицѣ себя, своего кучера, рысака и эгоистку. Чѣмъ же можетъ отплатить теперь этотъ бѣдный ремесленникъ (бывшая синяя поддевочка) этому прогуливающему себя и своего рысака барину (бывшей щегольской кур-

точкѣ)? Ремесленникъ знаетъ пошлость и глупость барина-фата и потому старается его одурачить, продаетъ ему свои дрянныя издѣлія и товары за хорошіе, и между ними устанавливаются не нормальныя отношенія продавца и покупателя, но бессмысленная личная вражда. «Ловко я надулъ барина», хвастаетъ ремесленникъ въ кругу своихъ собратій. — «Подлецы наши ремесленники и купцы», ругается баринъ. И ни одинъ изъ нихъ не видитъ, что они оба равно, глупы и равно пошлы, что они сами вредятъ себѣ, что никогда не можетъ развиваться общество при этихъ тупоумныхъ отношеніяхъ, зародившихся еще на школьной скамьѣ и развивающихся, растущихъ въ глубину до гробовой доски обоихъ глупцовъ.

Въ описываемый мною періодъ школьной жизни мои товарищи, юноши отъ пятнадцати до восемнадцати лѣтъ, занимались сооружіемъ между собою перегородокъ, дѣлили на кружки курточекъ, сшитыхъ дома, на кружки поддевокъ и синихъ сюртуковъ съ зеленоватыми пятнами, на пансіонеровъ директора, учителей и школы и

на вольноприходящихъ учениковъ. Даже на дворѣ, играя въ лапту, рѣдко сходились между собою эти кружки; пансіонеры же директора совсѣмъ не играли и важно прохаживались по боковинѣ тротуарамъ. Курточниковъ очень интересовало рѣшеніе слѣдующихъ важныхъ вопросовъ: «кто твой отецъ? сколько у него денегъ?» и часто слышали поддевочки и синіе съ зеленоватыми пятнами сюртучки такіе обидные упреки: «Ахъ ты, сапожникъ! Много ли селедокъ въ день продаетъ твой отецъ? Что твой родитель беретъ за шитье штановъ?» Каждый кружокъ стоялъ за своихъ членовъ; явно, внѣ кружковъ, особнякомъ стоялъ только Розенкампфъ. Онъ называлъ всѣхъ своихъ товарищей по классу пошлыми дураками, и, судя по его гордости, его можно было счесть, по крайней мѣрѣ, за сына владѣтельнаго князя, не имѣвшаго себѣ равни. А этому-то гордому мальчику не было даже пріюта, гдѣ бы приклонить голову: у него умеръ отецъ, и богатая мать перестала брать своего сына домой даже по воскресеньямъ. Это заинтересовало мальчишекъ, и они начали разгадывать какую-то тайну. Важные уче-

ные вопросы занимали ихъ! И вѣдь до того занимали, что многіе одноклассники рѣшались спрашивать Розенкампа:

— Скажите, Розенкампъ, отчего вы православный, а ваши родители и братъ лютеране?

— Оттого, что меня окрестили въ православную вѣру, а ихъ въ лютеранскую.

— Но вѣдь это не причина; не окрестили же вашего брата въ православную, а васъ въ лютеранскую?

— Не окрестили, — лаконически отвѣчалъ Розенкампъ, нисколько не поясняя дѣла.

— Да вы и не похожи на своихъ родителей и на брата; они всѣ бѣлокурые, а вы черноволосый.

— Что-жъ изъ этого слѣдуетъ? — шурясь, спрашивалъ Розенкампъ и началъ, видимо, раздражаться.

— Какъ что?

— Да, что, по-вашему, слѣдуетъ изъ этого? — допрашивалъ онъ, и еще болѣе щуриль глаза, а на лицѣ выражался гнѣвъ, губы тряслись, какъ въ лихорадкѣ. Но это выраженіе безсилія быстро смѣнялось его обычной от-

талкивающей, язвительной усмѣшкой.

— Не заказали ли вамъ написать мою родословную? — говорилъ онъ. — Или вамъ приказано отъ полиціи узнавать званіе и чины воспитанниковъ нашей школы? Еще не придется ли мнѣ платить за вашъ трудъ? Если о себѣ будете писать, то пишите, находимся въ званіи и чинѣ пошлыхъ дураковъ.

Такія пошлости повторялись нерѣдко, это были развлеченія послѣ ученья; послѣ нихъ Розенкампфъ ругалъ всѣхъ нашихъ курхочниковъ и удивлялся, какъ я могу съ ними разговаривать.

— А развѣ тебѣ весело видѣть, какъ всѣ на тебя злятся? — спрашивалъ я у него.

— Весело. По крайней мѣрѣ, я знаю, что я лучше ихъ. Если бы я не привыкъ къ тебѣ, голубчикъ мой, я и съ тобой поссорился бы за то, что ты ласковъ съ ними.

— Не сердись, Коля, но я не могу враждовать со всѣми; тебя на нихъ я никогда не промѣняю, но для чего же ругаться съ ними?

Какую же роль въ этой глупой дѣтской комедіи играть я? О, я игралъ самую глупѣйшую изъ глупыхъ ролей. Я танцевалъ,

какъ рыба на раскаленной сковородѣ. Былъ союзникомъ курточекъ и трепеталъ передъ поддевочками, которыя могли мнѣ сказать при первой моей высокомерной выходкѣ: «да ты-то что носъ поднимаешь?» — и открыть званіе моего отца. Стыдиться этого званія вошло мнѣ въ привычку. Я пускалъ въ ходъ свои нарядныя одежды, щеголялъ ловкими манерами, рассказывалъ о знакомыхъ мнѣ пажахъ, которыхъ въ сущности зналъ немного короче, чѣмъ китайскаго императора; я старался, съ помощію своего остроумія, сдѣлаться популярнымъ въ классѣ и сдѣлался. Школьники любили меня и не замѣчали, что мое остроуміе трудомъ доставалось мнѣ и не носило на себѣ печати того дѣтскаго юмора, который разомъ дастъ мѣткія клички учителемъ и товарищамъ. Я тоже давалъ имъ клички, но отъ нихъ потомъ пахло. Назвалъ я, на примѣръ, школьнаго эконома, не брезгавшаго брать отъ воспитанниковъ палочки сургуча, мальчикомъ Велизарія; осталась эта кличка на вѣки-вѣчныя за экономомъ; но развѣ она родилась въ дѣтскомъ живомъ умѣ? Развѣ не пахнетъ

отъ нея придумываніемъ, работою, потомъ? Недаромъ звалъ меня Калининъ шуткомъ гороховымъ. Впрочемъ, только онъ одинъ смѣялся надо мною; другіе любили меня и считали за порядочнаго человѣка; сами-то они ужъ больно плохи были.

Но бывали и у меня тяжелые дни. Вдругъ нападала на меня скука, и забивался я въ свободные часы куда-нибудь въ уголь и долго сидѣлъ тамъ, молча, безъ дѣла. Какіе-то смутные не то призраки, не то мысли бродили въ моей головѣ, и чувствовалъ я, что мнѣ противны и наука, и товарищи, и я самъ. Въ эти минуты, и именно за нихъ, любилъ меня Розенкампфъ и вполнѣ высказывалъ свою любовь. Онъ разговаривалъ со мною, ласково утѣшалъ меня, совѣтовалъ не бросать ученья, не заботиться о глупыхъ товарищахъ, и пророчилъ, что я сдѣлаюсь лучшимъ человѣкомъ, чѣмъ былъ тогда. Но рѣдки были минуты честной тоски, гораздо чаще ихъ были часы театрального лomanья.

Въ ноябрѣ я пересѣлъ на мѣсто Розенкампфа, сдѣлался *primus*, первый ученикъ въ классѣ. Повышеніе заставило меня еще болѣе

возмечтать о себѣ; я былъ генераль отъ третьяго класса, смотрѣлъ въ немъ за порядкомъ, записывалъ на черную доску непокорныхъ шалуновъ. Раздолье!

Однажды я сидѣлъ рядомъ съ Розенкампомъ; онъ былъ не въ духѣ, что случилось съ нимъ весьма, часто; мнѣ понадобился классный журналъ, а встать было лѣнь.

— Коля, принеси мнѣ журналъ, — сказала я Розенкампу.

— Возьми самъ, — отвѣчалъ онъ.

— Развѣ тебѣ трудно принести?

— Не трудно, но вѣдь это пустая прихоть.

— А если я тебя прошу ее исполнить?

— Что съ тобой, Саша?

— Ничего! но ты отвѣчай на мой вопросъ: если я тебя прошу исполнить мою прихоть? — я очень важно дѣлалъ удареніе на словахъ я и моя, точно человекъ съ характеромъ.

— Такъ я ее не исполню, потому что я не лакей, и не желаю исполнять прихоти господина.

— Мужицкія понятія о дружбѣ! Я начинаю подозрѣвать, что ты мужикъ.

Я всталъ, взялъ журналъ и, не обращая вниманія на лицо друга, сѣлъ на свое мѣсто. Много заботиться о послѣдствіяхъ этой пустой сцены было нечего. Подобныя сцены происходили у насъ и происходятъ во всѣхъ россійскихъ и другихъ училищахъ по десяти разъ въ день; онѣ свидѣлствуютъ о низкой степени умственнаго развитія дѣтей и подають великія надежды на то, что изъ этихъ дѣтей выйдутъ мелко-обидчивыя и безпутно-настоячивыя личности, о которыхъ разсказывается народомъ мѣткая сказка; въ ней мужъ заставляетъ жену сказать: «слава Богу, мужъ лапотъ сплелъ», а жена не хочетъ этого сказать, и вслѣдствіе того начинается ссора, оканчивающаяся очень грустно. Сказка смѣшна, но не весело сойтись въ жизни съ такими мужьями и съ такими женами, а много ихъ выходитъ изъ нашихъ школъ.

Окончились утреннія занятія; я ждалъ, когда подойдетъ Коля мириться со мною, но Коля не подходилъ. Пришлось мнѣ одному ходить по двору. Многіе товарищи успѣли это замѣтить. Ко мнѣ подбѣжалъ Онуфріевъ, вѣчный врагъ Розенкампа, и спросилъ меня:

— А гдѣ же Розенкампфъ?

— Развѣ я нянька Розенкампфа? — сказалъ я.

— Вы, вѣрно, съ нимъ поссорились? — допрашивалъ Онуфриевъ.

— Да, поссорился, — отвѣчалъ я и поспѣшилъ уйти отъ нелюбимаго одноклассника.

Это было въ пятницу; въ субботу уже весь классъ зналъ о нашей ссорѣ. Насъ такъ привыкли видѣть вмѣстѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, что теперь всѣмъ казался страннымъ этотъ разрывъ. Торжествующимъ былъ я. Розенкампфа всѣ ругали за его неуступчивость и насмѣшки. Я имѣлъ глупость и подлость слушать, какъ ругали моего любимаго друга; я даже самъ пожималъ плечами и говорилъ: точно, съ нимъ трудно ладить! Между тѣмъ этотъ человекъ, съ которымъ было трудно ладить, былъ для меня единственнымъ дорогимъ существомъ въ школѣ, и я желалъ только примиренія съ нимъ. Почему же я игралъ эту грустную роль? Потому же, любезный читатель, почему играли ее многіе изъ вашихъ знакомыхъ, почему, можетъ-быть, будутъ иг-

рать ее и ихъ дѣти. Виноваты тутъ дурное воспитаніе, отсутствіе честнаго взгляда на отношенія къ людямъ, вѣтреное желаніе порисоваться, привычка говорить первое попавшееся на языкъ слово. Кто изъ насъ не слушалъ, какъ безъ причины бранили при немъ друзей, и не считалъ безчестнымъ молчать или поддакивать? а потомъ самъ удивился, если друзья отворачивались и сторонились отъ него?

— За что? — спрашивалъ онъ себя.

— Другомъ не умѣешь быть, — отвѣчалъ слишкомъ поздно проснувшійся разумокъ.

XVI

Горе

Прошло дней пять, а Розенкампфъ не приходилъ ко мнѣ съ предложеніемъ помириться; я не могъ впередъ протянуть ему руку, отъ этого простого поступка удерживало меня, чувство мелочного самолюбія, которое дѣлаетъ не только дѣтей, но даже неглупыхъ людей пошлыми глупцами и вызываетъ множество самыхъ комическихъ, продолжительныхъ ссоръ, возникшихъ изъ пустяковъ. Мнѣ было до того тяжело и скучно безъ друга, что это чувство отражалось на моемъ лицѣ, и его замѣтили многіе товарищи.

— Охота вамъ скучать объ этомъ подкидышѣ! — сказалъ мнѣ разъ Онуфриевъ, юлившій передо мною, какъ бѣсъ, во все время ссоры.

— О какомъ подкидышѣ? — спросилъ я въ недоумѣніи.

— Да о Розенкампфѣ; вѣдь онъ не родной сынъ покойнаго генерала; генералу подкинули его на другой день свадьбы.

— Свинья! — оборвалъ я Онуфріева и повернулся къ нему спиною.

— За что обругалъ тебя Рудый? — спрашивали мальчишки, слышавшіе мое восклицаніе.

— За то, что я ему сказалъ правду, что Розенкампфъ подкидышъ, — отвѣчалъ Онуфріевъ.

Онъ былъ окончательно испорченъ грязью мѣщанской жизни.

— Какой подкидышъ?

— Да такой, какіе бываютъ подкидыши; сынъ какой-нибудь...

Онуфріевъ нагло произнесъ то названіе падшей женщины, которое рѣдко произносится и большими.

— Я давно зналъ это, да говорить не хотѣлось, а теперь къ слову пришлось. А Рудый туда же — ругается, забылъ, вѣрно, что самъ лакейскій сынъ...

И вотъ началась въ нашемъ классѣ одна изъ гнусныхъ исторій разбирательства званій нашихъ отцовъ, высказалось первое проявленіе страсти къ сплетнѣ, и облетѣла сплетни весь классъ; кто выслушалъ ее да

плюнулъ чуть не въ лицо сплетнику, а кто и задумался надъ нею. какъ надъ чѣмъ-то важнымъ и лично до него касающимся. Услыхалъ и Розенкампфъ горькій упрекъ за свое происхожденіе, и сильно кольнулъ онъ несчастнаго мальчика, старавшагося столько лѣтъ казаться законнымъ сыномъ генерала. Я тоже упалъ съ высоты своего величія и отрезвился. Первымъ моимъ дѣломъ было подойти и объяснить со старымъ другомъ и попросить у него извиненія.

— Коля, перестань дуться, — нѣжно сказалъ я ему:— помиримся, пожалуйста.

— Оставьте меня! Вы мнѣ мѣшаете учиться.

— Ради Бога, Коля! извини меня, я ни въ чемъ не виноватъ, говорилъ я, волнуясь.

Я уже вполнѣ ясно понималъ всю гадость происходившаго вокругъ меня.

— Вы ни въ чемъ не виноваты, вотъ эти мерзавцы виноваты! — произнесъ Розенкампфъ, указывая на сидѣвшихъ въ классѣ учениковъ, и изъ его глазъ закапали крупныя слезы. — Но подите отъ меня прочь и никогда не подходите ко мнѣ; я васъ такъ же не люб-

лю, какъ и ихъ, слышите вы? Я никого не люблю!

Онъ зарыдалъ и поспѣшно ушелъ изъ класса.

Читатель въ своемъ мѣстѣ узнаетъ грустную исторію Розенкампа.

Я сѣлъ на свое мѣсто, моя голова находилась въ состояніи опьянѣнія. Кое-какъ прошло время до двѣнадцати часовъ, наконецъ, послышался звонъ колокольчика. Всѣ школьники побѣжали на дворъ, начались веселыя дѣтскія игры, полетѣли комки снѣгу, раздались шумъ и смѣхъ, закипѣла молодая жизнь. Хорошо, если бы всѣ дѣти ловили эти мгновенья, и не было бы ни у одного ребенка ни горя, ни наказанія, ни желанія заводить не дѣтскіе дразги, ни стремленія обижать своихъ собратьевъ. Къ сожалѣнію, и то, и другое, и третье было въ нашихъ дѣтяхъ.

Инспекторъ, по обыкновенію, заперъ въ отдѣльныхъ комнатахъ наказанныхъ дѣтей, оставленныхъ безъ объѣда, и глядятъ они съ завистью на играющихъ товарищей. Подъ вліяніемъ этого чувства, они не могутъ учить своихъ уроковъ, и наказаніе, кромѣ мести, ко-

нечно, не будетъ имѣть такого результата. Уроки не будутъ выучены, а къ дѣтскому характеру прибавится еще одна частица озлобленія. Засѣлъ и я, никѣмъ не наказанный, въ классѣ и не пошелъ на дворъ; томить меня первое настоящее горе, и кажется, что не будетъ ему ни конца, ни предѣловъ. Смотрю я съ тоскою, какъ рѣзвятся дѣти, какъ ходитъ одинокій Розенкампфъ по своему завѣтному тротуару, въ сторонѣ отъ товарищей: а вотъ и они, уже испорченные жизненною грязью сорванцы, ихъ четверо, они взялись подъ руки и ходятъ навстрѣчу ему, не давая дороги; онъ уступаетъ имъ путь и переходитъ на другую сторону двора; мальчишки идутъ туда же и снова загораживаютъ ему дорогу, наконецъ, одинъ изъ нихъ рѣшается толкнуть бѣдняка, тотъ останавливается, они начинаютъ что-то говорить, размахиваютъ руками. Я плотно приникаю лицомъ къ стеклу, мнѣ хотѣлось бы услышать ихъ разговоръ, я понимаю, что тамъ происходитъ нехорошая, не дѣтская сцена. Вотъ ея содержаніе:

Мальчишка толкнулъ Розенкамлфа и самъ же закричалъ:

— Что ты толкаешься, невѣжа?

— Не я толкаюсь, а ты! — вспыхнулъ Розенкампфъ, желавшій сначала настойчивостью заставить школьниковъ оставить его въ покоѣ. — Вы всѣ толкаетесь, — добавилъ онъ: — вамъ хочется вывести меня изъ терпѣнья; такъ вы лучше поколотили бы меня, вы же знаете, что я и съ однимъ изъ васъ не справлюсь.

— И поколотимъ, чтобы ты не зазнавался! — крикнули сорванцы и окружили Розенкампфа.

Къ нимъ прибавилось еще двое, трое школьниковъ, почуявшихъ предстоящее побоище.

— Если вы его поколотите, то я позову сейчасъ же гувернера, — сказалъ чей-то мягкій и неторопливый голосъ и раздвинулъ толпу сорванцовъ.

Къ Розенкампфу подошелъ высокій, худенькій мальчикъ, это былъ Воротницынъ, пансіонеръ директора. Онъ учился въ одномъ съ нами классѣ, но тотчасъ же послѣ уроковъ уходилъ вмѣстѣ съ другими пансіонерами директора на квартиру послѣдняго. Воротницынъ принадлежалъ къ одному изъ лучшихъ

аристократическихъ семействъ въ Петербургъ; отецъ его занималъ видное мѣсто въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Дѣтство мальчикъ провелъ частью въ приволжской деревнѣ отца, частью въ Швейцаріи со своею матерью, женщиною умною и образованною, настоящею, а не мишурною аристократкою; она отказалась отъ шумныхъ удовольствій свѣта, чтобы посвятить себя воспитанію сына. Въ описываемое мною время Воротницынъ еще носилъ по ней трауръ. Лицо Воротницына было привлекательно и немного женственно; голубые его глаза были всегда полужакрыты длинными рѣсницами, голова, по привычкѣ, постоянно склонялась на лѣвый бокъ. Онъ хорошо владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ, зналъ наизусть всѣ стихотворенія Шиллера, прочелъ книги, о которыхъ его одноклассники и понятія не имѣли, и, будучи хорошимъ музыкантомъ, наслаждался произведеніями Вебера и Шопена. Съ «последней мыслью Вебера» соединялись его воспоминанія о матери. Онъ былъ идеально-нравственное и склонное къ мечтательности существо; все его счастье состояло въ воз-

возможности наслаждаться тишиною, читать любимыя книги и мыслить-мечтать. Друзей по своему характеру онъ не могъ найти въ нашей школѣ, да и не искалъ ихъ.

Таковъ былъ человекъ, подошедшій къ Розенкампу.

— Пойдемте, Розенкампу, со мною: вы видите, что они сами не знаютъ, чего хотятъ, — сказалъ Воротницынъ и, взявъ подъ руку Розенкампу, вывелъ его изъ среды школьниковъ, испуганныхъ угрозою.

Они знали, что директоръ любитъ Воротницына.

Когда я увидалъ, что Розенкампу спасень отъ побоевъ, то у меня какъ гора свалилась съ сердца. Къ двумъ часамъ всѣ ученики собрались въ классъ. Пришли Воротницынъ и Розенкампу, они разговаривали между собою: первый засунулъ, по своему обыкновенію, руку за жилетъ и былъ необыкновенно оживленъ, какъ будто радуясь находкѣ понятливаго слушателя: второй наружно оправился отъ недавнихъ тревогъ, слушалъ со вниманіемъ своего новаго знакома, и на его лицѣ блуждала улыбка. Ихъ,

разумѣтся, никто не задѣвалъ, и скоро всѣ забыли о сценѣ на дворѣ и обо всѣхъ глупостяхъ, случившихся въ послѣднее время: не забылъ о нихъ только я. Я безвозвратно потерялъ друга и стоялъ совершенно одиноко среди школы; я слишкомъ много и долго ломался, чтобы сойтись теперь съ кѣмъ-нибудь порядочнымъ, а порядочныхъ-то людей было всего только трое въ нашемъ классѣ: Воротицынъ, Калининъ и Розенкампфъ, — они не любили, не могли любить меня.

Настали дни моего испытанія, тяжелые дни...

Много лѣтъ прошло со времени этихъ событій моей дѣтской жизни, но воспоминаніе о нихъ навсегда осталось въ моей памяти, и если при мнѣ осуждаютъ пустыхъ и дурныхъ людей, то мнѣ становится и грустно, и тяжело. Дурные люди! пустые люди! кричимъ мы всѣ. А какъ росли, какъ воспитывались эти пустые и дурные люди? Не ожесточали ли ихъ тысячи мелкихъ и грязныхъ неприятностей, не вела ли ихъ нерадивая школа къ вѣрной гибели? Обращала она все свое вниманіе на внѣшнюю, лицевую

сторону нравственности дѣтей и отворачивалась отъ ихъ внутренней жизни. Ни одинъ гувернеръ, ни одинъ учитель не знали, что дѣлалось въ дѣтскихъ кружкахъ, покуда дѣти не дрались и не шумѣли; ни одинъ не сдѣлался другомъ дѣтей, чтобы честно развить ихъ убѣжденія и характеры, указать на прямыя отношенія людей другъ къ другу. Воображали учителя и гувернеры, что для развитія дѣтскихъ характеровъ вполне достаточно прописныхъ сентенцій пошленькаго свойства, и выходили дѣти изстрадавшимися, изолгавшимися, негодными для общества личностями, дурными и пустыми людьми. Многіе ли спаслись? Глядя на бѣдныхъ дѣтей, невольно сжимается сердце и срывается съ языка безотрадное слово: «горе!»

XVII

Тяжелые дни

Настали мои тяжелые дни.

Моя наружность казалась здоровою, мои отношенія ко всѣмъ окружающимъ были не слишкомъ чувствительны и нѣжны. Но и то, и другое былъ чистѣйшій оптическій обманъ. Я былъ болѣзненный и нервный мальчикъ; любовь моя была глубока и сильна; разъ полюбивъ человѣка, я уже не могъ его разлюбить. Я могъ на него сердиться, могъ ненавидѣть его проступки, но любовь къ нему не прождала; она являлась какъ бы отплатою за прошедшія счастливыя минуты, доставленныя мнѣ этимъ человѣкомъ. Но доказывать свои чувства я не умѣлъ. Въ нашей мѣщанской семьѣ атому нельзя было научиться; ни мать, ни отецъ не любили словесныхъ нѣжностей и рѣчистыхъ изъясненій чувствъ; они слишкомъ вѣрили другъ въ друга, чтобы прибѣгать къ этимъ ничего не значащимъ подогрѣваньямъ любви. Только въ самыя горькія минуты ободряли одно ласко-

вое немногословное утѣшеніе постигнутаго горемъ члена семьи. Такимъ выросъ и я. Подъ наружною пустотою таилась мнѣ та простая русская нравственность и гордость, которою были такъ богато одарены мои родители. Я могъ дѣлать ошибки, могъ закружиться, увлеченный мишурнымъ блескомъ и ложнымъ самолюбіемъ, но время отрезвленія должно было придти непременно, и для этого требовался только сильный внѣшній толчокъ. У людей, идущихъ по ложной дорогѣ, не бываетъ недостатка въ такихъ толчкахъ. Теперь я отрезвился и, разумѣется, этотъ періодъ моей жизни не провелъ я спокойно. Я волновался постоянно. Сперва начало работать мое горячее воображеніе; рисовались страшныя картины моей конечной гибели, потомъ представлялся мнѣ торжественный день примиренія съ Розенкампомъ. Но этотъ день не настаивалъ, и я сталъ спрашивать себя: можетъ ли онъ наступить? Умъ въ первый разъ смѣло задалъ себѣ вопросъ и такъ же смѣло разрѣшилъ его. Оказалось: помириться нельзя; мой старый другъ долженъ считать меня пустымъ мальчишкою. Я твер-

до произнесъ надъ собой этотъ приговоръ и тотчасъ же задалъ себѣ новые вопросы: точно ли я пустой мальчишка? не могу ли я быть лучшимъ? Возникла мучительная внутренняя борьба. То топталъ я себя въ грязь, то доказывалъ себѣ возможность возрожденія. «Ты стыдился своего честнаго отца, — говорилъ мнѣ тайныя голосъ, — ты хвасталъ своимъ самолюбіемъ и между тѣмъ плясалъ на балахъ, жалъ руки важныхъ дѣтей, которыя смѣялись надъ тобой въ глаза тебѣ; ты лгалъ въ школѣ, называя этихъ дѣтей своими друзьями; ты ненавидѣлъ науку и учился изъ желанія быть первымъ, блестѣть: теперь ты не учишься, потому что блестѣть нельзя: дѣти-товарищи знаютъ, что ты прикидывался барчонкомъ, и смѣются надъ тобой: ты говорилъ о своей любви къ другу и, обидѣвъ его, не пошелъ къ нему съ извиненіемъ, почти ругалъ его съ другими школьниками. Гдѣ же тутъ самолюбіе? Гдѣ доказательства, что ты не пустой и не глупый мальчишка?» — «Не вѣрь этимъ упрекамъ, — говорилъ другой тайный голосъ, ты ненавидишь свое прошлое, значить, ты можешь исправиться». И

ни одного указанія, куда мнѣ идти, ни одного наставленія, какъ исправиться, не прибавлялъ этотъ второй тайный голосъ!.. На всю эту внутреннюю ломку уходили часы и дни, и тратилось время ученья. Я быстро падалъ въ отмѣткахъ учителей и уже не былъ первымъ по классу. Новая причина волненій и стараній не думать ни о чемъ и только учиться, учиться и учиться. Но тайный, ободряющій голосъ слышался мнѣ снова: «ученье не уйдетъ, а желаніе исправить себя можетъ пройти, успѣхъ въ ученѣ лиши закружить твою голову, прежде чѣмъ ты исправишься, думай!» «А что скажетъ отецъ, если я не перейду въ слѣдующій классъ?» Эта мысль стала мучить меня и днемъ, и ночью. Душевные пытки, работа ума, неудачи въ ученѣ съѣдали мое здоровье; я худѣлъ, голова горѣла.

— Здоровъ ли ты, Александръ? — какъ-то спросилъ меня отецъ, щупая мою голову. — У тебя голова горяча, ты похудѣлъ.

— Нѣтъ, я здоровъ, — отвѣчалъ я.

— Отчего же ты постоянно скученъ?

— Мое ученье идетъ плохо.

— Если не отъ лѣни, то не бѣда.

— Но я не перейду въ слѣдующій классъ.

— И это не бѣда; сиди хоть три года въ одномъ классѣ, но учись: ты только ученьемъ можешь пробить себѣ путь.

— Я это знаю; но теперь я не могу учиться; я стараюсь, и все-таки не знаю своихъ уроковъ.

— Подожди, отдохни. Если ты стараешься, то когда-нибудь добьешься и до исполненія своего желанія. Ты много въ комнатѣ сидишь, мало играешь. Рѣзвись съ товарищами, разсѣй скуку.

— Товарищи мнѣ не по душѣ; они скверные мальчишки.

— Не рано ли ты начинаешь судить людей? — серьезно и строго замѣтилъ отецъ. — Ты прежде этого не говорилъ. А что твой другъ?

— Не говори мнѣ о немъ, отецъ.

На минуту мы замолчали.

— Ты мнѣ сказалъ, — началъ я: — что не разсердишься, если я не перейду въ слѣдующій классъ, и я буду спокойнѣе. На будущій годъ я надѣюсь наверстать потерян-

ное время.

— Хорошо; дѣлай, какъ знаешь. — Отецъ помолчалъ. — Нѣтъ ли у тебя какихъ-нибудь вопросовъ, мыслей, съ которыми не можешь справиться одинъ? Не нужна ли моя помощь, я тебѣ помогу.

Въ его голосѣ было какое-то дрожанье.

— Есть они, да я одинъ съ ними справлюсь. Спасибо тебѣ.

Отецъ любовно посмотрѣлъ на меня.

— Будь же твердъ! Я за тебя не боюсь, ты мой сынъ.

Онъ сдѣлалъ удареніе на словѣ: «мой» и спокойно принялся строгать доски.

Послѣ разговора съ отцомъ я сталъ покойнѣе, но ученье шло не лучше. Отвѣчая уроки, я краснѣлъ, путался и сбивался. Пришло время экзаменовъ; одни сдалъ я кое-какъ, на другихъ провалился. Но горе еще не дошло, до крайней точки своего развитія; мнѣ пришлось услышать надъ собою приговоръ тѣхъ людей, которыхъ я считалъ лучшими въ нашей школѣ.

Въ одинъ изъ послѣднихъ майскихъ дней я проходилъ по школьному коридору мимо

дверей надворнаго крыльца; онѣ были полуоткрыты. На ступеняхъ, спиною ко мнѣ, сидѣли Воротницынъ и Розенкампфъ, довольно громко разговаривая между собою. Я зналъ, что они любятъ сидѣть на этомъ мѣстѣ, и шелъ туда нарочно, обманывая даже самого себя, говоря, что я шелъ случайно: мнѣ, во что бы то ни стало, хотѣлось подслушать хоть одинъ изъ ихъ долгихъ разговоровъ. Я притаился за дверью.

— Славное время стоитъ, — говорилъ Розенкампфъ.

— Да, теперъ бы у насъ на Волгѣ или въ Швейцаріи пожить. Когда-то я увижу эти мѣста, буду ли тамъ такъ счастливъ, какъ бывалъ при жизни матушки? Ты, Николай, не можешь себѣ и вообразить, какова природа въ весеннее время! — мечталъ Воротницынъ. — Чудное время! Все оживаетъ, дѣлается мягче, нѣжнѣе, простой звукъ, простой пискъ ранней птицы полны гармоніи — и все это живетъ! Весна всѣмъ расточаетъ свои дары, помнишь *der Lenz* Шиллера:

In einem Thal bei armen Hirten.

Воротницынь продекламировалъ мелодическимъ и свѣжимъ голосомъ стихотвореніе Шиллера.

— Теперь и мысль становится бодрѣе, могучѣе, и трудъ спорится легче.

— Разумѣется, легче! Посмотри на нашъ классъ, всѣ бодры, работаютъ, подгоняютъ себя: экзамены сходить хорошо.

— Да. А замѣтилъ ты. какъ Рудый сталъ падать? Онъ учится все хуже и хуже.

Я приникъ къ дверямъ и затаилъ дыханіе.

— Замѣтилъ, но не понимаю, отчего это происходитъ. Неужели причиною тому наша ссора? Онъ не такъ глупъ.

— Не глупъ, но онъ слишкомъ мелочно самолюбивъ; онъ упалъ разъ и уже никогда не встанетъ. Мнѣ жаль его, и осуждать его, какъ и другихъ людей, не должно. Нужно прощать и примиряться. Онъ, бѣдняга, похожъ на то, что въ нашемъ кругу называется: *un laquais endimanché*.

Я съежился за дверями, когда услышалъ послѣднія слова Воротницына, и на цыпочкахъ пошелъ, прочь, понутивъ свою голову. *Un laquais endimanché*. Меня жгла эта вѣрная

ощьнка моей личности, и ужаснѣ всего было то, что я не могъ сказать этимъ людямъ, что уже дѣлаюсь другимъ человекомъ, что они оцѣнили мое прошлое, но не настоящее. И вдругъ вспыхнула во мнѣ глубокая ненависть къ этимъ людямъ, и въ этомъ чувствѣ было что-то безумно яростное. «А! вы умные, вы безупречные, люди! — думалось мнѣ. — Зачѣмъ же вы допустили погибнуть меня, глупаго, испорченнаго? Не нужно мнѣ ваше прощенье! Не нужна мнѣ ваша жалость! Вы хуже меня; я погибалъ, не видя гибели, а вы и видѣли, да не хотѣли подать мнѣ руки, вы и теперь оттолкнули бы меня, если бы я къ вамъ пришелъ. Негодяи!» Жѣлчь кипѣла во мнѣ, я не могъ думать и размышлять и на время отдался всецѣло своей судьбѣ, сдѣлался мертвою машиною, бросилъ учиться, падалъ на экзаменахъ и даже не краснѣлъ; даже одинъ разъ — это я помню — улыбнулся, получивъ нуль. Во мнѣ не было надежды на близость перелома во всемъ моемъ существѣ, а онъ уже стоялъ у порога.

XVIII

Публичный актъ

На послѣднемъ экзаменѣ я провалился окончательно, не отвѣтить съ толкомъ ни на одинъ вопросъ и получилъ четвертый худой баллъ. О переходѣ въ слѣдующій классъ нечего было и думать. Черезъ четыре дня назначался публичный актъ, день торжества и славы для прилежныхъ, день казни и позора для лѣнивыхъ.

Въ эти четыре дня я находился въ болѣзненномъ и тревожномъ состояніи; умъ бездѣйствовалъ и работало воображеніе. Оно рисовало передо мною страшныя картины публичной пытки и позора. Мнѣ хотѣлось и захворать, и прокалиться сквозь землю. Хотѣлось убѣжать куда-нибудь далеко и плакать, горько плакать. Въ послѣднее время мои слезы словно прожигали мой мозгъ, но не лились изъ глазъ, и отъ этого мнѣ становилось еще тяжелѣе. Въ ночь передъ роковымъ днемъ мнѣ снился сонъ. Вижу я школьный публичный залъ, онъ полонъ роскош-

но-одѣтыми посторонними людьми: въ нихъ я узнаю знакомыхъ барынь-старухъ, ихъ воспитанницъ и пріемышей, гордыхъ пажей и надменныхъ дѣвицъ. Я стараюсь скрыться за ними отъ взоровъ товарищей и отъ директора, но посѣтители раздвигаются и указываютъ на меня директору. Онъ начинаетъ бить меня по лицу, и вижу я, что это не директоръ, а Ройтманъ, багровый отъ злости. Страшно звонко раздаются звуки нощещинъ... Всѣ хохочутъ и громко всѣхъ хохочутъ Воротничинъ и Розенкампфъ. «C'est un laquais endimanché!» кричатъ они во все горло, «такъ его и надо! Вейте его, господинъ Рейтманъ! бейте»... «Коля! Коля!» кричу я рыдающимъ голосомъ и просыпаюсь... На дворъ свѣтло; слышенъ веселый стукъ колесъ, льется благовѣсть, и его торжественные звуки доносятся до меня и медленно замираютъ какъ бы надъ самымъ моимъ ухомъ: горячее майское солнце играетъ яркими лучами на стѣнахъ и мебели моей крошечной комнатки, на моемъ разметавшемся тѣлѣ, на сбитыхъ въ ноги простыняхъ... Я вскакиваю съ постели и, не одѣваясь, въ одной рубашонкѣ бросаюсь на

колѣни передь образомъ, приникаю пылающей головой къ холодному полу и долго-долго молюсь...

Никогда не молиться мнѣ такъ, какъ молился я тогда. Поднялся я съ холоднаго пола уже другимъ человѣкомъ, точно во мнѣ что-нибудь порвалось; уже не страхъ передь собиравшеюся грозою сжималъ мое сердце, но было во мнѣ одно нервическое, нетерпѣливое желаніе сдѣлать разомъ расчетъ съ глупо прожитою жизнью, перенести испытаніе, непременно перенести его, и что-то побѣдить въ самомъ себѣ, отыскать новую дорогу. Я торопился идти на актъ, хотѣлъ скорѣй пережить этотъ день, вычеркнуть его изъ своей жизни, и только одна мысль: «будь, что будетъ!» шевелилась въ моей головѣ. Эта молитва была лебединою пѣснью, пропѣтою моему дѣтству, и унеслась она съ нею въ ту непроглядную даль, куда унеслись и радости, и горе, и юность моя, чудесная, незабвенная юность!..

Я поспѣшно одѣлся и былъ, насколько это было возможно, спокоенъ; только лицо мое было немного блѣдно.

— Не остаться ли тебѣ дома? — сказала заботливо матушка. — Ты можешь и послѣ получить годовое свидѣтельство.

— Нѣтъ, матушка, я пойду.

— Но ты блѣдень, тебѣ нездоровится и, Богъ знаетъ, какъ пройдетъ этотъ актъ.

— Я пойду, что бы тамъ ни было.

Матушка вопросительно взглянула на отца.

— Иди, сынушка! И горю, и радости надо глядѣть прямо въ глаза.

— Я это и хочу сдѣлать.

— Только не теряй присутствія духа, не робѣй!

Если бы этотъ разговоръ произошелъ наканунѣ рокового дня, то я остался бы дома. Теперь же во мнѣ пробудилась непонятная для меня самого рѣшимость идти и выдержать пытку.

Въ одиннадцать часовъ я былъ уже въ школѣ, въ двѣнадцать всѣхъ учениковъ попарно повели въ публичный залъ и усадили тамъ на назначенныхъ мѣстахъ. Это была большая, весьма красивая комната, особенно оживленная во дни публичныхъ актовъ. Съ

потолка опускалось нѣсколько люстръ съ блестящими хрусталиками, на стѣнахъ висѣли портреты важныхъ лицъ, содѣйствовавшихъ учрежденію и процвѣтанію школы; надъ кафедрой директора красовалось лѣпное изображеніе Спасителя, благословляющаго дѣтей. Около кафедры плотными рядами сидѣли родители нашихъ воспитанниковъ и множество праздношатающихъ людей, ищущихъ удобнаго случая убить свободное время. Въ концѣ зала помѣщались воспитанники и воспитанницы училища. Все это было облитое горячими лучами солнца и весело сіяло. На хорахъ гудѣлъ органъ, полились ноющіе звуки нѣмецкаго гимна. Торжество началось.

Сказавъ нѣсколько словъ благодарности посьтителямъ, директоръ ввелъ на кафедру одного изъ выпускныхъ воспитанниковъ; этотъ началъ говорить о чемъ-то длинную рѣчь, за этой рѣчью послѣдовали еще двѣ рѣчи покидающихъ школу учениковъ. Я ничего не понялъ и даже не слышалъ идъ этихъ разглагольствованій. Изъ моихъ мечтаній вызвалъ меня голосъ директора, произносившій фамиліи учениковъ. Дирек-

торъ уже стоялъ на кафедрѣ и отдавалъ отчетъ публикѣ о каждомъ классѣ отдѣльно. Отчеты начались съ младшаго класса. Сперва были вызваны тѣ ученики, которые переходили въ слѣдующій классъ; особенно прилежнымъ директоръ говоритъ: встаньте! то-есть: «покажи, Мишенька, добрымъ людямъ, какія бываютъ прилежныя дѣти!» Мишенька вставалъ и показывалъ людямъ, какія бываютъ прилежныя дѣти. Потомъ выкликались поименно лѣнтяи, ихъ подзывали къ кафедрѣ; они должны были пройти всю залу, показать и грудь, и спину постороннимъ людямъ и выслушать громогласныя укоры за свою негодность. Нѣкоторымъ дѣтямъ приходилось уже не въ первый разъ играть одну и ту же роль, и они исполняли ее очень развязно. Одинъ мальчуганъ подошелъ къ кафедрѣ съ такимъ постукиваніемъ сапогами и размахиваніемъ руками, какъ будто онъ пробирался на рынкѣ сквозь толпу мужиковъ; на его лицѣ была такая удалая, забубенная улыбка, что директоръ пожалъ плечами, а вся публика начала улыбаться, хотя именно тутъ-то и нечему было улыбаться, а скорѣе нужно было потужить

о будущности несчастливца, стубленнаго школой. Добрался директоръ и до нашего класса. Вызвалъ учениковъ, переходившихъ въ слѣдующій классъ, похвалилъ прилежаніе Розенкампа, Воротницына и еще двухъ своихъ пансіонеровъ, поименовалъ трехъ отъявленныхныхъ лѣнтяевъ, но позволилъ имъ остаться на своихъ мѣстахъ и не подходитъ къ каѳедрѣ; онъ стыдился показать публикѣ во всей красотѣ этихъ юношей-жениховъ. Отчетъ о нашемъ классѣ, повидимому, кончился, я уже начиналъ радоваться. «Слава Богу, что обо мнѣ не говоритъ», подумалъ я, и въ то же мгновеніе съ каѳедры раздалось:

— Рудый!

Я привсталъ у своего мѣста.

— Подойдите ко мнѣ,- сказалъ директоръ.

Блѣдный, трепещущій, какъ пойманная птица, пошелъ я между рядами стульевъ и подошелъ къ каѳедрѣ, не поднимая головы.

— Мнѣ хочется поговорить съ вами особенно, — началъ директоръ. — Вы были въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ первымъ ученикомъ въ тѣхъ классахъ, гдѣ вы находились, примѣромъ для товарищей, любимцемъ учи-

телей, гордостью цѣлой школы, и вдругъ, не знаю почему, съ начала нынѣшняго полугодія вы стали лѣниться, стали разсѣяны, каждый день былъ днемъ новаго паденія. Я не стараюсь угадывать причины, вызвавшія вашу лѣнь; быть-можетъ, въ ея основаніи таится что-нибудь такое, что могло бы навсегда оттолкнуть меня отъ васъ, — этого я не желалъ бы. Я вѣрю въ вашу нравственность. Вы довели вашихъ наставниковъ до того, что они должны были перемѣстить васъ съ перваго мѣста на четырнадцатое. Коли бы я не любилъ васъ за ваше прошлое, я не обратилъ бы теперь на васъ никакого вниманія. («Теперь!» мелькнуло у меня въ головѣ). Но мнѣ жаль, если погибнутъ ваши способности, а у васъ ихъ много. Мнѣ жаль оставить васъ въ томъ же классѣ, отнять у васъ еще годъ; вы знаете положеніе своихъ честныхъ родителей, рѣшившихся, несмотря ни на что, дать вамъ прочное образованіе; имъ нужна опора, и чѣмъ скорѣе будете вы въ состояніи помогать имъ въ трудахъ жизни, тѣмъ лучше...

При этихъ словахъ кровь хлынула мнѣ въ голову. «Нищетою попрекаетъ!» подумалъ я.

Мои губы затряслись, и я съ такой злобой и упрекомъ взглянулъ на директора.; что онъ на мгновенье остановился. «Подлецъ, подлецъ!» хотѣлось мнѣ крикнуть на всю залу, оглушить всѣхъ этимъ словомъ: но онъ уже продолжалъ:

— Я могу дать вамъ средства исправиться, воскреснуть во мнѣниі учителей, передъ которыми я сталъ вашимъ адвокатомъ. Я даю вамъ право въ августѣ переэкзаменоваться изъ четырехъ предметовъ. — Замѣтьте: это исключеніе изъ общаго правила, къ нему побудило меня одно чувство любви къ погибающему молодому человѣку. Постарайтесь употребить съ пользою лѣтнее время, докажите, что я не тщетно надѣюсь на васъ, оправдайте блистательно мои надежды. Вы докажете, что у васъ есть силы, не правда ли, мой другъ?

Онъ назвать меня этимъ именемъ, я это ясно слышалъ. Зачѣмъ въ такія минуты не находится человѣка, который плюнулъ бы въ лицо подобнымъ господамъ и крикнулъ бы: «ты лжешь, негодяй!» Въ залѣ сидѣли сотни отцовъ и матерей, и, вѣроятно, всѣ были расстроганы словами директора, спасающаго отъ

гибели молодого челоѡѡка, и, конечно, ни въ комъ не шевельнулся вопросъ: развѣ такъ спасаютъ людей?

Отвѣтомъ на вопросъ директора, на эту рѣчь, полную вкрадчивой ласки, выраженной въ безжизненной формѣ докладныхъ бумагъ, въ которой мое свѣжее, молодое чувство почуяло іезуитскій расчетъ господина блеснуть передъ публикою нѣжною любовью къ ученикамъ, въ отвѣтъ на это безпощадное, публичное топтанье въ грязь челоѡѡческаго самолюбія — было одно глухое, безслезное рыданье; я забылъ, что мнѣ пятнадцать лѣтъ, что нужно быть твердымъ. Напрасно закрылъ я лицо руками, меня и сквозь нихъ жгли любопытные взгляды посѣтителей акта. Ничего не видя, ничего не слыша, быстро пошелъ я изъ залы къ выходу. Я не зналъ, куда я иду, и шель, наступая на ноги людей, задѣвая за стулья... Наконецъ, чья-то рука опустилась на мое плечо.

— Что съ тобой, дитя мое? ласково спросилъ меня кроткій голосъ, въ которомъ я узналъ голосъ Мейера.

Мейеръ вышелъ изъ залы слѣдомъ за

мною. Я открылъ свое лицо и поспѣшилъ сѣсть на первую попавшуюся скамью. Разъ остановленный, я не могъ идти далѣе: силы меня оставили.

— Воды! едва слышно пробормотать я.

Мейеръ сбѣгалъ за водою.

— Пей! Сядь поближе къ окну, успокойся! — говорилъ добрякъ. — Да перестань же плакать, дитя мое. Богъ милостивъ, все переменится. Со мной была такая же исторія въ школь, меня даже выгнать хотѣли; но все же Богъ послалъ силы, и я сдѣлался человѣкомъ. Вѣруй въ свои силы и въ помощь Бога — и все пойдетъ хорошо. Das ist ein Traum! Это сонъ! — утѣшалъ меня Мейеръ.

Его рука ласкала мои волосы, и на нихъ одна за другою падали его горячія слезы. Быть-можетъ, въ эту минуту старое дитя плакало о своей неспособности спасти въ пору и вовремя любимыхъ дѣтей. Слушая его рѣчи, я горячо и крѣпко пожалъ лѣвую руку своего слабаго, безпомощнаго друга-учителя и вдругъ прильнулъ къ ней губами... Я весь горѣлъ, голова была тяжела, въ ушахъ шумѣло.

Мейеръ поднялъ мою голову, поцѣловалъ

меня въ лобъ.

— Ты совсѣмъ нездоровъ, — сказалъ онъ, качая головою. — Лучше бы было тебѣ остаться дома.

— Ничего! я самъ этого хотѣлъ, мнѣ это было нужно, — отвѣчалъ я въ полузабытьѣ; мой языкъ былъ сухъ и едва шевелился.

— Что нужно? — спросилъ Мейеръ.

— Позоръ, искупленіе.

Мейеръ широко открылъ глаза, еще разъ задумчиво покачалъ головою и повелъ меня по лѣстницѣ на крыльцо. Тамъ онъ надѣлъ на меня пальто и фуражку, нанялъ извозчика, заплатилъ ему деньги и отправилъ меня домой съ однимъ изъ школьныхъ служителей.

— Учись, надѣйся на Бога! — были послѣднія слова старика; они звучали въ моихъ ушахъ и тогда, когда пропали изъ виду и онъ самъ, и зданіе школы, и весь окружающій міръ.

Не знаю, внесли ли или ввели меня въ нашу квартиру, по помню, что только черезъ недѣлю я узналъ ее и всѣхъ озабоченныхъ людей, тихо ходившихъ около моей постели.

У меня была горячка.

Докторъ велѣлъ перевезти меня на дачу. Двадцать второго іюня мы перебрались въ Петергофъ. Отецъ купилъ мнѣ нѣсколько книгъ для чтенія, надѣлалъ разныхъ коробочекъ и ящичковъ и ухаживалъ за мною, какъ за годовымъ ребенкомъ. Онъ исхудалъ во время моего недуга, и какъ будто воскресъ, когда я сталъ поправляться.

XIX

Заключеніе первой части

Здѣсь оканчивается исторія моего безотрад-
наго дѣтства, совершается полный переломъ во всемъ моемъ существѣ. Мечты о томъ, что я самъ по себѣ, безъ заслугъ и дѣлъ, что-нибудь значу, что счастье жизни состоитъ въ важномъ чинѣ, въ барскихъ замашкахъ и въ богатствѣ, мечты, привитыя мнѣ бабушкою, школою, контрастомъ богатой обстановки другихъ домовъ съ бѣдною обстановкою моей жизни, теряютъ для меня всякое отрадное значеніе, дѣлаются мнѣ отвратительны. Я начинаю сознавать, что именно онѣ были причиной той глупой роли, которую я игралъ,

что онъ помѣшали развиться во мнѣ сознанію необходимости учиться собственно для себя, а не для того, чтобы блестѣть, получать хорошіе баллы и избѣгать наказаній. «Неужели только я одинъ былъ такимъ глупцомъ?» спрашиваю я себя и, перебирая всѣхъ учениковъ, вижу, что всѣ они были таковы: одни гордились своимъ дворянскимъ достоинствомъ, какъ чѣмъ-то возвышающимъ человека, и хвастали чинами отцовъ, какъ своею личною заслугою; другіе старались замаскироваться въ щегольскія курточки, обмануть и себя, и другихъ; трусливые учились, боясь наказаній, самолюбивые — желая отличиться; смѣлые и безстыдныя дѣти махали рукой на ученіе и съ забубенно-беззаботнымъ смѣхомъ получали нули. «Всѣ не лучше меня, у всѣхъ тѣ же ошибки», мысленно рѣшаю я. Но вотъ передо мною растетъ чья-то могучая личность и, кажется, говоритъ: я не такова! Это Калининъ. Онъ пріобрѣтаетъ мое уваженіе и любовь; мнѣ еще смутно, но уже понятенъ его самородный умъ, смекнувшій, для чего надо учиться — вопросъ, до разрѣшенія котораго мнѣ пришлось доби-

раться путемъ обмановъ и опыта. Я краснѣю при воспоминаніи о своихъ привычкахъ и ловкихъ манерахъ, давшихъ поводъ Воротницыну назвать меня un laquais endimanché: но это названіе уже не жжетъ меня такъ, какъ жгло прежде: мало-по-малу, я пріучаюсь смѣяться надъ собою и обгоняю Воротницына: онъ назвалъ меня этимъ именемъ, узнавъ мое званіе и увидавъ паденіе: я же подмѣчаю признаки того же типа, къ которому принадлежалъ я, даже въ тѣхъ важныхъ мальчикахъ, съ которыми встрѣчался я когда-то въ богатыхъ домахъ отжившихъ баръ. «Отчего они спрашивали о званіи моего отца и не искали ни мнѣ самомъ никакихъ достоинствъ?» говорю я. «Отчего они въ урочный часъ носились по Невскому проспекту на наемныхъ рысакахъ и, искривясь на бокъ, смотрѣли на бѣгъ коней, пуская пыль въ глаза прохожихъ и дѣлая видъ, что кони ихъ собственные? Отчего они такъ много говорили о блескѣ баловъ и, рассказывая о знакомыхъ, не упоминали ни о честности этихъ людей, ни объ умственныхъ способностяхъ ихъ, но не забывали поименовать ихъ званія и чины,

опредѣлить ихъ богатство? Оттого, что они „laquais endimanchés“, отвѣчаю я, смѣясь... Мой умъ припоминаетъ всѣ событія недавней жизни, до самыхъ мельчайшихъ подробностей; я спрашиваю у отца и у матери о ихъ жизни, о жизни бабушки и дяди; они съ полною готовностью, не скрывая ничего, удовлетворяютъ моему желанію и, кажется, понимаютъ, что мои вопросы вызвало не одно любопытство. Отецъ, по мѣрѣ своихъ силъ, послѣдовательно развиваетъ передо мною свои взгляды на жизнь, купленные опытомъ. Онъ уже считаетъ меня равнымъ себѣ, подготовленнымъ для принятія этихъ взглядовъ. Иногда они пугаютъ меня своею безпощадной правдою, и мнѣ дѣлается на минуту страшно. Становятся мнѣ ясны и пустота, и ничтожность, и истинныя заслуги знакомыхъ мнѣ личностей. Я работаю надъ собою, бодро работаю, не утомляясь, не охая, и ищу идеала не просто честнаго, какъ мой отецъ и мать, но честнаго и счастливаго человѣка; отецъ и мать не были счастливыми людьми, они просто безропотно покорялись своей судьбѣ, понимая, что болѣе широкой

дѣтельности для нихъ не можетъ существовать; не будь у нихъ меня, и не было бы у нихъ ни одной отрадной надежды въ будущемъ, они жили бы только для того, чтобы умереть. Эту правду дали они мнѣ почувствовать, и я не хочу жить такою жизнью. „Гдѣ же ты таишься, людское счастье? — восклицаю я. — Блесни ищущимъ тебя людямъ и озари яснымъ свѣтомъ ихъ скорбящія души, усталые умы и примири ихъ съ жизнью! Довольно горя, довольно покорности, позволь пожить!“ Но представить себѣ идеаль счастливаго человѣка я не могу. Мой умъ это я понялъ не въ то время, но гораздо позже, — принадлежалъ къ тѣмъ негеніальнымъ, простымъ умамъ, которые только путемъ опыта и отрицанія добиваются до истины и никогда не наталкиваются на нее разомъ, по чутью, по вдохновенію. Тогда я считалъ себя именно такимъ геніемъ-изобрѣтателемъ, и потому не покидалъ своей мечты найти желанный идеаль, хотя для сознанія его у меня не было данныхъ.

И кто же не чувствовалъ этого мучительнаго, захватывающаго духъ желанія быть

счастливымъ? Кто не разъ падалъ въ изнеможеніи на избранномъ пути, обманувшись въ своихъ поискахъ и видя передъ собою, вмѣсто искомага сокровища, вмѣсто драгоценнаго клада, разрытую темную и холодную могилу? „Развѣ это цѣль жизни, — кричалъ онъ въ бѣшенномъ изступленіи: — и развѣ я жилъ! Развѣ годы напрасныхъ поисковъ, трудовъ и страданій были жизнью? И хоть бы отрадная надежда надъ этой темною могилой открыть своимъ дѣтямъ тайну жизни и счастья — такъ и ея нѣтъ! Да будутъ прокляты и горькая доля, и обманчивый призракъ, манившій меня за собою съ безпечнаго пира беззаботныхъ людей и толкнувшій теперь въ могилу!“ Проклиналъ бѣднякъ весь міръ, и свой честный и пытливый умъ, и свою недремлющую совѣсть, а надъ нимъ въ безграничную даль раскидывалось свѣтлое небо, кругомъ волновались, какъ море, еще зеленые побѣги ржи, весело шумѣли молодые, сочные листья деревъ, и, кружась въ воздухъ, пѣль свою вдохновенную пѣсню поэтъ-жаворонокъ, исчезая въ голубомъ пространствѣ, залитомъ горячими лучами солн-

ца...

Отчего бы не быть счастливымъ?..

Чѣмъ разрѣшились мои поиски, какъ и какія убѣжденія развила во мнѣ послѣдующая жизнь, по какой дорогѣ я пошелъ, къ какой цѣли, и была ли эта цѣль только призракомъ счастья или настоящимъ счастьемъ — узнать читатель въ слѣдующей части моей исторіи, если онъ не вздумаетъ окончить чтеніе на этой страницѣ и, безнадежно махнувъ рукою, сказать: „дрянь исторія!“ Но, быть-можетъ, не всѣ читатели поступятъ такъ. Есть и еще разрядъ читателей. Это одинокіе люди, заброшенные судьбой въ разныя болота и пучины нашего общества, давнымъ-давно прекратившіе невѣрную переписку со своими друзьями по убѣжденіямъ. Въ ихъ головахъ вѣчно роятся горячіе вопросы, недоумѣнія и сомнѣнія; они встрѣчаютъ въ своемъ одиночествѣ каждую новую книгу, какъ свѣжаго человѣка, могущаго сдѣлаться ихъ собесѣдникомъ, и жадно дорываются до высказанныхъ въ ней взглядовъ, и дѣлается она ихъ другомъ, если ей удастся дать отвѣтъ хоть на одинъ изъ предлагаемыхъ ей вопро-

совъ. Незлобивъ и весель ихъ смѣхъ надъ неловкимъ выраженіемъ полюбившагося имъ писателя. Это тотъ же смѣхъ, которымъ смѣялись они въ школь надъ медвѣжьими ухватками своего любимаго друга, которому (рискуя наткнуться на училищное начальство и подвергнуть себя наказанію) носили они въ карцеръ и говядину, и пирожки отъ своей обѣденной порціи. Такихъ читателей хотѣлъ бы я имѣть, и взгрустнулось бы мнѣ, если бы они вздумали прекратить со мною знакомство на этой страницѣ.

Другъ-читатель, моя исторія не художественна, въ ней многое не договорено, и могла бы она быть лучше обдѣлана; но намъ ли, труженикамъ-мѣщанамъ, писать художественныя произведенія, холодно задуманныя, расчетливо-эффектныя и съ безмятежно-ровнымъ, полированнымъ слогомъ? Мы урывками, въ свободныя минуты записываемъ пережитое и перечувствованное и радуемся, если удастся иногда высказать накипѣвшее горе и тѣ ясныя, непризрачныя надежды, которыя поддерживаютъ въ насъ силу къ трудовой чернорабочей жизни. Хорошл, если само со-

бою скажется мѣткое слово, нарисуеться ловкая картина и вырветься изъ-подъ сердца огонь поэзіи; но если и ихъ не найдется, то горевать нечего, обойдется и такъ. Ты самъ, читатель, не глупъ и чувства у тебя много; ты самъ сумѣешь замѣнить мое неуклюжее, долговязое выраженіе однимъ мѣткимъ словомъ, которое попало тебѣ на языкъ! Счастливецъ! во время чтенія дополнишь ты нѣсколькими бойкими штрихами торопливо набросанную картину и сдѣлаешь ее художественнымъ произведеніемъ, и при двухъ-трехъ словахъ, намекающихъ на поэзію, отдашь ты весь поэтическому порыву, создашь изъ моего сырого матеріала величественное твореніе фантазіи. Хотѣлось бы мнѣ встрѣтиться съ тобою, крѣпко пожать твою руку и съ полной увѣренностью, что я не лишній въ твоёмъ домѣ, сказать: „наконецъ-то, мы увидѣлись! Я думаю, ты такъ же соскучился обо мнѣ, какъ я о тебѣ“. Въ этихъ простыхъ словахъ не будетъ ни заносчивости, ни нахальнаго хвастовства, потому что ихъ произнесетъ не великій геній, не могучій талантъ, даже не юноша, подающій надежды, а такой же про-

стой смертний, такой же чернорабочій жизни, какъ и ты самъ, мой другъ.

До свиданія!..

Часть вторая

I

Первые ясные дни юности

Кому случалось въ молодости перенести тяжелую болѣзнь, тотъ знаетъ то сладостное чувство, которое разливается во всемъ организмѣ человѣка въ дни выздоровленія. Мы чувствуемъ, какъ быстро крѣпнуть силы, что ничего уже не болитъ, и въ тѣлѣ чуется только истома, но и она уменьшается съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, и уже не беспокоитъ; она даже пріятна. Мы то предаемся всѣмъ существомъ отдыху, полнѣйшему *fatigante*, то приводимъ въ движеніе усталые члены, каждый мускуль, каждый суставъ, какъ будто измѣряя возрождающіяся силы. Привѣтнѣе смотрятъ глаза на міръ, какъ бы снова возвращенный, и становится онъ вдвое милѣе и дороже, чѣмъ былъ прежде. Онъ является примирившимся другомъ послѣ мучительной размолвки и долгой разлуки. Открываются въ немъ новыя прелести и достоин-

ства, и вдругъ пробуждается въ душѣ страстное желаніе полнѣе насладиться всѣмъ, что такъ долго было отнято. И счастливъ тотъ, кто могъ провести время выздоровленія посреди животворящей природы и подышать тѣмъ воздухомъ, которымъ дышатъ птицы. Такъ выздоравливаютъ люди только въ молодости: старчество видитъ въ выздоровленіи только отсрочку смерти, и хотя радуется ему, но не полна эта радость, и много въ ней тихой грусти и невольно наворачивающихся на глаза слезъ.

Такія чувства пришлось испытать мнѣ лѣтомъ 1848 года. Моя болѣзнь кончилась. Мы перебрались на дачу въ Петергофъ, гдѣ отецъ нанялъ квартиру. Она находилась въ одномъ изъ мирныхъ уголковъ на краю города, близъ собора св. Петра и Павла, и состояла изъ комнаты съ дощатою перегородкой и кухни. Ея окна выходили на огородъ; тамъ тянулись длинныя гряды съ разными овощами, за грядками были небольшой, позеленѣвшій прудъ, въ немъ купали свои вѣтви двѣ-три ивы, широко раскинувшіяся по берегу, а дальше тянулся поперечный рядъ стройныхъ мо-

лодыхъ березъ и мелкаго кустарника: малины, смородины и крыжовника. Часто слышались на огородъ пѣсни разныхъ рабочихъ людей, мужчинъ и женщинъ, то половшихъ гряды, то копавшихъ какую-нибудь зелень; работа шла безостановочно. Между занимаемымъ нами и сосѣднимъ домами былъ небольшой, но густой садикъ, почти всегда полутемный, и только въ полдень, когда солнце высоко стояло на небѣ, въ него западали горячіе лучи, и весело играли на пескѣ тѣни трепетавшихъ въ вышинѣ листьевъ, залитыхъ блескомъ, и яркіе кружки прорвавшася сквозь густую зелень свѣта. Въ этомъ саду во время жары сидѣлъ или лежалъ я на дерновой скамьѣ съ книгою въ рукахъ, то читая, то рисуя; то просто ничего не дѣлая, любуясь игрою свѣта и тѣни я дыша полною грудью свѣжимъ воздухомъ.

Книги, купленныя моимъ отцомъ за толкучемъ рынкѣ у букинистовъ, состояли изъ нѣсколькихъ разрозненныхъ томовъ сочиненій Пушкина, Лермонтова, Марлинскаго и повѣстей Гофмана. Выборъ книгъ почти не зависѣлъ отъ отца; приходилось покупать

то, что было не слишкомъ дорого и не слишкомъ гадко. Надъ повѣстями Марлинскаго я заснулъ, Пушкина и въ особенности Лермонтова я плохо понималъ; меня занимало мѣрное теченіе стиховъ, но смыслъ ихъ наполовину ускользалъ отъ меня, не волновалъ моего сердца, не приковывалъ къ себѣ моего ума. Поэмы стояли настолько выше меня, настолько шире смотрѣли на міръ, что я, дитя будничной городской жизни и вседневныхъ, быть-можетъ, мелкихъ интересовъ, не находилъ ни одного отвѣта на всѣ свои вопросы и даже не восхищался картинами природы, потому что въ нѣсколько дней дачной жизни еще не успѣлъ ознакомиться съ нею и не понималъ ея красотъ. Зато Гофманъ, какъ и надо было ожидать, заинтересовалъ меня до крайности. Нѣкоторыя повѣсти прочлись по нѣскольку разъ и производили на меня постоянно сильное впечатлѣніе. Это было не то впечатлѣніе, которое произвела на меня когда-то исторія Малекъ-Аделя и Матильды; тамъ я слѣдилъ за вымысломъ съ жаднымъ любопытствомъ, мой умъ нетерпѣливо старался узнать, что будетъ дальше, какія событія

послѣдуютъ въ будущемъ; здѣсь, напротивъ, я читалъ тихо, не торопясь, и чувствовалъ, какъ холодъ пробѣгалъ по моему тѣлу, но не отъ страшныхъ событій, а отъ страшныхъ лицъ, и, мало-по-малу, они отчетливо выяснились передо мною. Часто, опустивъ книгу на колѣни, припоминалъ я прочитанное, и передъ моими глазами пролетали, какъ живыя, ужасающія и смѣшныя личности, и сверкали яркимъ блескомъ причудливыя картины. Казалось, всѣ дѣйствующія лица повѣстей носились неслышимымъ полетомъ кругомъ меня и смотрѣли изъ-за густыхъ вѣтвей акацій. Я рисовалъ портреты гофмановскихъ героевъ и перечитывалъ описаніе ихъ, чтобы свѣрить, похожи ли мои созданья на созданья любимшагося писателя, старался разгадать отличительныя черты ихъ характеровъ, ставилъ ихъ въ новыя отношенія другъ къ другу, заставлялъ дѣйствовать. Меня тѣшила эта работа, мой умъ хотѣлъ самостоятельно творить.

Такъ сидѣлъ я однажды, любуясь нарисованнымъ много портретомъ песочнаго челоуѣка.

— У-у! какой пугалище! — произнесъ поза-

ди меня чей-то серебристый и свѣженькій голосокъ.

Я обернулся назадъ. За мной стояла небольшая дѣвочка, лѣтъ одиннадцати, полненькая, нельзя сказать, чтобы очень хорошенькая, съ широко открытыми голубовато-сѣрыми глазами. кажется, только они, да темнорусые волосы и была хороши у нея; ея руки были еще дѣтски-неуклюжія, слишкомъ тонкія у кисти, красненькой и довольно большой; вдобавокъ эти руки были запачканы землею, въ которой, должно-быть, она рылась за нѣсколько минутъ до прихода въ садъ.

— Кто это написалъ? — спросила она уже застѣнчивымъ голосомъ и покраснѣла до ушей; первое восклицаніе, вѣроятно, вырвалось у нея невольно, и теперь она стыдилась меня.

— Это песочный человекъ нарисованъ, — отвѣчалъ я.

— Развѣ бываютъ песочные человекѣки?

Я не ожидать этого естественнаго вопроса и не могъ вдругъ отвѣчать на него. Не бываютъ, хотѣлось мнѣ сказать; но какъ же не бываютъ, подумалось мнѣ, если я такъ живо

представляю себѣ это лицо? Не отвѣчая на ея вопросъ, а сталъ ей рассказывать исторію песочнаго человѣка.

Но она не дала мнѣ времени рассказать эту исторію; листочки, на которыхъ рисоваль я картины, были уже въ ея рукахъ, и она забросала меня вопросами:

— Это что такое? Ахъ, это кто? Отчего у него такія большенныя ноги?

Восклищаніямъ не было конца; дѣвочка сопровождала ихъ дерганьемъ меня за рукавъ и совсѣмъ не церемонилась со мною.

— Какой ты смѣшной! — замѣтила она между прочимъ.

— Отчего смѣшной? — спросилъ я, улыбаясь.

— Лежишь и все на песокъ смотришь каждый день, а на песокъ ничего нѣтъ.

— А ты почему знаешь, что я каждый день тутъ сажу?

— Да я здѣсь недалеко грядки, дѣлаю.

— Катя, гдѣ ты? — раздалось со двора.

— Сейчасъ иду, — отвѣтила дѣвочка. — Ты мнѣ расскажешь еще что-нибудь? — спросила она меня, торопливо сунувъ мнѣ книгу.

— Расскажу, если ты придешь опять сюда, — сказалъ я.

— Завтра приду, — проговорила она, убѣгая изъ сада.

Дѣвочка была дочь домового хозяина Полозова, одного изъ петергофскихъ садовниковъ. Во всѣ слѣдующіе дни Катя приходила въ садъ слушать мои рассказы и любоваться однѣми и тѣми же картинками.

Между тѣмъ, моя матушка познакомилась съ ея старшими сестрами. Онѣ получили плохое, грошовое образованіе, едва умѣли читать и писать по-русски, но были не тупы, всегда веселы, вели себя хорошо и трудились очень много. У нихъ была строгая и отчасти грубая мать, русская смышленная мѣщанка въ полномъ смыслѣ, державшая весь домъ въ своихъ рукахъ и иногда запиравшая подъ замокъ своего попивавшаго сожителя. Дѣтей она воспитывала по-мѣщански; до двѣнадцати лѣтъ давала имъ полную свободу, не назначала имъ какого-нибудь постояннаго занятія, употребляла для посылокъ въ лавку и подъ сердитую руку награждала порядочными тумачками; все это дѣлалось во имя слѣдующаго

практическаго разсужденія: ребенокъ глупъ, въ работѣ плохой помощникъ, больше напоритить, а учить его, то-есть бить, надо. Съ двѣнадцати лѣтъ, дѣти, по понятіямъ матери, дѣлаются способными къ работѣ, и она прибирала ихъ къ рукамъ. «Ты не пяль глаза-то на улицу, а работай!» — говорила она, присаживаясь на край стула, противъ дочери. — «Смотрѣньемъ-то денегъ не выработаешь, мужа не накормишь. Ты думаешь: мать ехидна, мать змѣя подколодная, — врешь, дѣвка, врешь! мать тебѣ добра желаетъ, мать тебя уму учить. Вотъ что мать твоя дѣлаетъ. Ноги-то у нея притоптались, а все бѣгаетъ, для васъ бѣгаетъ, для своихъ дѣтей бѣгаетъ»... И такъ далѣе все въ томъ же родѣ. Съ перваго дня нашего переселенія въ домъ Полозовыхъ, хозяйка начала наблюдать за образомъ нашей жизни, чтобы узнать, нѣтъ ли чего-нибудь опаснаго въ поведеніи матушки для ея дочерей. Но черезъ недѣлю этотъ мѣщанскій церберъ удивлялся матушкинымъ добродѣтелямъ, то-есть золотымъ ея ручкамъ, по ея выраженію. Хозяйка стала оказывать нашему семейству мелкія услуги и ча-

стенъко посылала къ намъ то ту, то другую изъ своихъ дочерей. Матушка любила трудолюбивыхъ и бодрыхъ дѣвушекъ, а потому привязалась и къ дочерямъ хозяйки, начала учить ихъ шить по мѣркѣ платья, такъ какъ онѣ умѣли шить одно бѣлье и часто жаловались на трудность и малую выгоду этой вредной для глазъ работы. Онѣ и Катя скоро начали проводить съ нами цѣлые дни и отдыхали у насъ отъ воркотни своей матери. Въ мой садикъ были перенесены стулья и столъ, и этотъ тихій уголь постоянно оглашался говоромъ и дѣвичьимъ смѣхомъ. Къ нашему обществу присоединялся еще одинъ членъ, восьмилѣтній хозяйскій сынъ. Я, несмотря за свои пятнадцать лѣтъ и привычку держать себя чинно, игралъ, какъ малый ребенокъ. Мы посѣщали сосѣдній паркъ, гдѣ водились грибы, и проводили тамъ по нѣскольکو часовъ въ день. Звонко раздавались наши голоса, веселый смѣхъ и ауканье; мы были свободны и беззаботны. Кромѣ прогулокъ съ дѣтьми въ паркъ, я предпринималъ одинъ прогулки въ отдаленныя и малолюдныя мѣстности, и часто, утомясь ходьбою, ложился на траву гдѣ-

нибудь въ лѣсу или на взморьѣ. И шелестъ листьевъ, и шумъ набѣгавшей на прибрежные камни волны, и небо, далеко слившееся съ синимъ моремъ, — все это было необычайно и ново для меня, и приводило меня въ восторгъ; я начиналъ любить природу, у меня являлось желаніе взлетѣть высоко, чтобы сверху окинуть глазами весь міръ, или броситься въ синія волны и плавать, ударяя по нимъ твердою рукою, опираясь на нихъ молодой грудью. Я не могъ объяснить себѣ, что именно хорошо въ этомъ, но невольно срывались съ моего языка слова: «какъ это хорошо! если бы жить такъ всегда!»

Эти прогулки укрѣпляли мое тѣло и давали возможность уму совершать ту работу, о которой я говорилъ въ заключеніе первой моей исторіи. Такъ летѣли мои свѣтлые дни весело и покойно. Только изрѣдка, сидя за уроками, въ дождливое время, я вспоминалъ школу, и становилось и грустно, и скверно у меня на душѣ; опять я чувствовалъ, что я несчастливъ, что пройдетъ лѣто — и я снова буду въ той же тюрьмѣ-школѣ, подъ надзоромъ тѣхъ же тюремщиковъ-учителей, посреди

тѣхъ же арестантовъ-товарищей, и станеть мнѣ гадко ровнять себя съ ними, захочется, быть-можетъ, попржнему поднять передъ ними голову и застыжусь я, если на моей курточкѣ или сапогѣ покажется заплатка. И еще удасться ли экзамень?.. Въ эти дни я бываль неувѣренъ въ побѣдѣ надъ собой. Но дождь проходилъ, и послѣдняя хмурая туча уносила, Богъ вѣсть куда, мое горе. Опять съ зарею пробуждали меня лучи солнца и ребятишки, стучавшіе въ наше окно, и весело съ своими друзьями, мѣщанскими дѣтьми, бѣжалъ я за грибами, набираль поганокъ, возбуждая всеобщій смѣхъ, самъ хохоталь надъ своею ошибкою и забываль свои думы, какъ страшный, но безслѣдный сонъ.

Происшествія моей дачной жизни оставили во мнѣ глубокой слѣдъ и дали новое направленіе моему характеру; безъ нихъ онъ развился бы иначе, я не понялъ бы такъ ясно и не принялъ бы горячо къ сердцу всего того, что мнѣ вскорѣ пришлось услышать отъ новыхъ людей. Но, разумѣется, эти происшествія покажутся мелкими и незначительными для постороннихъ людей. Такъ ве-

сельый весенній дождь, въ продолженіе часа орошавшій землю, развеселилъ труженика-крестьянина, съ боязнью смотрѣвшаго на политую его потомъ, высохавшую ниву, и этотъ же дождь прошелъ незамѣтно для барина, сидѣвшаго за газетою въ своемъ кабинетѣ. Кто будетъ правъ: крестьянинъ ли, признающій пользу дождя, или баринъ, не обратившій на него вниманія, хотя дождь не миновалъ и его — хотя и не имъ вспаханныхъ — полей? По моему мнѣнію, правъ крестьянинъ.

II

Встрѣча съ Розенкампомъ

Августъ мѣсяцъ приходитъ къ концу. Наступаютъ хмурые дни дождливой осени. Наступаетъ время ученія, передержки экзаменовъ. Прощай, Петергофъ!

Я явился въ школу въ назначенное время, выдержалъ экзамень и имѣлъ удовольствіе прослушать новыя наставленія директора, но они пролетѣли мимо моихъ ушей и не затѣли во мнѣ ни одной чувстви-

тельной струны. Мои товарищи почти не узнали меня. Я выросъ, пополнѣлъ, загорѣлъ, и лицо мое получило новое выраженіе. Оно было доброе и привѣтливое. О тщательной заботѣ помадить и прилизывать волосы не было и помину; они причесывались одинъ разъ въ день и потомъ лежали, какъ имъ вздумается; карманныхъ щеточекъ съ зеркальцемъ не существовало, а прежде-то разъ десять въ день ѣздила такая щеточка по моей головѣ, и сердился же я, что въ ея крохотномъ зеркальцѣ можно было удобно разсмотрѣть только одинъ глазъ! Едва замѣтно смутила меня холодная встрѣча курточниковъ, и тотчасъ же подумалъ я: «не хотятъ сходиться со мною — и не надо; плакать не о чемъ.» Но я дать себѣ слово, во что бы то ни стало? помириться съ Розенкампомъ. Я прошелъ въ школу раньше его и съ нетерпѣніемъ ждалъ его прихода.

— Здравствуй, Коля! — сказалъ я, завидѣвъ друга и подходя къ нему.

Мое сердце билось.

— Здравствуй, Саша! Слава Богу, что ты здоровъ; да какой же ты хорошенькій сталъ,

какъ выросъ!

Розенкампфъ протянулъ мнѣ обѣ руки и не сводилъ съ меня глазъ. Я былъ тронутъ.

— Ты на меня не сердишься больше? — спросилъ я его.

— Забудемъ объ этой глупой исторіи, — сказалъ онъ, пожимая мнѣ руку.

Въ эту минуту школьниковъ позвали на молитву въ публичный залъ, и по окончаніи ея начался урокъ. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ двѣнадцати часовъ, чтобы побыть съ своимъ другомъ. Первый урокъ прошелъ вяло, ученики зѣвали, учитель сидѣлъ, какъ на иголкахъ, и не зналъ, за что взяться; всѣ очень обрадовались, заслышавъ звуки колокольчика. Ученики разбѣжались въ разныя стороны, и только я, да Розенкампфъ остались въ классѣ.

— Ну, теперъ поцѣлуемся покрѣпче и будемъ друзьями не попрержнему, а по-новому: пора намъ поумнѣть! — говорилъ Розенкампфъ и крѣпко обнялъ меня.

Мы долго не могли говорить и молча ходили вдоль класса; намъ обоимъ было хорошо, каждый въ свою очередь заглаживалъ старую глупость, и нѣжности были не нужны.

— Ты былъ боленъ, голубчикъ? — спросилъ меня мой любимый другъ: — Мейеръ сказалъ мнѣ, по окончаніи акта, что у тебя началось что-то въ родѣ горячки отъ увѣщаній директора.

— Да, была горячка; только не отъ увѣщаній Сарториуса я заболѣлъ; болѣзнь развилась съ начала нашей ссоры. Въ послѣднее время, передъ актомъ, я ходилъ черезъ силу, и нуженъ былъ только какой-нибудь толчокъ, чтобы я съ ногъ свалился. А знаешь, ли, Коля, — замѣтилъ я, помолчавъ:— если бы тогда ты сдѣлалъ то же, что сдѣлалъ теперь, то, можетъ-быть, я и не былъ бы боленъ.

— Голубчикъ! тогда я былъ дуракъ набитый; мнѣ надо было поумнѣть, надо было утихнуть. Я вѣдь теперь не скажу тебѣ: «я никого не люблю, слышите: никого!» Нѣтъ, теперь и тебя, и Мейера, и Воротницына, и всѣхъ школьниковъ я люблю или могу любить. Я даже на жалкаго Онуфриева не очень сержусь за эту гадкую исторію. Такъ должно было случиться.

Послѣдняя фраза произнеслась съ особеннымъ удареніемъ и, кажется, имѣла очень

важное значеніе для моего друга.

— Что съ тобой сдѣлалось? ты переродился! — спросилъ я въ изумленіи.

— Воротницынъ переродилъ. Впрочемъ, нѣтъ! не онъ переродилъ, а и онъ, и книги, и время, — все вмѣстѣ. Теперь я вполнѣ понимаю, что все совершается по извѣстнымъ законамъ необходимости, что испорченный жизнью и обществомъ человѣкъ не можетъ быть совершенствомъ добродѣтелей; что испорченныхъ людей можно жалѣть, можно удаляться отъ нихъ, но не должно ихъ презирать или ненавидѣть.

Теперь я смѣюсь, вспоминая о томъ, какъ мой юный другъ въ день свиданія послѣ долгой разлуки, вмѣсто живыхъ рѣчей дѣтской радости, произносилъ съ толкомъ и съ разстановкой, даже съ нѣкоторою восторженностью, мертвыя фразы, вызубренныя изъ какой-то мудреной нѣмецкой книжки; но тогда я только глазами захопалъ, услышавъ его разсужденія, и воскликнулъ:

— Ты ли это говоришь, Коля? Гдѣ же твои насмѣшки надъ товарищами и твое гордое презрѣніе?

— Тамъ же, гдѣ и всѣ другія глупости. Трудно мнѣ было переломить себя; не удалось еще вполне, но отчасти все-таки я добился своего. Я уже пересталъ злиться запоемъ, хотя все же во мнѣ остался значительный запасъ злости, да какъ ему и не остаться! Вѣдь не весело шла моя дѣтская жизнь... Ты знаешь, вѣдь я подкидываю. Съ этимъ постылымъ названіемъ соединяются всѣ мои воспоминанія. За него меня-безнаказанно оскорбляли, за него получалъ я толчки, за него глядѣли на меня люди съ сострадательнымъ участіемъ и считали своею непремѣнною обязанностью бросить на мою долю какую-нибудь кисло-сладкую ласку, какъ бросаютъ паршивому щенку обглоданную корку черстваго хлѣба? Онъ, благодѣтель, покойный отецъ, — говорятъ, что я его сынъ, — не обижалъ меня, но зато позволялъ обижать другимъ; онъ трепеталъ передъ своею женой, и я не любилъ его боязливыхъ ласкъ, избѣгалъ ихъ. Меня злило, когда онъ давалъ мнѣ деньги и говорилъ: не рассказывай матери. Она, благодѣтельница, презирала меня, и, между тѣмъ, теперь ее прославляютъ при мнѣ за то, что я живу на ея

счесть, что она не выгоняетъ меня изъ своего дома. Вѣдь мнѣ семнадцатый годъ, я это все понимаю; въ дѣтствѣ меня оскорбляли крѣпостные лакеи, горничныя, ключницы; даже нянька, когда я простужался и, лежа на постели, надоѣдалъ ей слезами и оханьемъ, нерѣдко говорила: «вишь, нѣженка, даромъ что холопское отродье!» Говорилось это тихо, за ширмами, но я все слышалъ; я даже старался подслушивать эти рѣчи. Это, можетъ-быть, моя холопская натура высказывалась, — съ горечью промолвилъ Розенкампфъ, и его губы передернулись ѣдкой усмѣшкой. — Когда у нихъ, у благодѣтелей, родился сынъ, тогда слова «мужикъ» и «подкидышъ» доставляли мнѣ еще болѣе огорченій. Онъ былъ барчонокъ, я былъ холопъ; онъ могъ капризничать, я не могъ; онъ смѣлъ простужаться, хворать, а когда простужался я, то благодѣтельница говорила доктору, дѣлая кислую мину: «этотъ ребенокъ такой хилый, сколько намъ съ нимъ хлопотъ». И вѣдь, бывало, больше ничего не прибавить, не пришибетъ меня, какъ бѣшеную собаку, даже рукою по моимъ волосамъ проведетъ,

будто лаская, а по моему тѣлу даже дрожь пробѣжить. «Убирался бы на тотъ свѣтъ!» — слышалось мнѣ въ ея словахъ... Знаешь, о чемъ я часто молился, когда мнѣ было десять лѣтъ? «Прибери, Господи, младенца Николая». Это была моя дѣтская молитва. Число земныхъ поклоновъ назначалъ я себѣ, голубчикъ, чтобы она исполнилась... И зачѣмъ они изломали, измучили меня въ колыбели? Зачѣмъ не дали вырасти на волѣ, гдѣ-нибудь въ курной избѣ, не дали мнѣ погибнуть тамъ, гдѣ жила моя несчастная мать? И гдѣ она? Можетъ-быть, опозоренная и голодная, она жива и теперь?..

Розенкампфъ замолчалъ на нѣсколько минутъ, губы его тряслись, какъ въ лихорадкѣ; во время разсказа, на нихъ то являлась злая усмѣшка, то вдругъ онѣ какъ-то судорожно трепетали, какъ у человѣка, черезъ силу сдерживавшаго рыданія, когда можно про него сказать, что онѣ рыдаетъ въ душѣ.

Мы помолчали.

— Говорятъ, что большею частью подкидыши выходятъ негодьями? — вопросительно промолвилъ онъ, какъ будто желая узнать

мое мнѣніе насчетъ этой мысли.

Я молчалъ. Въ моей головѣ роились думы о томъ, что этотъ человѣкъ нѣсколькими годами старше меня своимъ горемъ, что онъ уже не дитя, взрослый, опытный человѣкъ, что предъ его горемъ ничтожны и смѣшны всѣ пережитыя мною тревоги и непріятности.

— Ты видишь, — продолжалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ:— я и теперъ еще злющій, какъ назвалъ меня Калининъ. Со многими я примирился, но съ нею, съ благодѣтельницею, не могъ и, кажется, никогда не примирюсь. Но я ѣмъ ея хлѣбъ... Это мнѣ тяжело. Правда, я тутъ не виноватъ; это такъ должно быть, но мнѣ не сладокъ ея хлѣбъ, его не можетъ подсластить, — что ни толкуй Воротницынъ, — никакая теорія необходимости, никакая теорія примиренія съ неотразимымъ фактомъ... Впрочемъ, знакомство съ Воротницынымъ передѣлало во мнѣ многое, и я ему благодаренъ. Тебѣ надо подружиться съ этой личностью, узнать его идеи.

— Захочетъ ли онъ подружиться со мною? Я, кажется, гораздо глупѣе его, — сказалъ я.

Меня смутили слова Розенкампа: идеи,

убѣжденія, теорія, фактъ. Въ то время я не имѣлъ о нихъ никакого понятія. Слышалъ я ихъ отъ дяди и отъ Рейтмана, въ часы историческихъ лекцій, но смыслъ ихъ былъ для меня темень, я не могъ перевести ихъ на тотъ простой языкъ, которымъ говорили въ нашей мѣщанской семьѣ, и каждый человѣкъ, употреблявшій эти слова, казался мнѣ болѣе умнымъ, чѣмъ я самъ.

Розенкампфъ увѣрялъ меня въ добродушіи Воротницына и вплоть до двухъ часовъ развивалъ передо мною теорію, которую проповѣдывалъ тотъ. Воротницынъ, какъ я уже говорилъ выше, былъ сынъ аристократа, пользовался всѣми удобствами жизни, имѣлъ хорошихъ учителей-нѣмцевъ, прочелъ множество книгъ, рано путешествовалъ по Европѣ, и потому очень понятно, что уже на семнадцатомъ году своей жизни, и даже ранѣе, успѣлъ усвоить себѣ какую-то теорію жизни, этотъ печальный даръ всѣхъ ему подобныхъ людей, отъ которыхъ всѣми силами стараются заслонить дѣйствительность. Эти люди часто выходятъ хорошими, ясными и безмятежными личностями; но ихъ ясность и

безмятежность есть спокойствіе мертвеца, который потому и спокоенъ, что мертвъ. Дѣтства, живого и кипучаго дѣтства, они не знаютъ, и маленькіе мудрецы философствуютъ на свободѣ, покуда настоящая жизнь, полная тревогъ и горя, не ворвется въ въ мирные кабинеты и не смутитъ своими криками ихъ покоя. — «Жизнь людей и обществъ, — гласила теорія Воротницына, — сложилась подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій и обстановки. И хорошее, и худое въ этой жизни суть плоды этихъ условій и обстановки, неотразимыхъ и непобѣдимыхъ силою одного человека, или даже нѣсколькихъ людей одного поколѣнія. Условія и обстановка измѣняются постоянно, но почти сами по себѣ, измѣняются потому, что въ мірѣ нѣтъ ничего неподвижнаго, пребывающаго въ первобытной формѣ. Земля удобряется, на мѣсто ветхихъ избъ воздвигаются прочныя зданія; изобрѣтенія, приносящія пользу, являются ежедневно, совершенствуются, — значитъ, условія и обстановка жизни принимаютъ новыя формы. Въ этомъ постепенномъ измѣненіи формъ въ лучшему должна состо-

ять вся надежда челоѵка на будущее, вся поддержка его въ трудѣ. Со всякимъ зломъ челоѵкъ долженъ примиряться, какъ съ неотразимымъ фактомъ, и изучать, почему оно произошло, но только изучать, а не вступать въ борьбу; борьба безнравственна и бесплодна. Безнравственна потому, что она есть проявленіе эгоизма, гонѵбы за личнымъ счастьемъ; бесплодна потому, что, во-первыхъ, нельзя знать, кто побѣдитъ: добро или зло; во-вторыхъ, обрубленное дерево можетъ дать ростки отъ самага корня, сгнившее же само собою никогда не зазеленѣетъ снова; въ-третьихъ, въ борьбѣ челоѵкъ теряетъ спокойствіе духа и, вслѣдствіе того, способность анализировать, добираться до истины. Наука, цѣль которой состоитъ въ раскрытіи истины, требуетъ вполне спокойнаго, даже холоднаго челоѵка, не боящагося, по какой дорогѣ и куда поведетъ она его. А спасеніе для будущаго только въ наукѣ; значитъ, нужно примиряться со всѣмъ насъ окружающимъ, какъ съ неотразимымъ фактомъ, и изучать его».

Теорія, какъ видите, ясная, мирная, вполне

подходившая къ характеру Воротницына. Розенкампфъ схватился за эту теорію съ живою радостью, какъ тонуцій хватается за соломинку; ему было тягостно вѣчное озлобленіе, онъ хотѣлъ спасти свое молодое сердце. Но, разумѣется, скоро у него явились вопросы, какъ примириться съ тѣмъ, что продолжаетъ тяготѣть надъ нимъ, придавливаетъ его, топчетъ въ грязь. Тѣмъ не менѣе, при первой встрѣчѣ со мною послѣ ссоры, онъ еще поклонялся убѣжденіямъ Воротницына и старался навязать ихъ на себя, какъ навязываютъ на коровъ колокольчикъ, чтобы онѣ не потерялись. Но зоркій глазъ могъ и тогда уже разглядѣть, что навязанное такъ и оставалось навязаннымъ, а не приросшимъ; колокольчикъ такъ и оставался колокольчикомъ, и при удобномъ случаѣ могъ зацѣпить за первый сучокъ въ лѣсу и потеряться навсегда. Я, конечно, не могъ этого замѣтить и думалъ, что Розенкампфъ такъ же искренно вѣритъ въ непогрѣшимость теоріи, какъ горячо ее проповѣдуетъ, и не въ силахъ былъ спорить.

«Какой я глупецъ, — думалось мнѣ въ этотъ день, — я почти не понимаю того, что

онъ говорить, я даже и пересказать этого не сумѣю. Мнѣ все счастье какое-то хочется отыскать, а Коля называетъ это желаніе счастья порокомъ, эгоизмомъ. Вѣрно, у меня дурное сердце, что я только о себѣ хлопочу».

Прошла недѣля, къ намъ пріѣхалъ Воротницынъ. Онъ увидалъ меня съ Розенкампомъ, обрадовался нашему примиренію, пожалъ мою руку, распросилъ, какъ я провелъ лѣто, что дѣлалъ. Я рассказалъ все, кромѣ знакомства съ Катей. Не оттого промолчалъ я о ней, что считалъ это тайною; но чувствовалъ, что расскажу смѣшно и неясно, и побоялся двусмысленныхъ улыбокъ. У нихъ, у моихъ друзей, особенно у Воротницына, все выходило такъ отчетливо и ясно, а у меня сбивчиво и темно. Въ Воротницынѣ я видѣлъ умнаго молодого человѣка, а не юношу, и болѣе гордился его дружбою, чѣмъ радовался ей. «Глупъ ты, Сашенька, — мысленно дѣлалъ я себѣ комплименты, — никогда тебѣ не выдумать пороку».

Такъ на томъ и порѣшилъ, что глупъ, сталъ удерживаться отъ зѣвоты во время мудрыхъ разсужденій новаго друга и старался

прислушиваться къ тому, что говорятъ умные люди.

III

Второй классъ и новые учителя

Второй классъ, *secunda*, пользовался нѣкоторыми школьными привилегіями. Въ немъ ученики имѣли право отвѣчать уроки сидя и выходить изъ класса безъ позволенія наставника, то-есть дѣлались молодыми людьми. Учителя теряли право плюходѣйствія, дранья за волосы, руготни сволочью, шушерой и тому подобныхъ прелестей. Даже слово ты должно было исчезнуть изъ ихъ лексикона, и они обязывались склонять во всѣхъ падежахъ мѣстоименіе вы. И сами учителя были большою частью не тѣ, что въ первыхъ классахъ: только важный Гро и мучитель Рейтманъ имѣла несчастіе заниматься съ нами и сдерживать свои порывы; Рейтманъ хоть на сынѣ могъ вымещать злобу, а Гро и этого не имѣлъ. Латинскій и греческій языки преподавались директоромъ, яримъ филологомъ; онъ по цѣлымъ часамъ

возился съ нѣсколькими строками Цицерона, комментировалъ ихъ, цитировалъ нѣмецкихъ филологовъ, какъ будто хвастая передъ нами своею сухою начитанностью и не думая о томъ, какую пользу принесеть эта мертвечина будущимъ булочникамъ, каретникамъ, купцамъ, чиновникамъ и вообще чернорабочимъ жизни; онъ доводилъ насъ до одурѣнія, посвящая во всѣ тонкости произношенія греческаго гекзаметра, свертывалъ губы въ трубочку, подпѣвалъ тактъ и, надо сказать правду, почти никто не постигъ этихъ тонкостей; у меня и теперь начинается перхота въ горлѣ при чтеніи греческихъ гекзаметровъ. Математикой занимался молодой магистръ с. — петербургскаго университета, очень серьезное и безцвѣтное созданіе, впрочемъ, неглупый малый и въ войнѣ учениковъ съ учителями державшій сторону правыхъ, а это въ учителяхъ рѣдкость. Учителемъ естественной исторіи былъ нѣкто-Шпиценъ, нѣмецъ, старичокъ-юноша, носившій розовенькій галстучекъ и отложные воротнички, изъ-за которыхъ выглядывала дрябленькая и желтенькая шейка, поддерживав-

шая весьма злющее и отменно-хитрое лицо иезуита. Шпиценъ вѣчно вспоминалъ о той порѣ, als er noch in Dorpat war. Эта стереотипная фраза повторялась въ теченіе двадцати пяти лѣтъ и примѣшивалась ко всему; всевозможныя открытія въ естественныхъ наукахъ совершались въ то время, als er noch in Dorpat war, что давало поводъ думать, что онъ былъ не изъ прилежныхъ студентовъ и пробылъ въ Дерптѣ безчисленное множество лѣтъ. Мы всѣ говорили: Gott hat die Welt erschaffen, als Herr Spizen noch in Dorpat war [1]. Старичокъ очень любилъ рассказывать анекдоты, разъ двадцать повторяя одинъ и тотъ же. Одинъ изъ любимѣйшихъ былъ слѣдующій: Шпиценъ, разумѣется, als er noch in Dorpat war, преподавалъ одной дѣвицѣ минералогію и объяснялъ ученицѣ способность ртути смѣшиваться съ золотомъ и серебромъ. Дѣвица сдѣлала опытъ надъ золотой табакеркой отца, и учителю пришлось поплатиться своимъ карманомъ, въ то время довольно тощимъ, а дѣвицѣ кончить занятія естественною исторіей. Этотъ анекдотъ рассказывался съ неподражаемою серьезностью и

замѣчательнымъ тупоуміемъ. «Ахъ, это были тяжелыя времена!» — всегда восклицалъ Шпиценъ, оканчивая анекдотъ. Вообще учителя производили на насъ не очень пріятное впечатлѣніе; каждый по-своему умѣлъ убивать время безъ пользы для учениковъ, рассказывать анекдотцы, исторійки, въ то время, когда наши умы жаждали жизни и свѣжаго воздуха. Изъ этой безцвѣтной толпы рѣзко выдавался учитель исторіи русской словесности, господинъ Носовичъ. О немъ стоитъ сказать нѣсколько словъ.

Носовичъ былъ изъ семинаристовъ, окончилъ курсъ въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, заглянулъ въ деревню къ своему старому отцу-священнику, но вмѣсто него нашелъ дома только старую отцовскую ряску, полторы пары нижняго платья, нѣсколько горшковъ, да зачитанную библію, и свѣжую, еще не покрытую дерномъ могилу на сельскомъ кладбищѣ, къ которой привелъ его новый молодой попъ, поспѣшно занявшій вакантное мѣсто. Отдалъ Носовичъ и ряску, и нижнее платье, и горшки новому попу, попросилъ его за это отслужить панихиду и, съ

библіей подъ мышкой, пошелъ мыкаться по бѣлу-свѣту. Жилъ онъ въ качествѣ домашняго учителя во многихъ домахъ, ѣздилъ съ каки-мъ-то помѣщичьимъ семействомъ за границу, просидѣлъ пять лѣтъ не по своей волѣ въ какой-то трущобѣ; прошелъ огонь и воду, и былъ тертый калачъ, старый воробей, котораго на мякинѣ не обманешь. Приземистый, черненькій, морщинистый, съ кривыми ногами, съ больною грудью, подвижной до крайности, онъ не могъ понравиться съ перваго взгляда, какъ нравятся иногда тѣ ходячія модныя картинки, которыя ежедневно шлифуютъ тротуары Невскаго проспекта. Вы напрасно потеряли бы время, стараясь прочесть на его лицѣ отличительную черту его характера. Выраженіе этого лица мѣнялось ежеминутно, и на немъ являлись оттѣнки всѣхъ душевныхъ ощущеній: не выражало оно только робости, подлости и глупости. Глядя на него, вы могли безошибочно сказать, что чувствуетъ этотъ человекъ въ данную минуту. Сначала эта игра выраженія лица казалась постороннимъ людямъ фиглярствомъ; но тѣ люди, которые близко знали этого прекраснаго

человѣка, понимали, что эта игра была слѣдствіемъ его впечатлительности, и никакими усиліями не могъ онъ удержать на своемъ лицѣ одно маскирующее чувства выраженіе, заморозиться въ плюгавой формочкѣ, какъ выразался онъ на своемъ языкѣ. Рѣчь его была размашистая, мѣткая и живая, часто страдавшая грамматическими неправильностями, но всегда вѣрная народному говору. Его шутка, а онъ любилъ пошутить, — отличалась то неподдѣльнымъ юморомъ, то поражала мужицкою топорностью: онъ иногда шутилъ, какъ иной мужичокъ, подкравшійся сзади къ своему другу-земляку и хватившій его въ шутку по плечу съ такою ловкостью, что у друга навѣрное будетъ синякъ на плечѣ. Другъ, разумѣется, крикнетъ: «вишь ты лѣшій-чортъ», и все-таки дружески обнимается съ землякомъ, и оба крѣпко поцѣлуются на три стороны. Носовичъ зналъ это свойство своихъ шутокъ и часто говаривалъ: «потритесь съ мое о крестьянскіе зипуны, и къ вамъ прилипнетъ частица трудовой мужицкой грубости; эта грубость все-таки лучше мягкости гнилья». Такой господинъ не

могъ прослыть въ мужскомъ обществѣ за славнаго малаго и въ дамскомъ за душку; но зато любившіе его любили горячо и не перенесли бы спокойно, если бы онъ поворотился къ нимъ спиною, — такой поворотъ выразилъ бы его мысль: ты, братъ, подлецомъ сталъ! И какъ бы ни юлилъ тотъ, кого заклеимиль Носовичъ этимъ именемъ, никогда не удалось бы ему доказать, что Носовичъ ошибся. Славное чутье было у этого господина!

Мы, второклассники, прежде его появленія въ нашемъ классѣ, слышали о немъ множество анекдотовъ. Рассказывали намъ, на примѣръ, что однажды въ одномъ изъ училищъ, гдѣ Носовичъ давалъ уроки, школьники положили въ его взъерошенную шляпу десятокъ соленыхъ огурцовъ. По окончаніи урока учитель замѣтилъ продѣлку и весело обратился къ ученикамъ съ слѣдующими словами: «ну, вотъ и спасибо вамъ! Моя жена горевала сегодня утромъ, что къ жаркому салату нѣтъ, вотъ ее теперь и обрадую: огурцовъ принесу. Только въ другой разъ, если вздумаете сдѣлать мнѣ или кому другому подобный подарокъ, то не кладите его въ шляпу, а гор-

шочекъ купите, маленькіе такіе горшочки есть, двѣ копейки стоятъ... Теперь же, господа, я попрошу у того, кто это сдѣлалъ, фуражку; онъ молодой человекъ и безъ нея можетъ прогуляться, а я, пожалуй, простужу свою старую голову. Завтра я съ благодарностью возвращу фуражку». Фуражекъ было представлено съ десятокъ. «Э! да вы въ складчину огурцы-то покупали: напрасно вы на меня изъяснились», — промолвилъ Носовичъ и взялъ фуражку одного пансіонера, которая была ему впору. На слѣдующій день она была возвращена; учитель похвалилъ вкусъ огурцовъ и никогда не упоминалъ болѣе объ этой исторіи. Съ этой поры дѣти обожали его. Почему? Потому что они съ дѣтскою опрометчивостью и необдуманностью сдѣлали дѣло, и, по обыкновенію, сами же испугались его послѣдствій, когда оно было уже непоправимо; поступокъ Носовича избавилъ ихъ отъ заслуженнаго, даже по ихъ понятію, наказанія, и учитель представлялся виновникамъ спасителемъ отъ порки. Другой анекдотъ былъ слѣдующаго рода: два школьника подрались, и одинъ изъ нихъ, вырвавшись изъ рукъ

непріятеля, побѣжалъ по коридору; непріятель погнался за нимъ и, думая нагнать его на поворотѣ коридора, дернулъ кулакомъ по спинѣ перваго подвернувшася подъ руку человѣка. Этотъ человѣкъ былъ Носовичъ; онъ разговаривалъ съ однимъ изъ воспитанниковъ.

— Тяжелая, батюшка, у васъ рука, — сказалъ онъ, поглаживая спину. — Вамъ нужно быть поосторожнѣе, — прибавилъ онъ и снова обратился къ своему собесѣднику.

Провинившійся ученикъ струсилъ и сталъ извиняться. Носовичъ засмѣялся:

— Странный вы человѣкъ! какъ ни извиняйтесь теперь, а синякъ на спинѣ у меня все-таки будетъ. Будьте лучше осторожнѣе въ другой разъ.

Мы съ нетерпѣніемъ желали увидѣть эту оригинальную личность въ классѣ и уже въ коридорѣ разсматривали его со всѣхъ сторонъ. Носовичъ явился въ классѣ черезъ недѣлю послѣ начала ученія.

— Идетъ, идетъ! — раздались голоса учениковъ, сторожившихъ у дверей класса.

Всѣ притихли, поспѣшно усѣлись на мѣста

и устремили свои глаза на двери. Въ нихъ показалась черненькая фигура новаго учителя.

— Ну-съ, господа, имѣю честь рекомендоваться, — сказалъ онъ, весело улыбаясь и прохаживаясь по классу. — Прошу любить, да жаловать. Надѣюсь, что мы будемъ хорошими друзьями и не станемъ сердиться: вы будете дѣлать свое дѣло, я свое, — и все пойдетъ, какъ по маслу. Я намѣренъ первые часы употребить на чтеніе нѣкоторыхъ произведеній, которыя мнѣ кажутся хорошими; потомъ попрошу васъ самихъ писать на темы, которыя я задамъ, и въ то же время мы будемъ учить исторію русской литературы. Хорошихъ сочиненій у насъ не то, чтобы очень много, но и не мало. Зато нѣкоторыя превосходны. Мы начнемъ съ отрывковъ изъ «Мертвыхъ душъ» и «Ревизора»; прочтемъ одинъ рассказъ изъ «Записокъ Охотника», нѣсколько мѣстъ изъ «Кто виноватъ?» и, чтобы дать вамъ руководящій взглядъ, прочту я отрывки изъ статей Бѣлинскаго и статью «Капризы и Раздумье». Потомъ мы начнемъ заниматься исторіею литературы, переберемъ по точкѣ всѣхъ писателей и писакъ, посмѣемся,

пошутимъ, напишемъ статейки и выучимъ, такимъ образомъ, многое. Я думаю, вы очень мало писали, и не всѣ изъ васъ умѣютъ дѣльно излагать свои мысли... Вы не обижайтесь моимъ мнѣніемъ; я — старый воробей, меня ростомъ да годами не обманете. Дудки-съ! Помню я много курьезныхъ сочиненій, знаю я письмо одного кадета къ родителямъ; начало письма было слѣдующее: «Дражайшіе папенька и маменька! я, слава Богу, здоровъ, только вывихнулъ себѣ руку, чего и вамъ желаю, но вы не беспокойтесь объ этомъ...» далѣе не занимательно — денегъ просилъ. Можетъ-быть, и изъ васъ многіо пишутъ не лучше, — тѣмъ придется много работать.

Носовичъ сощурилъ глаза и посмотрѣлъ на насъ.

— Начнемте читать, — продолжалъ онъ. — Прошу не стѣсняться и тотчасъ же спрашивать меня, если попадутся непонятныя вамъ выраженія или мысли, иначе я подумаю, что вы или все знаете лучше лучшаго, или что вы просто любите процессъ чтенія, наслаждаетесь звуками моего голоса.

Носовичъ началъ читать. Я никогда, ни

прежде, ни послѣ, не слыхаль подобнаго чтенія. Носовичъ не кривлялся, не декламировалъ; но каждая ловкая картина, каждое мѣткое слово, каждая личность рѣзко бросались въ глаза. Глава о Плюшкинѣ, описаніе сада, комнаты, личность самого хозяина совершенно выяснялись передъ нами. Я въ этотъ день впервые познакомился съ произведеніями Гоголя и сразу понялъ, что тутъ дѣло идетъ о дѣйствительной жизни, что это не сочинено. Кажется, то же поняли и другіе школьники. При звукахъ колокольчика всѣ въ классѣ приходили въ движеніе, но въ этотъ разъ никто даже и не пошевелился. Носовичъ дочиталъ главу черезъ пять минутъ послѣ звонка.

— До свиданія, господа!

Онъ привѣтливо кивнулъ намъ головой и вышелъ изъ класса.

Онъ относился къ намъ, какъ къ знакомымъ, и ушелъ отъ насъ какъ изъ гостей, не обратилъ вниманія на звонокъ и сказалъ при уходѣ: до свиданія. Эта незначащая фраза уже должна была имѣть значеніе для насъ, потому что другіе учителя при звукахъ колоколь-

чика, не досказавъ послѣдней фразы до точки, хватали въ охапку свои книги и удирали изъ класса при шумѣ и говорѣ учениковъ, какъ удирають дежурные офицеры изъ арестантской, куда они были назначены для занятія караула. Въ этихъ отношеніяхъ есть что-то нечеловѣческое и, несмотря на то, они царствовали въ школѣ, и никому не казались противными.

— Какой онъ фигляръ! — сказалъ Воротницынъ.

— Отчасти есть тотъ грѣхъ, — отвѣчалъ Розенкампфъ. — И зачѣмъ онъ приплелъ это кадетское письмо, о которомъ я двадцать разъ слышалъ прежде?

— И можно ли рассказывать такіе глупѣйшіе анекдоты? Этого не сдѣлалъ бы даже Шпицень.

Воротницынъ пожалъ плечами.

— Не думаетъ ли онъ, въ самомъ дѣлѣ, что и мы не умѣемъ писать? — кричали школьники въ одномъ углу класса. — Надо будетъ постараться отличиться, чтобы ему носъ натянуть.

— Еще другомъ нашимъ хочетъ быть, а

прямо дураками насъ называетъ, — волновались униженные и оскорбленные въ другомъ углу класса.

— Самъ-то, вѣрно, глупъ! Вотъ мы ему покажемъ, что мы не дураки, — шумѣли третьи.

— Экій живчикъ! — весело промолвилъ Калининъ и самодовольно передернулъ плечами.

— Калининъ воображаетъ, что онъ сказалъ великую истину, — шепнулъ мнѣ, смѣясь, Воротницынъ.

Но мнѣ показалось, что Калининъ ничего не воображалъ и просто, подобно другимъ школьникамъ, высказалъ то, что думалъ, что Носовичъ дѣйствительно не фигляръ, а живая и хорошая личность. Важнѣе всего было то, что онъ произвелъ на всѣхъ, кромѣ меня и Калинина, повидимому, дурное впечатлѣніе, и между тѣмъ всѣ были возбуждены и заботились о томъ, чтобы блеснуть передъ нимъ и натянуть ему носъ.

Пять или шесть уроковъ посвятилъ новый учитель на чтеніе избранныхъ статей, примѣшивая къ чтенію свои замѣчанія и довольно полно излагая намъ практическіе

взгляды на жизнь. Когда послѣдняя статья была дочитана, тогда онъ обратился къ намъ съ просьбою написать статьи на темы. Темъ задалъ довольно много, главная была такая: описать какое-нибудь происшествіе и впечатлѣніе, произведенное имъ на автора статьи.

— Мнѣ хотѣлось бы прочитать вамъ еще нѣсколько произведеній, а именно: «Недоросля», отрывки изъ «Обыкновенной Исторіи», изъ «Бѣдныхъ людей» и изъ «Сочиненій доктора Крупова». На все это нужно много времени, а потому, кто желаетъ познакомиться съ этими статьями, тотъ можетъ оставаться по средамъ въ классъ, послѣ уроковъ; я буду читать.

Желающимъ оказался весь классъ.

На слѣдующій урокъ мы подали Носовичу тетради со своими сочиненіями; онъ ихъ отобралъ и прочелъ лекцію изъ исторіи русской литературы. Это было введеніе, очень интересное и оживленное.

— Въ слѣдующій разъ я дамъ вамъ отчетъ о вашихъ статьяхъ, — сказалъ онъ, прощаясь съ учениками.

Мы ждали съ нетерпѣніемъ этого дня, и у каждаго вертѣлась въ головѣ мысль: что-то скажетъ мнѣ Носовичъ? Всѣ постарались отличиться — ну, и отличились!

IV

Одинъ изъ уроковъ Носовича

Нетерпѣливо-ожидаемый день насталъ. Носовичъ пришелъ въ классъ, его какъ-то странно подергивало; Хотя мы и плохо читали на лицахъ людей, но все же замѣтили, что учитель очень недоволенъ.

— Вы, господа, можетъ-быть, въ претензіи на меня, — началъ онъ говорить:— что я задалъ вамъ трудныя темы для статей, а самъ, пожалуй, и двухъ строкъ написать не умѣю. Чтобы разувѣрить васъ, я тоже написалъ сочиненіе на одну изъ темъ, заданныхъ мною.

Носовичъ вынулъ тетрадь, сшитую розовымъ шелкомъ, съ листочкомъ голубой протечной бумаги, прикрѣпленной облаткою къ ленточкѣ, какъ это дѣлали школьники, хватая красотою своихъ тетрадей. — На оберткѣ

курсивными буквами была выведена надпись: «сочиненіе Носовича 1848 года».

— Слушайте-сь. Я выбралъ самую легонькую тему; трудная мнѣ не подѣ силу.

Осень.

Утро было чудесное. Солнце, какъ золотой шарикъ, катилось по небесамъ и улыбалось мнѣ въ окно, маня меня выйти въ садъ. Я взялъ, да и вышелъ. Кругомъ меня разговаривали деревья съ золотыми листьями, полныя спѣлыхъ апельсиновъ, персиковъ и сливъ. На землѣ красовались саженные арбузы, и около нихъ покачивалъ листьями салатъ, облитый уксусомъ и прованскимъ масломъ; тутъ же бѣгали жареные рябчики и бекасы, умильно заглядывая въ мой ротъ. Все приглашало меня утолить голодъ и вкусно позавтракать. Я сѣлъ на берегу голубенькой рѣчки, протекавшей между тысячами благовонныхъ цвѣтовъ, благоухавшихъ лучше, чѣмъ магазинъ Герке. Поймавъ одного изъ жареныхъ рябчиковъ и сорвавъ кочень приготовленнаго салата, я утолилъ голодъ и закусилъ персикомъ, сва-

лившимся къ моимъ ногамъ. Тогда начала томить меня жажда; я наклонился къ рѣчкѣ, чтобы зачерпнуть рукою водицы; но, къ моему удовольствію, оттуда забилъ фонтанъ прямо мнѣ въ ротъ и напоилъ меня чистѣйшимъ шампанскимъ...

— Вмѣсто шампанскаго, господа, каждый можетъ вообразить вино по своему вкусу; сочиненіе отъ этого не измѣнится, — проговорилъ Носовичъ, и молча сталъ выгружать изъ портфеля наши тетради и положилъ въ него свою.

Мы не знали, что намъ дѣлать: смѣяться ли надъ сочиненіемъ Носовича, или счесть его продѣлку пошлостью и соорудить обиженныхъ фізіономіи. Разсержены были мы всѣ. Носовичъ не далъ намъ времени долго думать; его брови сдвинулись, глаза сощурились, и по губамъ пробѣжала язвительная улыбка.

— Что-съ, господа? — заговорилъ онъ скороговоркою:— хорошо мое сочиненіе? пошлость! плоскость! Но вѣдь это только шутка, а какъ назвать, напримѣръ, вотъ это

самдѣлешнее сочиненіе?

Носовичъ быстро развернулъ одну изъ ученическихъ тетрадей, всталъ со своего стула и, стоя, началъ читать. Въ его голосъ слышалась нервическая раздражительность.

Осень.

Сентябрьское солнце, какъ огненный шаръ, катилось по безоблачному горизонту; въ воздухъ, полномъ аромата березъ, цвѣтовъ и поспѣвающихъ плодовъ, слышалось звонкое пѣніе птицъ. Повсюду летали онѣ, заботливо собирая кормъ. Крестьяне съ громкими пѣснями шли на веселыя работы; шумною толпой провожали ихъ хорошенькія дѣти въ красныхъ рубашонкахъ; они собирались насладиться послѣдними лѣтними удовольствіями, рвать цвѣты на лугахъ и шести вѣнки. Радость и жизнь разливались во всемъ и все ликовало, прославляя Творца, пославшаго теплую осень съ ея золотыми плодами. Около двѣнадцатаго часа, когда яркое и жгучее солнце...

— Тьфу! гадость какая! — крикнулъ Носовичъ, и тетрадь полетѣла подъ столъ. — Это

вы изъ французской книжечки вычитали, quatre saisons передали, что ли? И гдѣ вы видѣли всѣ эти прелести? Веселыя полевыя работы! Подите, поработайте-съ, да тогда и говорите: веселыя! Ребятишки, и еще въ красненькихъ рубашонкахъ, точно шуты, бѣгутъ вѣнки плести! Да знаете ли вы, что эти чудныя крестьянскіе ребятишки не такія сахарныя нѣженки, какъ вы, что они коровъ пасутъ, за свиньями смотрятъ, домъ сторожатъ; грудныхъ братьевъ качаютъ въ рабочую пору? Зачѣмъ вы лжете, сочиняете? развѣ я за тѣмъ задаю вамъ темы для статей, чтобы пріучить васъ ко лжи или дѣлать сочинителями? Ихъ и безъ васъ непочатой уголь. Пишите мнѣ о томъ, что вы видите; покажите, какъ развились ваши понятія, какъ вы понимаете окружающую васъ жизнь, а не выдумывайте сказокъ про деревню, которой вы въ глаза не видали. О жителяхъ луны и я могу сказать только чушь и ложь; а потому о нихъ и не рассказываю. Видите вы лужу передъ своимъ окномъ и пишите: вотъ, молъ, весна наступила, и передъ моимъ окномъ лужа непроходимая стоитъ, потому что хорошихъ

водосточныхъ трубъ нѣтъ и мостовая плоха, да и дворникъ не мететъ улицы, занятый другимъ дѣломъ. Да если бы и лужи не было, то все-таки идти на улицу не хочется, ибо въ воздухѣ теперь слышнѣе вонь отъ помойныхъ ямъ, давно не чищенныхъ... Пишите, пожалуй, о жареныхъ бекасахъ и рябчикахъ, только тогда, когда вы ихъ видѣли или ѣли, а то бумагу только попусту изводите и у меня время и здоровье уносите. Вотъ и сегодня прочелъ я поутру это сочиненіе объ осени, вижу: сладость неописанная, благораствореніе воздусей, ну, и пошелъ безъ калошъ, а теперь и насморкъ, и кашель привязались — пожалуй, и совсѣмъ слягу. Не бережете вы своего учителя!

Послѣднія слова Носовичъ произнесъ такимъ уморительно-плачевнымъ голосомъ, что мы всѣ, смущенные началомъ его рѣчи, разсмѣялись; но въ этомъ смѣхѣ слышалась стыдливая сдержанность.

Мысль: какой я дуракъ! — промелькнула въ каждой головѣ.

Носовичъ сошелъ съ кафедры, поднялъ брошенную имъ на полъ тетрадь и стряхнулъ

съ нея пыль своимъ рукавомъ.

— И всѣ сочиненія, написанныя вами, почти таковы, нѣкоторыя еще хуже, — сказалъ онъ уже совершенно серьезнымъ и немного грустнымъ тономъ. — Между тѣмъ, нѣкоторымъ изъ васъ 16, 17, даже 18 лѣтъ, вы уже два года пишете статьи на учительскія темы. Чему же васъ учили! Какъ развивали?.. Вамъ въ слѣдующіе два года придется поработать надъ собою, иначе вы вступите въ жизнь на жертву пройдохъ, которые поймутъ вашу неразвитость. Авось, что-нибудь успѣемъ сдѣлать. Хотите, чтобы я прочелъ вслухъ и другія сочиненія? — спросилъ онъ, помолчавъ немного.

— Нѣтъ! нѣтъ, г. Носовичъ! — раздалось со всѣхъ сторонъ. — Мы лучше постараемся написать новыя сочиненія.

— Пишите, — сказалъ Носовичъ и сталъ раздавать тетради.

— Кто теперь президентъ во Франціи: Кавеньякъ, или Луи-Наполеонъ? — насмѣшливо спросилъ онъ у Воротницына, отдавая тому тетрадь.

— Я этого не знаю, — съ недоумѣніемъ

отвѣчалъ Воротчицынъ.

— Скажите, пожалуйста! а я совсѣмъ думалъ, что вы политикой занимаетесь. Странно, очень странно! — балаганилъ Носовичъ, покачивая головой. — И не занимайтесь ею; познакомьтесь съ окружающею васъ жизнью, тогда вы увидите, что политика выѣденнаго яйца не стоитъ. Право, такъ!

— Я ею не занимаюсь, вѣдь я вамъ сказалъ, — обидчиво промолвилъ Воротницынъ.

— А мнѣ кажется, что вы скрытничаете. Знаете, почему?

— Нѣтъ-съ, не знаю-съ, — дерзко отвѣтилъ Воротницынъ.

— Нѣтъ-съ, не знаю-съ, — передразнилъ его Носовичъ. — Слушайте же. Ваше сочиненіе можетъ быть хоть сейчасъ напечатано въ любомъ русскомъ журналѣ; но оно положительно дурно. Изъ него видно, что вы много, слишкомъ много читали; но кто-то преусердно выбиралъ для васъ книги, похожія, какъ двѣ капли воды, одна на другую, и посадилъ въ вашу молодую голову дряхлаго старикашку съ разбитыми ногами. Онъ подсказываетъ вамъ то, что вы должны,

по его мнѣнію, говорить, водить вашу руку, когда вы пишете. Старикашка, должно-быть, былъ великій грѣшникъ, ибо онъ только и хлопчетъ, что о прощеніи, и, по всей вѣроятности, богатъ, ибо всѣхъ уговариваетъ примириться съ разными гадостями. Молодые люди не додумываются до такихъ мертворожденныхъ теоріекъ. Молодой умъ не то выносить изъ чтенія Гоголя, изъ знакомства съ Плюшкиными, Чичиковыми, Ноздревыми. Или, можетъ-быть, я ошибаюсь, считая васъ молодымъ, можетъ-быть, вы родились задолго до первой французской революціи?.. Но вы мыслить умѣете, изъ васъ можетъ выйти хорошій человекъ; я хотѣлъ бы поспорить съ вами. Приходите когда-нибудь послѣ класса ко мнѣ.

Воротницынъ стоялъ, засунувъ руку подъ жилетъ, и тамъ пощипывалъ свою рубашку; его лицо покраснѣло и приняло надменное выраженіе. Онъ, кажется, впервые слышалъ оцѣнку своей теоріи и былъ готовъ бороться за нее. Я переглянулся съ Розенкампомъ. Носовичъ продолжалъ раздавать тетради и давать наставленія каждому ученику отдѣльно.

Раздача тетрадей кончилась.

— Господинъ Носовичъ! вы не возвратили моей статьи, — сказать Калининъ.

— Знаю-съ, — отвѣчалъ Носовичъ. — Она лежитъ на кафедрѣ, и я намѣренъ прочесть ее передъ классомъ.

— Какого чорта онъ въ ней вычиталъ? — проворчалъ Калининъ, садясь на свое мѣсто. Носовичъ началъ читать его статью.

«Происшествіе, о которомъ я хочу рассказать, было прошлой весной. Однажды, окончивъ свои уроки, я взглялъ отъ нечего дѣлать въ окно. По грязной улицѣ, несмотря на сильный вѣтеръ и собиравшіяся тучи, тащилось множество народа; всѣ спѣшили на гулянье въ крѣпость, чтобы насладиться тамъ грызеньемъ орѣховъ и слушаніемъ дребезжащей музыки надтреснутыхъ шарманокъ. На это гулянье пошли и мои родные, я же остался дома, потому что мнѣ не хотѣлось гулять тамъ, гдѣ томятся сотни преступниковъ. Сначала я очень любилъ это развлеченіе: съ крѣпостныхъ стѣнъ такой славный видъ на Неву; но, за нѣсколько времени передъ этимъ днемъ, я былъ за-

перть инспекторомъ въ школьный карцеръ, и болѣе всего тревожилъ меня въ заключеніи веселый шумъ ребятишекъ, игравшихъ на дворѣ. Въ описываемый день я вспомнилъ это, и мнѣ ясно представилось то горькое чувство, которое должны испытывать арестанты, слыша топотъ гуляющаго народа. Во мнѣ кипѣло не то чувство желчной злости, не то чувство плаксивой тоски. Хотѣлось и выругать кого-нибудь, и похныкать хотѣлось. Этому чувству суждено было усилиться еще болѣе. Мимо моего окна шло семейство мѣщанъ, судя по ихъ платью, должно-быть, мужъ и жена съ двумя сыновьями. Внезапнымъ порывомъ вѣтра съ головы одного изъ ребятишекъ сорвало фуражку, ребенокъ побѣжать за ней, но вѣтеръ уносилъ ее все дальше и дальше, и, наконецъ, прокатилъ по грязи въ лужу, гдѣ она и застряла. Ребенокъ вынулъ ее изъ воды и со слезами побѣжалъ къ родителямъ. Нѣжная матушка посмотрѣла на измокшую и запачканную фуражку и принялась ругать мальчугана. Отецъ послушалъ-послушалъ руготню жены

и вышелъ изъ терпѣнія: вырвалъ изъ ея рукъ фуражку, мазнулъ ею по лицу сына, далъ ему затрещину и, нахлобучивъ на его головенку фуражку, крикнулъ: „ступай же свинья-свиньей на гулянье, пащенокъ!“ Возмутительная сцена. Должно-быть, хорошо проведетъ этотъ день мальчуганъ. Не весела ты, мѣщанская жизнь! Мнѣ стало грустно до слезъ, и припомнилось мнѣ мое собственное дѣтство... А, впрочемъ, не будь этой сцены, не было бы и этой статьи... Нѣтъ худа безъ добра, говоритъ пословица. Однако, лучше, если бы было добро, и не было бы худа».

— Эта статья, господа, мнѣ положительно нравится, — сказалъ Носовичъ. — Но, господинъ Калининъ, — продолжать онъ, отдавая тетрадь:— я говорю, что она хороша по своей правдѣ и искренности, а не по формѣ. Если бы вы ее подали нѣмцу-учителю, то онъ отмѣтилъ бы: *liederlich geschrieben*.

— Я нѣмцу не подаль бы ее, — отвѣчалъ Калининъ. — Я написалъ бы ему: *eine kleine Biene flog* или *wie ist die Erde so schön, so schön!*

Послѣднія слова онъ произнесъ нараспѣвъ. Мы и Носовичъ улыбнулись.

— Откровенный вы человекъ, господинъ Калининъ!

Остальное время урока Носовичъ употребилъ на серьезное объясненіе намъ тѣхъ взглядовъ на жизнь и дѣятельность человека, которые онъ признавалъ вѣрными и честными.

— Практическій, трезвый взглядъ на все, — говорилъ онъ:— есть единственное основаніе, на которомъ можетъ человекъ построить свою жизнь хорошо для себя и безобидно для ближнихъ. Развивать его надо именно теперь, здѣсь въ школѣ. Многимъ изъ васъ придется выступить отсюда на поле самостоятельной жизни, сдѣлаться чиновниками и мастеравыми, или засѣсть на университетскія скамьи. Въ первомъ случаѣ вы прямо должны стать практиками, чтобы не надували васъ пройдохи, во второмъ безъ практическаго взгляда вы сдѣлаетесь игрушками профессоровъ и книгъ. Они нацѣпятъ на васъ свои любимыя мечтанья и теорійки, и вы, какъ овцы, пойдете за жожака-

ми, по тому же пути, по которому шли они, и станете, можетъ-быть, въ тѣхъ же стѣнахъ, съ тѣхъ же каѳедръ, только другимъ голосомъ пѣть ихъ пѣсню, не помышляя о томъ, насколько полезна эта пѣсня, и нужна ли она кому-нибудь. Плохая будущность! Но какъ развить практическій взглядъ? Очень легко: наблюдайте за собою, сближайтесь съ товарищами, но сближайтесь честно, разумно, не за раздѣленную пополамъ сахарную конфетку. Изучайте, что худо и что хорошо въ ихъ и въ вашемъ домашнемъ быту; не осуждайте старыхъ людей за худое; они воспитывались не такъ, какъ вы, — исправлять ихъ глупо и пошло; но старайтесь воспитать себя такъ, чтобы худое не повторялось въ васъ самихъ и въ вашей дѣятельности. Другихъ нечего передѣлывать, не передѣлавъ себя; работать же въ свою пользу надъ собою побуждаетъ насъ эгоизмъ. Вы знаете, что значитъ быть эгоистомъ? Быть эгоистомъ — значитъ любить себя. А кто же не любитъ себя? Всѣ любить, — это истина. Эгоизмъ есть главный двигатель всего, совершающагося на землѣ, инстинктъ, присущій всякой твари; безъ него

человѣкъ дѣлается ниже животнаго, ибо теряетъ послѣднее оправданіе своихъ поступковъ. Вамъ надо объяснять эту мысль, иначе вы меня не поймете. Я обращаюсь къ тѣмъ наблюденіямъ, которыя вы могли сдѣлать непосредственно надъ собою. Когда вы чувствовали себя особенно нехорошо? Тогда, когда вы были больны, когда вамъ хотѣлось ѣсть, пить и торопились совершить работу не по силамъ, когда вы были наказаны, когда вы не имѣли ни одного друга, и васъ томило одиночество, когда вы прятались отъ человѣка, собиравшагося васъ побить, отъ маленькаго врага. Или, можетъ-быть, я ошибаюсь, и все это не тревожило васъ, все это было вамъ пріятно? Какъ вы думаете?

— Разумѣется, тревожило, — отвѣтило нѣсколько голосовъ.

— Но отчего же тревожило? Потому что отъ этого страдало ваше я, страдали его первыя потребности. Если бы всѣ эти тревожащія обстоятельства были отстранены по вашему желанію, то вы были бы счастливы, должны бы были быть счастливы. Не такъ ли? Конечно, такъ! Это вамъ скажетъ любой мудрецъ, и

всѣ люди стремятся только къ той жизни, гдѣ нѣтъ исчисленныхъ мною тревожащихъ обстоятельствъ. Всѣ другія, лишнія блага составляютъ роскошь жизни, и безъ нихъ можно обойтись. Если сытый человѣкъ заплачетъ о томъ, что у него нѣтъ жареныхъ устриць и шампанскаго, то онъ возбудитъ смѣхъ, и вы скажете: вотъ счастливецъ; ему и плакать-то не о чемъ! Но никто, не будучи подлецомъ, не рѣшится смѣяться надъ голоднымъ, плачущимъ о неимѣніи куска хлѣба. Итакъ, мы съ вами добрались до истинныхъ потребностей человѣка, составляющихъ его счастье. Онѣ эгоистичны. Но развѣ онѣ ведутъ къ дурнымъ поступкамъ, къ преступленію? Напротивъ того, въ разумно практическомъ человѣкѣ именно онѣ-то и исключаютъ мысль о преступленіи. Если вамъ нечего ѣсть, то вы должны работать, а не красть, иначе васъ накажутъ люди или правительство, физически или нравственно, это все равно, — и вамъ будетъ не весело: вы согласились, что наказаніе не радуетъ. Если вашъ трудъ не можетъ быть сдѣланъ вдругъ вашими силами, вы его сдѣлаете исподволь, а не скомкаете кое-какъ

и не бросите совсѣмъ, потому что за бездѣлье платы не полагается. Если вы наживаете свою дѣятельностью только враговъ и не имѣете друзей, то первые придавятъ васъ, видя вашу беспомощность. Это непріятно. Но безъ враговъ нельзя прожить, значитъ, надо нажить побольше друзей, готовыхъ стоять за васъ, если вы не будете подлецами. Съ подлецомъ сойдется только подлець; но такой господинъ не подставитъ своей груди за васъ и будетъ другомъ только на словахъ... Какъ вы думаете, къ добру или къ злу поведетъ эгоизмъ человѣка, обладающаго вѣрнымъ практическимъ взглядомъ? Подумайте хорошенько и отвѣтите мнѣ въ слѣдующій урокъ. Звонокъ, кажется, былъ, и намъ пора кончить.

Насталъ слѣдующій урокъ. Многіе изъ насъ дѣйствительно подумали о словахъ Носовича и сознательно согласились съ нимъ. Такіе ученики были сильно возбуждены и уже начинали любить учителя; ошибался ли онъ или нѣтъ, но все-таки онъ заставлялъ насъ думать, говорилъ намъ: и вы люди, а не овцы, ведомыя на закланіе. Другіе же, изъ числа школьныхъ тупицъ, поддакивали, ничего не

думая. Слова учителя касались и отскакивали отъ нихъ, какъ отъ стѣны горохъ.

— Теперь, господа, — продолжалъ Носовичъ въ слѣдующій урокъ:- вамъ должно быть ясно, что дурные поступки, совершенные во имя эгоизма, суть слѣдствія несообразительности, непрактичности и бессмысленности людей. Казнокрады-взяточники — вы слышали объ этиль кровожадныхъ двурукихъ животныхъ? — брали взятки, думая нажитья; но они не разсчитывали на то, что рано или поздно они могли попасться и лишиться всего. Но даже, еслибы имъ и сходило постоянно съ рукъ, то и тогда ихъ гнусную дѣятельность нельзя бы было назвать разумно-практическимъ эгоизмомъ. Они прожили жизнь подъ страхомъ, вѣчно боялись, не пишутъ ли на нихъ доноса ихъ друзья-подлецы, добивающіеся ихъ мѣста. Вы признали такое состояніе непріятнымъ, несогласнымъ съ требованіями эгоизма, но, разумѣется, и старые взяточники не чувствовали большой пріятности отъ этого состоянія. Большею частью они были людьми жёлчными, угрюмыми, подозрительными въ сношеніяхъ съ

окружающими личностями, боялись своей собственной семьи. Пухленькими и веселенькими взяточниками-балагурами были только мѣдныя лбы, дошедшіе до послѣдняго животнаго состоянія.

Такимъ образомъ, перебралъ Носовичъ передъ нами всѣхъ порочныхъ и преступныхъ дѣятелей и доказалъ то, что было нужно доказать. Наша русская жизнь, нарисованная твердою, размашистою и мѣткою кистью, прошла передъ нами. Мы слышали обо всемъ, начиная отъ христославленья деревенскаго попа по избамъ мужиковъ и пребыванія поповскаго сына въ бурсѣ до высшаго проявленія азіатской изнѣженности и лѣни помѣщичьихъ кружковъ. Носовичъ творить судъ и расправу надъ отдѣльными личностями и пороками. Но въ его рѣчахъ не было ни жѣлчности, ни раздражительности, ни предубѣжденія; онъ говорилъ намъ: «не думайте, что такъ дѣлается только у насъ; въ другихъ странахъ дѣлается то же, но на свой ладъ. Не бросать камня, не злиться, не воевать нужно. Нужно смотрѣть за собою, собираться съ честными людьми въ тѣсный кру-

жокъ, исполнять свои обязанности лучше подлецовъ, и тогда подлецы исчезнутъ, какъ пыль. Покуда честные люди будутъ хныкать, жаждать славы, какихъ-то подвиговъ и переворотовъ и оставаться безъ дѣла, оставлять его въ рукахъ подлецовъ, выказывать свою неспособность даже къ малымъ дѣламъ, — до тѣхъ поръ подлецы будутъ блаженствовать. До сихъ поръ большая часть изъ такъ-называемыхъ честныхъ людей ломалась, кривлялась и геройствовала, губя только себя, и ихъ даже стыдно назвать честными, не прибавивъ „мечтателями“. Только нѣкоторые изъ нихъ, владѣя перомъ, дѣлали истинно-честное дѣло, писали по мѣрѣ силъ и раскрывали передъ толпой послѣдніе выводы науки, озаряли мракъ. Этимъ спасибо, и потому-то я считаю важнымъ дѣломъ изученіе исторіи русской литературы».

Носовичъ сильно напиралъ на то, что сначала, въ былыя времена, преступная дѣятельность была какъ будто согласна съ требованіями эгоизма, но что съ размноженіемъ развитыхъ людей она дѣлается все болѣе и болѣе непрактичною и

неэгоистичною. Страшно нападалъ онъ на тѣхъ честныхъ людей, которые или ребячески дуются на весь мѣръ, или надменно надуются передъ нимъ и воображаютъ себя счастливыми и честными. «Ихъ счастье, — говорилъ онъ, — выѣденнаго яйца не стоитъ, ихъ можетъ каждую минуту раздавить первый подлець, и ни одна рука не протянется спасти ихъ. И по-дѣломъ имъ! Человѣкъ, какъ и всякая тварь, надѣленъ инстинктомъ самосохраненія. Это чувство заставляетъ его прибѣгать къ обществу, внѣ котораго онъ нуль, старая онуча. Онъ, только имѣя друзей, разумѣется, въ честномъ, то-есть прямомъ смыслѣ слова, можетъ быть спокойнымъ за свою будущность. Взгляните на табунъ лошадей, когда на нихъ набѣгаютъ волки. Лошади не разбѣгутся, но сплотятся въ одну массу и даюгъ отпоръ врагу. Побѣда остается на ихъ сторонѣ, тогда какъ одинокую лошадь волки растерзаютъ непремѣнно. Безъ друзей, безъ любви къ ближнимъ, требуемой эгоизмомъ, — мы ничто. Ничто же не можетъ быть ни честнымъ, ни подлымъ. Итакъ, практически разумный, настоящій эгоизмъ есть двига-

тель въ жизни, эгоизмъ есть любовь къ ближнимъ, любовь къ честной дѣятельности, эгоизмъ есть справедливость».

Таковы были уроки Носовича, предшествовавшіе и тѣсно соединенные съ лекціями исторіи русской литературы. Я сократилъ ихъ, насколько было возможно, но все-таки читатель, вѣроятно, соскучился. Я могу извинить себя передъ нимъ тѣмъ, что сказать объ этихъ взглядахъ было необходимо для того, чтобы читатель понялъ, за что полюбили мы Носовича, за что мы назвали его крестнымъ отцомъ нашего умственного развитія.

Юноши начинают жить

Большая часть учениковъ развивалась довольно быстро, пріобрѣтала въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ болѣе нужныхъ познаній, чѣмъ въ предшествовавшія пять лѣтъ. Самое сильное вліяніе имѣлъ Носовичъ на русскихъ; у каждаго изъ нихъ хотя разъ забилося сердце отъ его словъ, касавшихся преимущественно русской вседневной жизни. У иного ученика мелькнули въ головѣ и свѣтлыя, и горестныя воспоминанія и, можетъ-быть, впервые въ дѣтскомъ увлеченіи поклялся онъ быть честнымъ человѣкомъ, не терзать своихъ будущихъ дѣтей, учениковъ и товарищей, какъ терзали его самого. Поняли Розенкампфъ и я, что Носовичъ не рекомендуетъ съ особенно хорошей стороны борьбы, въ смыслѣ ломки и переворотовъ, но что онъ не хлопочетъ, какъ Воротницынъ, о примиреніи и прощеніи. «Дѣйствуйте, — совѣтоваль онъ, — но дѣйствуйте умно и честно, и не спите. Гляди-

те прямо въ лицо людямъ, не поднимая головы до небесъ и не опуская ея до земли. Окружающія васъ личности одного роста съ вами, и если есть между ними гиганты или карлики, то это уроды, исключенія. Сапожникъ не долженъ гордиться передъ не-сапожникомъ своимъ умѣньемъ шить обувь, и послѣдній не обязанъ краснѣть за свою неспособность къ этому ремеслу: онъ знаетъ что-нибудь другое. Высокихъ призваній нѣтъ. Мы всѣ работники въ одной и той же мастерской и составляемъ колеса и винты одной машины. Только ржавые и поломанные колеса и винты выбрасываются вонъ и топчутся въ грязь. Старайтесь же не ржавѣть и не ломаться».

Многіе изъ воспитанниковъ нашего класса сплотились въ одну семью. Носовичъ давалъ намъ ученыя книги, носившія замѣтки, дѣланныя его рукою; часто заключались въ книгахъ цѣлые листы писчей бумаги, мелко исписанные имъ; иногда на поляхъ страницъ встрѣчались просто немногословныя фразы: «Авторъ злобствуетъ! Мало читалъ и потому не дочитался до истины!» и такъ далѣе. Кни-

ги, по его совѣту, прочитывались вслухъ послѣ классныхъ занятій; для этой цѣли мы назначили часы и чередовались въ чтеніи. Замѣтки, въ родѣ вышеприведенныхъ, возбуждали толки, которые разрѣшалъ самъ Носовичъ, часто приходившій на наши сборища. Иногда, собравшись въ болѣе или менѣе многочисленные кружки, мы не читали, а толковали обо всемъ, что насъ интересовало въ жизни. Въ бесѣдахъ не было никакихъ мудреныхъ старческихъ разсужденій; тутъ была просто живая и веселая молодежь, развивавшая свой умъ, начинавшая жить и мыслить.

Розенкампфъ, Калининъ и я, люди совершенно различные по характерамъ, привязались другъ къ другу всею душою, и ни одна тѣнь не промелькнула между нами, хотя мы и не щадили другъ друга и прямо высказывали правду въ глаза. Воротницынъ, это поэтическое созданіе, хлопотавшее о примиреніи, восхитительно читавшее стихи Шиллера, былъ холоднѣе насъ троихъ, смѣялся надъ мелочностью раздражительности Розенкампфа, надъ слишкомъ рьяной любовью Калинина

къ народу и вообще безъ волненія выслушивалъ жалобы друзей на домашнюю жизнь. Поводовъ же къ жалобамъ было довольно много. Счастливъ вполнѣ былъ одинъ я. Калинину не весело жилось въ мѣщанской семьѣ, поговаривавшей, что парень на возрастъ и пора ему кончить науку и поступить въ магазинъ за прилавокъ. Бѣдняку приходилось воевать за каждый лишній мѣсяцъ пребыванія въ школѣ. Розенкампу было еще хуже.

Наступали рождественскіе праздничные дни. Розенкампфъ совсѣмъ пріунылъ, даже браниться пересталъ.

— Не могу я ходить къ моей благодѣтельницѣ,- говорилъ онъ намъ:- я тамъ опять становлюсь злющимъ. Не честное негодованіе, а какая-то рабская злость пробуждается во мнѣ въ этомъ домѣ. Я совсѣмъ испорчусь, а между тѣмъ, у меня нѣтъ другого угла.

— Проведи праздники у меня, — сказалъ я:- мои родители добрые и хорошіе люди; они не откажутся принять тебя.

— Знаю, голубчикъ, что не откажутся. Я

ихъ очень люблю и радъ бы побыть у тебя на праздникахъ; но благодѣтельница не согласится на это.

— Нельзя ли какъ-нибудь устроить дѣло? — молвилъ Калининъ.

— Не знаю, право, — задумчиво отвѣчалъ Розенкампфъ. — Подумайте за меня, я самъ ничего не въ состояніи выдумать, поглупѣль совсѣмъ.

Мы помолчали.

— Поклонись-ка въ поясъ Носовичу, — произнесъ Калининъ. — Авось его умная голова что-нибудь выдумаетъ.

Розенкампфъ обрадовался совѣту и на другой же день пошелъ къ Носовичу на квартиру. Носовичъ принялъ его съ обычною ласковостью, внимательно выслушалъ его откровенный разговоръ, и сказалъ, что подумаетъ о дѣлѣ. Дня черезъ три онъ пришелъ въ классъ и сказалъ Розенкампфу, что имъ нужно поговорить, взялъ его подъ руку и пошелъ съ нимъ ходить по коридору

— Я обдѣлалъ ваше дѣло, — объявилъ Носовичъ по выходѣ въ коридоръ. — Вы совершенно свободны,

— Какъ?.. Свободень?..

У Розенкампа духъ занялся, и сотни мыслей вдругъ промелькнули въ его головѣ: свобода, беспомощность, неимѣнье угла, новая жизнь — все это смѣшалось въ какой-то хаосъ.

— Я узналъ сначала, — продолжалъ Носовичъ:— что за васъ заплачены деньги въ школу за два слѣдующіе года. Потомъ поѣхалъ къ вашей благодѣтельница и объяснился съ нею. Объясненіе было горячо, не весело... Она высказалась вполнѣ. Мнѣ удалось уговорить ее оставить васъ въ покоѣ. Она согласна, даже рада этому...

Лицо слушателя передернулось отъ чувства ненависти, пробудившагося отъ этихъ словъ; Носовичъ это замѣтилъ.

— Не вините ее за нелюбовь къ вамъ, — продолжалъ онъ. — Васъ подкинули ей на другой день свадьбы; она обрадовалась вамъ, какъ игрушкѣ, оставила васъ у себя; потомъ до нея дошли слухи, что вы сынъ ея мужа. Они разбили въ прахъ ея самыя святыя упованія, вѣру въ мужа, въ искренность его клятвъ. Въ ней пробудилась ненависть къ ва-

МЪ...

— Развѣ я виновать? — строптиво пере-
рвалъ Розенкампфъ.

— Не виноваты, но иначе не могло быть, она не нашего закала женщина. Ей это служить оправданіемъ. Она была несчастна не менѣ васъ. Но не будемъ толковать о прошломъ: передъ вами будущность, и надо подумать о ней. На ваше имя положены двѣ тысячи въ опекунскій совѣтъ. По выходѣ изъ школы вы не будете нищимъ. До тѣхъ же поръ по праздникамъ вы будете ходить ко мнѣ, или, если, какъ вы говорили, васъ будутъ брать Рудые, то къ нимъ. Это одной то же. На вашу одежду у меня найдутся деньги, о ней нечего заботиться.

— Благодарю васъ, Николай Павлычъ, — отвѣчалъ Розенкампфъ, пожимая руку Носовича. — Но только одежда отъ васъ... Не лучше ли изъ тѣхъ двухъ тысячъ?..

— Нѣтъ, батюшка, ужъ это вовсе не лучше. Во-первыхъ, ихъ по завѣщанію нельзя тратить до вашего выхода изъ школы, а во-вторыхъ, онѣ пригодятся и въ будущемъ. Я понимаю, что васъ стѣсняетъ то, будто я буду ва-

шимъ благодѣтелемъ. Нѣтъ-съ, ужь это зачѣмъ же? Я благодѣтельствовать такому здоровому парню не намѣренъ. Вы можете записывать мои расходы на васъ и потомъ постепенно выплачивать мнѣ долгъ, когда поступите на службу. Если я умру, не доживъ до этого, времени, то вы будете должны не мнѣ, а какому-нибудь молодому человѣку, котораго вы будете знать за истиннаго бѣдняка, и поможете ему отъ моего имени. Тутъ будутъ разомъ сдѣланы два честныя дѣла: вы уплатите деньги, взятыя безъ всякаго письменнаго документа, и поможете собрату, не заставляя его благодарить васъ. Будьте увѣрены, что я не дамъ вамъ милостыни: я слишкомъ много ожидаю отъ вашей будущности и уважаю васъ... Ну, разумѣется, и не насчитаю я на васъ слишкомъ много лишнихъ денегъ, будьте насчетъ этого безъ сумлѣнія, — уже шутя добавилъ Носовичъ.

Розенкампфъ не могъ его благодарить: онъ всегда стыдился слезъ, называя ихъ бабьими причудами и телячьими нѣжностями, а теперь, если бы онъ заговорилъ, то расплакался бы непременно. Носовичъ заглянулъ ему въ

лицо и молча крѣпко пожалъ его руку.

— Теперь мы друзья? — спросилъ онъ.

— Да, да, Николай Павлычъ, я весь вашъ, весь вашъ! — прошепталъ дрожащимъ голосомъ Розенкампфъ и поспѣшно убѣжалъ отъ новаго друга.

Гдѣ-то въ углу школы въ этотъ вечеръ рыдалъ и молился Розенкампфъ...

Розенкампфъ провелъ праздники у меня. Почти каждый вечеръ приходилъ къ намъ Калининъ, иногда заѣзжалъ и Воротницынъ. Однажды мы предавались разнымъ школьнымъ воспоминаніямъ, толковали о томъ, какъ трудно было каждому изъ насъ начало ученья, и договорились до того, что у всѣхъ явилась мысль облегчить ученіе маленькимъ школьникамъ. Для исполненія этой мысли намъ стоило только рѣшиться посвятить нѣсколько свободныхъ часовъ для занятій съ дѣтьми. Разумѣется, мы поспѣшили объявить о своемъ планѣ Носовичу. Онъ очень обрадовался.

— Молодцы! Принимайтесь за дѣло, довольно вамъ баклуши-то бить, — сказалъ онъ съ обычною шутливостью. — Вы будете въ

большомъ выигрышѣ. Вамъ полезно заняться началами наукъ; поди-ка, вы половину пере-забыли, не умѣете два на два помножить, такъ теперь повторите, а между тѣмъ приучите себя къ учительской дѣятельности. Я за васъ буду хлопотать передъ директоромъ; онъ, вѣроятно, позволитъ привести въ исполненіе вашъ планъ.

Послѣ праздниковъ позволеніе Сарториуса было получено. Носовичъ при этомъ употребилъ хитрость и увѣрилъ директора, что мы, зная его любовь къ воспитанникамъ, хотимъ помочь ему и учителямъ въ заботахъ о дѣтяхъ; пощекотавъ, такимъ образомъ, директорское самолюбіе, хитрецъ успѣлъ обдѣлать дѣло, не дожидаясь созванія школьнаго совѣта. Мы сами, а не учителя, объявили въ младшихъ классахъ о своемъ предпріятіи. Кромѣ насъ четверыхъ, за дѣло взялись еще шесть нашихъ одноклассниковъ. Каждый избралъ отдѣльный предметъ и назначилъ часы для занятій съ маленькими учениками. Сначала желающихъ приготовить уроки подъ нашимъ руководствомъ явилось немного, но съ каждымъ днемъ товарищи этихъ

немногихъ видѣли, что тѣ знаютъ уроки лучше ихъ и получаютъ меньшее число щелчковъ и нулей, и число нашихъ воспитанниковъ все прибывало. Съ наступленіемъ годовыхъ экзаменовъ намъ уже пришлось заниматься съ двумя младшими классами въ полномъ составѣ.

Между тѣмъ, посвящая чтенію постороннихъ руководствъ три часа въ недѣлю, мы сами знали свои уроки основательнѣе, чѣмъ та малая часть нашего класса, которая стала особнякомъ отъ насъ. Во главѣ ея стоялъ сынъ Рейтмана, забитое, замученное подъ палкой родителя созданіе. Онъ наслѣдовалъ отъ отца всѣ взгляды; такъ же, какъ тотъ, проповѣдывалъ Resignation и ябедничалъ тайкомъ даже на школьныхъ служителей. Мы звали его похудѣвшимъ господиномъ Рейтманомъ. Знаніе уроковъ и любовь къ намъ мелкаго народа возбуждали негодованіе противниковъ. Всѣ средства къ примиренію были тщетны. Соединиться съ нами они не хотѣли и при первомъ удобномъ случаѣ жаловались учителямъ, что имъ трудно учиться, что Носовичъ снабжаетъ насъ учебными

книгами, а имъ не даетъ этихъ книгъ; Мы объяснили учителямъ, что Носовичъ не даетъ книгъ никому отдѣльно, но всѣмъ вообще для чтенія ихъ вслухъ. Учителя раздѣлились тоже на двѣ партіи. Благоразумные вполнѣ оправдывали насъ; другіе же, изъ числа тюремщиковъ, подъ предводительствомъ Рейтмана-отца, говорили, что Носовичъ внесъ духъ раздора въ мирныя стѣны школы, что онъ сдѣлалъ изъ насъ непокорныхъ и самонадѣянныхъ мальчишекъ, что мы только изъ тщеславія учимъ маленькихъ дѣтей и учимся сами. Эти господа злились на насъ за то, что ученики, имѣя возможность хорошо готовить заданное, переставали, мало-по-малу, трепетать передъ ними и отвѣчали уроки болѣе спокойно и твердо, чѣмъ прежде. Рейтманы, Саломірскіе, Гро теряли случай драться, ругаться и дѣлать презрительныя гримасы, инспектору приходилось рѣже заглядывать дѣтямъ подъ штанишки. Оплеухи, брань, розги — эти атрибуты учительской власти приходили въ упадокъ. Хотѣли наши враги напакостить намъ на годовыхъ экзаменахъ. Собрались экзаменовать

съ особенною торжественностью: кромѣ директора и обычнаго учителя, на испытаніе приходилъ еще учитель изъ партіи раздраженныхъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что надо узнать, не мѣшаютъ ли намъ наши постороннія занятія исполнять свои обязанности, не понизился ли уровень нашего прилежанія. Если понизился, то слѣдуетъ уничтожить незаконно-разрѣшенное нововведеніе, какъ вредное дѣло. Но руководствуясь правиломъ Носовича: будьте хитры, какъ змѣи, и кротки, какъ голуби, — мы усердно приготовлялись къ экзаменамъ, желая честно выиграть свое дѣло, и выдержали искусь на славу: изъ десяти учениковъ плохо экзаменовался только одинъ. Противники повѣсили носы. Директоръ былъ страшно раздраженъ противъ нихъ. Онъ согласился, какъ я уже сказалъ, не спросясь школьнаго совѣта, и всѣми силами отстаивалъ дѣло, приписывая первую мысль его себѣ. Конечно, истина не была тайною ни для кого, но онъ все-таки ходилъ, какъ павлинъ съ распущеннымъ хвостомъ и вытянутою шеей. Присутствіе лишняго учителя на испытаніи было личны-

мъ оскорбленіемъ для него, и онъ ликоваль при видѣ вашихъ успѣховъ.

— Что, каково экзаменуются? — спрашиваль онъ на одномъ экзаменѣ почти вслухъ у Рейтмана.

— Каждый обязанъ исполнять свой долгъ, — отвѣчалъ душеспасительною истиною Рейтманъ.

— Обязанъ! Обязанъ! — загорчился директоръ. — Они дѣлають два дѣла и оба исполняютъ отлично. Другіе и одно исполняютъ плохо. Нѣкоторые ученики, напримѣръ, не занимаются въ меньшихъ классахъ, а очень плохо исполнили свои обязанности въ греческомъ экзаменѣ.

— Если вы, господинъ директоръ, говорите про моего сына, — зашипѣль Рейтманъ:— то я съ нимъ рассчитаюсь за греческій экзаменъ; но заниматься въ меньшихъ классахъ не позволю: онъ скромное и богобоязливое дитя и не долженъ для тщеславія ломаться. Многіе говорятъ о своей любви къ дѣтямъ, чтобы блеснуть передъ толпою; лицемѣріе есть великій грѣхъ передъ Господомъ.

Директоръ, задѣтый тупою шпилькою,

сдѣлалъ презрительную гримасу и обратился къ намъ.

— Я вамъ очень, очень благодаренъ. Вы прекрасно исполнили мою мысль, это дѣлаетъ вамъ честь.

Комедія была очень веселенькая. Въ день публичнаго экзамена Сарторіусъ пригласилъ насъ къ себѣ на чай. Тамъ было нѣсколько учителей, постороннихъ людей и десятка два дѣвицъ. Послѣ чая устроился импровизированный балъ. Таперь преусердно отбивалъ свои руки о фортепьяно, хозяинъ, и гости были въ духъ и плясали до упаду. Наконецъ, Сарторіусъ затѣялъ безконечную мазурку и отличался въ первой парѣ съ директрисой женскаго отдѣленія училища.

— Пошли вы, господа, въ ходъ, — шепнулъ намъ Носоввчъ. — Гуляйте, побѣдители: что-то послѣ будетъ!

Много во всемъ этомъ было комическаго; каждое слово, каждая фраза вызывала невольную улыбку, и никогда не чувствовали мы такого прилива веселости и смѣшливости, какъ въ эти дни перваго акта школьной комедіи.

А, можетъ-быть, въ то же время, когда мы плясали на балу, въ томъ же самомъ зданіи, разсчитывался Рейтманъ-рёге со своимъ сыномъ за греческій экзаменъ. Жаль мнѣ этого мальчика и тѣхъ дѣтей, которыхъ онъ учитъ теперь. Вѣдь онъ тоже учителемъ сдѣлался, и такъ же толстъ, и такъ же за уши умѣетъ драть, какъ его отецъ... Наслѣдственные палачи!

VI

Старые знакомые

Я отдался всецѣло школь, которая сдѣлалась мнѣ дорога, и проводилъ дома очень мало времени. Молодые личности моихъ друзей, притокъ новыхъ мыслей, полныя надежды на будущее, разговоры, исполненіе разъ возложенныхъ на себя обязанностей, все тянуло меня въ нашъ тѣсный кружокъ. Отецъ и мать были этимъ довольны. Они успѣли хорошо разглядѣть моихъ товарищей, знали, что дѣлалось и говорилось въ нашемъ обществѣ, и чувствовали, что я становлюсь порядочнымъ человѣкомъ и приготавлиюсь къ

жизненной дѣятельности. И они, и я были настолько честны, что не насиловали другъ друга. Они не заставляли меня сидѣть дома, высиживать праздную скуку и забавлять ихъ своей болтовней; я часто отлучался изъ дома, не опасаясь пошлыхъ подозрѣній со стороны родителей въ холодности къ нимъ или въ чемъ-нибудь еще болѣе худшемъ. Но мы, если это было возможно, стали еще дороже другъ для друга; рѣдкія минуты, проводимыя мною въ семейномъ кругу, были чрезвычайно оживлены. Отецъ и мать интересовались всѣми подробностями нашей школьной жизни, и я откровенно рассказывалъ обо всемъ. Мои надежды на будущее оживляли стариковъ.

— Поживемъ мы еще, — говаривалъ отецъ: — славно поживемъ на старости лѣтъ.

— Мнѣ, отецъ, и теперь славно живется на свѣтѣ, — замѣчалъ я, и точно, мнѣ хорошо жилось. Я чувствовалъ, что я не лишній на свѣтѣ, и начиналъ въ этомъ сознаніи признавать величайшее человѣческое счастье.

Въ маѣ, когда у насъ оканчивались годовые экзамены, мы получили письмо отъ ба-

бушки; она писала, что внукъ генеральши Звъревой выходитъ изъ корпуса, и потому объ старушки прїѣдутъ въ Петербургъ. Мы обрадовались. Намъ хотѣлось взглянуть на нашу старушку, съ которой мы не видались полтора года и только изрѣдка переписывались, и знали изъ ея писемъ о плохомъ состояніи ея здоровья. Въ день прїѣзда бабушки я и матушка поспѣшили въ домъ Звъревой, гдѣ должна была остановиться бабушка. Старушка была тронута до слезъ, расцѣловалась съ нами, сильно суетилась, то усаживая насъ, то подзывая къ себѣ, чтобы еще разъ поцѣловать меня или матушку. Она не то, чтобы состарилась во время разлуки, но опустила и обрюзгла. Ея черные глаза стали какими-то сѣроватыми и тусклыми и плохо видѣли: разсматривая меня, она прибѣгала къ очкамъ. Толщина носила признаки водяной,

— Боже мой, какъ ты выросъ! совсѣмъ другое лицо у тебя сдѣлалось! — говорила она мнѣ, лаская и цѣлуя меня. — Теперь оканчивай поскорѣй ученье и начинай служить, покуда жива Звърева. Ей знакомы всѣ важныя лица въ Петербургъ.

— На службу еще рано, бабушка, — опрометчиво отвѣчалъ я.

— Какъ? ты не хочешь служить? Ахъ, Саша, Саша! — проговорила она, качая сѣдою головой. — Чѣмъ раньше, тѣмъ лучше; люди не вѣчны, и я въ гробъ смотрю. Кто безъ меня похлопочетъ о тебѣ? И дядя твой былъ такимъ же хорошенькимъ и умненькимъ мальчишкой, какъ ты; но не хотѣлъ служить, идей вредныхъ набрался, вольтерьянцомъ сдѣлался, все отвергать сталъ — и что же изъ него вышло?

Я улыбнулся, услышавъ о томъ, что дядя все отвергать сталъ, и раскаялся въ своей необдуманности и опрометчивости; теперь приходилось объясниться поневолѣ и толочь воду въ ступѣ.

— Я буду, бабушка, служить, но теперь еще рано; поучиться надо.

— Учиться! А годы-то уходятъ, да улетають; гляди: въ твои лѣта, дружокъ, сыновья и внуки Звѣревой уже офицеры и камеръ-юнкеры, а ты все еще школьникъ. Къ школьнику никто никакой аттенціи не можетъ имѣть.

— Мнѣ, бабушка, ни офицеромъ, ни ка-

меръ-юнкеромъ не быть.

— Чѣмъ же ты думаешь быть?

— Учителемъ буду.

— Учителемъ! Господи! Что съ тобой безъ меня сдѣлали? Учителемъ! Да вѣдь учителя бурсаки, неужели же и ты этимъ хочешь быть? Вѣдь это значить не имѣть никакого самолюбія!

— Бурсакомъ и поповичемъ не буду, потому что не могу; а титулярнымъ совѣтникомъ, можетъ-быть, сдѣлаюсь, — смѣясь отвѣчалъ я, хотя мнѣ и было какъ-то неловко отъ этого разговора.

— Ахъ, Саша, Саша!

Бабушка опять закачала съдой головой.

Мнѣ было жаль старушку. Въ годы дѣтства я находилъ какой-то человѣческой смыслъ въ ея рѣчахъ; теперь же онѣ казались мнѣ страшною бессмыслицей. Подъ вліяніемъ дѣдовскихъ правилъ, она говорила: гнись, ползи и доползешь до виднаго мѣста, и въ то же время взывала къ человѣческому самолюбію, заставляла гнуться и ползать во имя его. Она говорила это, хотя сама бѣжала отъ тѣхъ же дѣдовскихъ правилъ изъ бар-

скихъ хоромъ.

Отъ нея мы узнали о существованіи дяди; онъ тоже пріѣхаль въ Петербургъ, собирався жениться и назначилъ бабушкѣ первое свиданіе у насъ, не желая встрѣтиться съ нею въ домъ Звѣревой, гдѣ бабушка служила, по его выраженію. Свиданіе было назначено на другой день. Бабушка пріѣхала къ намъ къ обѣду. Около двухъ часовъ, когда было накрыто на столъ, къ нашему дому подкатилъ экипажъ. Я побѣжать къ окну. У подъѣзда стояла щегольская коляска и изъ нея выпрыгнулъ, какъ пятнадцатилѣтній мальчикъ, дядя, у котораго темнорусые волосы почему-то превратились въ черные. Онъ подалъ руку дамѣ, сидѣвшей въ коляскѣ. Хромая, немного кривобокая, она повисла на его рукѣ и, едва переставляя хромыя ноги, заковыляла за нимъ.

— Это что за лягушка-царевна? — воскликнула бабушка.

Я расхохотался; отецъ пожалъ плечами.

— Не стыдно ли такъ называть совсѣмъ незнакомую женщину? — съ неудовольствіемъ замѣтила добродушная матушка и вспомнила, что на столъ уже накры-

то, а объѣдъ приготоуленъ не слишкомъ роскошный.

Она успѣшила послать кухарку за пирожнымъ и уже была не въ духѣ: ее смутилъ прїѣздъ барыни-обладательницы роскошнаго экипажа.

— Матушка, — драматическимъ голосомъ воскликнулъ дядя и, рисуясь, подбѣжалъ къ бабушкѣ, таща подъ руку свою спутницу, одѣтую въ свѣтлое шелковое платье съ вырѣзнымъ лифомъ. У нея съ одного плеча свалилась шаль, и мы могли разглядѣть довольно желтую шею и тощую грудь, едва прикрытыя тюлемъ. — Рекомендую вамъ мою невѣсту, — произнесъ дядя и, кажется, хотѣлъ объявить ея имя, но его остановило невольное восклицаніе бабушки:

— А, Настенька? — вырвалось у нея.

Это восклицаніе смутило всѣхъ. Спутница дяди оправилась первая; она бросилась къ бабушкѣ, схватила ея руку, поднесла ея къ своимъ тонкимъ, сладко улыбающимся губамъ и заговорила какимъ-то дѣланнымъ, дѣтскимъ голосомъ:

— Маман! Маман! какъ я рада васъ

видѣть, какъ долго я ждала этой встрѣчи, какъ я хотѣла познакомиться съ вами, маман! Вы мнѣ позвольте называть васъ съ сегоднешняго дня этимъ именемъ; я такъ давно никого не называла этимъ сладкимъ названьемъ! — лепетала она и немного закатила глазки.

— Называйте! называйте, если вамъ угодно! — пробормотала бабушка и тяжело опустилась на кресло.

Молодая особа подбѣжала къ матушкѣ; дядя говорилъ съ отцомъ. Я стоялъ подлѣ бабушки.

— На содержаніи! Господи, онъ на содержаніи! — тихо шептала старуха, покачивая головой, какъ бы въ забытіи.

Я слышалъ эти слова, понималъ всю ихъ горечь, и у меня сжалось сердце за старуху, добрую, честную, хотя и испорченную воздухомъ гнилого болота. Она вполнѣ понимала позоръ сына. И точно, что же можетъ быть гаже, постыднѣе мужчины, живущаго на счетъ женщины? А между тѣмъ, тысячи подобныхъ господъ толкаются по городамъ Европы и нашей Россіи, одѣтые въ щегольскія военныя и

статскія платья, разъѣзжаютъ въ блестящихъ экипажахъ и трутся въ великосвѣтскихъ обществахъ, хотя не получили ни наслѣдства, ни клада, и вступили въ жизнь съ однимъ пригляднымъ личикомъ, да болтливымъ язычкомъ. Всѣ это знаютъ и жмутъ, не краснѣя, ихъ грязныя руки, потому что въ этихъ рукахъ блещетъ золото. Ихъ считаютъ выгодными женихами, и не одна матушка, которая топчетъ въ грязь падшихъ женщинъ, своихъ сестеръ, не задумается отдать свою дочь за одного изъ этихъ гнилыхъ господъ. Они, изволите ли видѣть, шалють, предаются увлеченіямъ молодости!..

Мой дядя вступилъ на этотъ торный путь безъ всякаго сознанія и попрежнему оставался младенчески-спокоенъ, безгрѣшенъ по наружности. Меня всегда удивляла эта особенная черта въ его личности. Рѣчь его дышала честностью, и уже роились въ его головѣ новыя планы полезной дѣятельности; онъ замышлялъ какое-то гуманное предпріятіе, говорилъ, что нужно облегчить жизнь рабочаго класса, толковалъ о причинахъ послѣдней французской революціи, поклонялся, по-ста-

рому, запрещеннымъ книгамъ. Онъ былъ юнѣе и энергичнѣе на словахъ, чѣмъ когда-либо прежде, и совершенно искренностью звучали его слова:

— Наконецъ-то, люди начинаютъ вспоминать о народѣ! Я видѣлъ близко его въ эти полтора года, полюбилъ его отъ всей души. Несчастныя женщины, что онѣ тамъ терпятъ отъ тяжелаго труда! Если достанетъ силъ, то сдѣлаю что-нибудь для этихъ людей.

Для нашего семейства въ этихъ словахъ звучала какая-то скверная нотка. Мнѣ съ каждою минутою дѣлался все болѣе и болѣе отвратительнымъ этотъ человекъ.

— Баклушникъ! — говорилъ со злостью отецъ по уходѣ дяди. — И съ чего онъ вдругъ накинулся на народъ съ своею любовью?

— Теперь всѣ въ Европѣ толкуютъ о рабочемъ классѣ,- замѣтилъ я. (Это было мнѣ извѣстно отъ Носовича).

— А-а! а я думалъ, что источникъ его болтовни еще гаже; онъ что-то женщинъ очень жалѣлъ.

Отецъ махнулъ рукою.

Но я не могу продолжать рассказъ, не по-

знакомивъ читателя съ невѣстою дяди; это будетъ послѣдняя новая личность въ моей исторіи. Читатель, быть-можетъ, и улыбнется: онъ вообще любитъ смѣяться надъ другими, только бы не трогали его самого.

VII

Моя будущая тетушка

«Молчаніе, великій міръ молчанія!» — восклицаетъ одинъ англійскій писатель. Я совершенно согласенъ съ нимъ, что молчаніе имѣетъ иногда великое значеніе. Напримѣръ, какъ много смысла въ молчаніи чловѣка, распекаемаго начальникомъ и ни съ того, ни съ сего пощипывающаго боковые швы своихъ панталонъ. Или взгляните на крестьянина, увидавшаго, что у него пала послѣдняя кляча-работница; онъ сталь надъ нею и молчитъ, но развѣ въ этомъ молчаніи не больше горькаго смысла, чѣмъ въ оханьяхъ и вздохахъ чувствительной барыни надъ французскимъ романомъ? А упорное молчаніе, внезапно наступившее въ кружкѣ знакомыхъ людей, послѣ сказанной къ-ни-

будь поразительной глупости — развѣ оно не краснорѣчиво?.. Но, къ сожалѣнію, я не умѣю описывать это явленіе. Если бы я былъ способенъ на такое описаніе, то читателю пришлось бы прочесть цѣлую главу о томъ, какъ въ продолженіе цѣлаго обѣда почти все наше общество молчало, изрѣдка перебрасываясь обѣденными фразами: «не угодно ли вамъ жаркого? не возьмете ли вы соуса? благодарю васъ!» и такъ далѣе. Пріѣздъ моей будущей тетушки смутилъ всѣхъ. По странному стеченію обстоятельствъ, особа, сдѣлавшаяся причиной молчанія, была однимъ изъ самыхъ говорливыхъ существъ въ мірѣ. Я воспользуюсь удобнымъ случаемъ и, покуда всѣ безмолвствуютъ, расскажу ея исторію.

Дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, внучка богатаго, но не благороднаго винокура, Катерина Тимоѳеевна Зернина пробыла три года въ Смольномъ монастырѣ и, послѣ смерти родителей, попала въ домъ дѣда, окончившаго свои дѣла и скучавшаго отъ бездѣлья посреди неуклюже-роскошныхъ хоромъ и кованыхъ сундуковъ, составлявшихъ мебель его опочивальни. Дѣвочка была

слабая, хромая и кривоногая, но не дурная лицомъ и смышленная. У дѣда она заняла среднее мѣсто между презираемымъ шутомъ и любимицей-внучкой. Она тѣшила старика, выжившаго изъ ума, и своимъ убожествомъ, и своимъ кокетствомъ, столь свойственнымъ уродамъ. Онъ заставлялъ ее бѣгать за платками, поднимать изъ-подъ стульевъ какія-нибудь ненужныя бумажки, чтобы видѣть, какъ она зацѣпится за коверъ или за стулъ и свалится на полъ. Отвратительныя сцены отупѣвшаго самодурства смѣнялись сценами другого рода, не менѣе отвратительными и пошлыми. Дѣдъ часто бывалъ боленъ, и никто не могъ угодить ему такъ, какъ угождала внучка.

— Сокровище ты мое! на-а-слѣдница ты моя! — нараспѣвъ говаривалъ въ эти дни старикъ. — Рученьки твои, ру-у-ченьки дай мнѣ поцѣловать, — шамшилъ онъ.

Дѣвочка протягивала свои руки, онъ чмокалъ ихъ, вытягивая ввалившіяся въ ротъ губы.

— Но-о-женьки, но-о-женьки твои хочу я расцѣловать, — метался и дурилъ онъ снова.

— Полноте, дѣденька! — отвѣчала внучка.

— Стань сюда, на постель, ко мнѣ стань, — капризничаль старикъ и, если внучка не соглашалась, то онъ сползаль съ кровати и ловиль ея ноги.

Когда цѣлованіе оканчивалось, то приходилось звать прислугу и на рукахъ укладывать старика на постель.

Дѣвочка знала свою бѣдность и рано запаслась гнусно-практическою смышленостью рабовъ, лицемѣріемъ, хитростью и всевыносящею покорностью. Уже на семнадцатомъ году своей жизни она прибрала дѣда къ рукамъ. Больной подагрою, полоумный, онъ дѣлался игрушкою внучки, стональ, забытый въ своей опочивальнѣ, и умеръ, оставивъ всѣ свои сокровища единственной наслѣдницѣ. По смерти дѣда она ловила на золотую удочку мелкую рыбицу, праздношатающихся искателей дешеваго счастья. Времени въ уженьи прошло довольно много, мелкая рыбица клевала вкусныхъ червячковъ, но на крючокъ не попадала; наконецъ, попался дядя. Онъ обворожилъ Катерину Тимоѳеевну своими рѣчами и красивой наружностью, все еще мо-

ложавою, юношескою. Она забыла на время свою скупость и вполне повѣрила его обѣщанію жениться на ней по прїѣздѣ бабушки, давала ему до свадьбы деньги, лошадей и квартиру, чего не могли добиться отъ нея ея прежніе поклонники. Но всему бываетъ конецъ: бабушка прїѣхала, — и вотъ дядя и его невѣста съли вмѣстѣ съ нами обѣдать.

Обѣдъ кончился. Разговоръ началъ завязываться; матушка приходила понемногу въ себя.

— Братъ такъ разсѣянъ, — сказала она: — что даже по сказалъ, какъ васъ зовутъ.

— Като, *ma belle-soeur*.

— Имя ваше? — спросила матушка въ недоумѣніи.

— Като, Като. Такъ звали меня въ монастырь.

— Но ваше полное имя?

— Катерина Тимоѣевна Зернина. Только вы меня, пожалуйста, зовите Като; это такъ напоминаетъ мнѣ нашъ милый монастырь! Меня тамъ Зернышкомъ звали тоже.

Матушка едва удержалась отъ смѣха, услышавъ, что Като и Зернышкомъ звали тоже.

— А гдѣ вы изволили воспитываться? — невѣжливо спросила бабушка.

— Въ Смольномъ монастырѣ.

— Долго изволили тамъ пробывать'

— Три года.

— Только-то! И уже успѣли его полюбить?

— Развѣ можно не полюбить его? — удивилась Като. — Тамъ у меня были такія души-подруги: Аннетъ Дурова, Зизи Михалеви-чъ, Киса...

— Да вы, я думаю, успѣли позабыть ихъ, вѣдь это такъ давно было, — брякнула бабушка, потерявшая все хладнокровіе и чувство приличія.

Ее грызла мысль, что съ нею говоритъ любовница-покровительница ея сына.

Матушка поспѣшила отдавить ногу бабушкѣ и перемѣнила разговоръ. Такъ прошло время до семи часовъ вечера. Матушка завязывала разговоры, бабушка дѣлала злыя и ничуть не тонкія замѣчанія; но Като неизмѣнно сохраняла дѣтски-восторженный тонъ и ни разу не показала, что ее больно колютъ булавки бабушкиныхъ выходокъ. Трудно было рѣшить, проявлялась ли въ этомъ умѣньи вы-

держивать принятую роль хитрость тонкаго ума, или это. умънье было слѣдствіемъ глупости, но какъ только рѣчь коснулась житейскихъ дѣлъ, то Като сдѣлалась чрезвычайно умна и показала, что въ ея головѣ есть довольно здраваго смысла. И точно, только любовь къ дядѣ была съ ея стороны глупымъ и опрометчивымъ поступкомъ, и та же любовь заставляла Катерину Тимоѳеевну играть роль наивной институтки, чтобы казаться не такъ старою: она теперь дѣлала изъ себя Като для Пьера, какъ дѣлала это прежде для Грегуаровъ, Симоновъ и Базилей. Въ семь часовъ дядя и Като уѣхали куда-то на вечеръ. Бабушка осталась у насъ ночевать.

— Лягушка-царевна! — говорила она. — Не будь она лягушкой-царевной, чѣмъ бы сй было приворожить Пьера? Глупа, стара, гадка. — тьфу, какая мерзость!

— Она не глупа, — замѣтила матушка.

— Ну, такъ дѣлаетъ изъ себя дуру.

— Это можетъ быть.

— Не дѣлай, Саша, никогда такихъ, глупостей, какъ твой дядя, — сказала мнѣ бабушка: — не женись на уродѣ.

Отецъ, матушка и я не могли удержаться отъ смѣха при этомъ замѣчаніи бабушки и успокоили ее, увѣряя, что такой глупости не сдѣлаю. Мы и улыбались, и смѣялись въ этотъ вечеръ, а въ душѣ у каждаго члена нашей семьи было какое-то нехорошее, чувство, какъ-будто предчувствіе будущихъ тревогъ и непріятностей.

Матушка, изъ вѣжливости, отдала первый визитъ Катеринѣ Тимоѳеевнѣ и, по совѣту отца, рѣшилась не ѣздить къ ней до тѣхъ поръ, покуда не будетъ назначенъ день свадьбы. И отецъ, и мать всегда считали дядю пустымъ болтуномъ, теперъ же онъ сдѣлался въ ихъ глазахъ подлецомъ, безсознательнымъ или сознательнымъ — это было для нихъ все равно. Они не принадлежали къ тѣмъ высокоумнымъ мудрецамъ, которые отыскиваютъ всевозможныя заѣдающія обстоятельства, сдѣлавшія человѣка подлымъ, и оправдываютъ тѣмъ свои сношенія съ нимъ. Они были слишкомъ искренно честны, чтобы во имя отвлеченныхъ разсужденій или семейныхъ связей глядѣть сквозь пальцы на этотъ жалкій развратъ. Бабушка тоже чувствовала всю

гнуность поведенія дяди, но покуда молчала и ждала, когда онъ женитьбой загладитъ свой поступокъ. Пришло лѣто. Моя семья не могла ѣхать на дачу, у матери и отца было набрано много работы. Они дали мнѣ нѣсколько рублей, и я съ Розенкампомъ, жившимъ почти постоянно у насъ, и съ Калининымъ шлялся по окрестностямъ Петербурга. Иногда мы заходили далеко, за третье Парголово, ночевали по три и по четыре noci въ какой-нибудь избѣ, и пользовались вполне своею свободой. Чтеніе книгъ у насъ смѣнялось ловлею бабочекъ, составленіемъ гербаріевъ; если мы отправлялись удить рыбу, то къ нашему обществу присоединялся и отецъ; мнѣ было тяжело встрѣчать дядю и слушать его гуманныя рѣчи; моему еще слишкомъ горячему и увлекающемуся уму онъ казались профанаціей честныхъ идей. Послѣ разговоровъ съ нимъ, я съ грустью читалъ книги, заключавшія тѣ же идеи, и думалось мнѣ: «Неужели и авторы этихъ книгъ то же, что дядя?» Во мнѣ зарождалась недоувѣрчивость къ людямъ, чувство мимолетное, исчезнувшее при изученіи исторіи челоувѣческихъ обществъ, но трево-

жившее меня въ ту пору. Впрочемъ, дядя не очень часто посѣщаль насъ и начиналь дуться. Онъ прїѣзжалъ къ бабушкѣ гораздо чаще, совершенно покойно и безопасно хвасталь своими лошадьми, рассказываль о своихъ удовольствіяхъ.

— Только теперь я начинаю жить, — говорилъ онъ:— теперь я попалъ въ свой кругъ.

Онъ восторженно отзывался о тѣхъ людяхъ, которые сошлись съ нимъ. Люди эти точно слыли въ то время за передовыхъ, за хорошихъ людей. О женитьбѣ не было и помину. Прошло и лѣто. У меня начались школьныя занятія, пришлось постоянно быть въ Петербургѣ и посѣщать бабушку, чего лѣтомъ я не дѣлаль. Однажды я встрѣтился у нея съ дядею. Онъ совершенно перемянчился въ обращеніи со мною и обошелся, какъ съ мальчишкой.

— Ну, что ты подѣльываешь, гусь лапчатый? — привѣтствовалъ онъ меня, трепля по плечу. — Букашекъ, да козявокъ собираешь? Что ты не заходишь къ намъ?

— Некогда, — отвѣчалъ я.

— Твоимъ отцу и матери, должно-быть, то-

же некогда, государственными дѣлами заняты, философскій камень отыскиваютъ! Они и не думаютъ заглянуть къ намъ?

— Я не вмѣшиваюсь въ чужія дѣла и не могу отвѣчать за другихъ.

— Не худо бы вмѣшаться и посовѣтовать имъ быть повѣжливей.

— Это можешь сдѣлать ты самъ, если считаешь нужнымъ; ты же такой краснорѣчивый.

Дядя сощурилъ глаза и пристально-посмотрѣлъ на меня.

— Смотри, поросенокъ! — не то угрожающимъ, не то шутливымъ голосомъ сказалъ онъ и погрозилъ мнѣ пальцемъ.

— Это у Катерины Тимоѳеевны въ гостиной такъ выражаются? — спросилъ я съ усмѣшкою.

— Что-о?! — грозно промолвилъ онъ, точно хотѣлъ сказать: полѣзай въ ротъ, я тебя съѣмъ. — Тебя не съкли?

— Вѣдь не всѣхъ же въ нашемъ семействѣ съкутъ въ этомъ возрастѣ, — отвѣчалъ я, стараясь не горячиться.

— Вотъ-съ какъ! — промычалъ дядя, заку-

сивъ губу

Послѣ этого разговора я пересталъ ходить къ бабушкѣ, чувствуя, что не всегда можно ручаться за свое хладнокровіе при встрѣчѣ съ милымъ родственникомъ. То же сдѣлали отецъ и мать. Бабушка ѣздила къ намъ, звала насъ къ себѣ и, наконецъ, поняла смыслъ нашихъ поступковъ. Ее начиналъ беспокоить этотъ семейный разладъ; она видѣла, какъ и почему начинаютъ разрываться послѣднія нити, связывавшія ее съ дорогими для нея людьми, съ единственными любимыми существами во всемъ мірѣ. Видѣла, кто виновникъ разлада, и начала тосковать и волноваться. Страшно кололи старушку вопросы Звѣревой, скоро ли женится ея сынъ. Бабушка приготовлялась къ рѣшительному поступку, задумывала перерубить разомъ ненавистный узелъ, который развязать не было никакой возможности.

VIII

Женитьба дяди

Ноябрь мѣсяць. Воскресенье. Бабушка въ волненіи ходитъ по комнатѣ и поджидаетъ дядю. Она написала къ нему письмо, приглашая его посѣтить ее. Невеселыя мысли бродятъ въ ея старой головѣ; вспоминаются неисправимыя ошибки, грызетъ бесполезное раскаянье, мелькаютъ передъ глазами важныя лица отжившихъ вельможъ и барынь; они безмятежно-покойны, потому что эти люди не бѣжали изъ своей среды; хотѣлось бы старушкѣ жить съ начала, поступать иначе... Не думай, моя бѣдная старушка! Невозвратимо прошлое, да если бы оно и возвратилось, то ты дѣйствовала бы попрежнему, потому что иначе дѣйствовать могутъ только другіе люди. Ты даже и придумать не можешь, какъ вы должны быть лучшія дѣйствія... Но вотъ раздается стукъ подкатившаго экипажа. Старушка вздрогнула и сѣла. Въ комнату вошелъ дядя.

— Пьеръ!

— Здравствуйте, татап. Я думалъ, что вы больны, когда получилъ письмо. Оно встревожило и Като, она напрашивалась ѣхать со мною.

— Хорошо сдѣлалъ, что не взялъ ее; мнѣ надо говорить съ однимъ тобою.

— О чемъ? Развѣ у васъ могутъ быть дѣла? — спросилъ, улыбаясь, дядя и сталъ усаживаться въ кресло, выбирая удобное положеніе.

У него была чисто дѣтская привычка угнѣздиться какъ-нибудь половчѣе.

— Когда ты думаешь жениться, Пьеръ?

У бабушки въ ожиданіи отвѣта захватило дыханіе.

— Только объ этомъ вы хотѣли поговорить со мною?

— Только объ этомъ.

— Не стоило писать. Я о женитьбѣ еще и не думаю.

— Надо, Пьеръ, подумать. Твоя роль очень незавидна: ты живешь на счетъ женщины и не можешь не краснѣть за свои отношенія къ ней.

— Свадьба, татап, ничего не поправитъ; я

и тогда не буду жить на счет мужчины, — пошло и не во-время состриль дядя, поигрывая связкою ключей, взятою, со стола.

— Но тогда ты будешь жить на счет жены. Вѣдь страшно вымолвить: ты теперь на содержаніи! — съ горечью произнесла бабушка это язвившее ея сердце слово. — Я вся дрожу, когда меня спрашиваютъ о моемъ сынѣ, о времени его свадьбы.

— А-а! вамъ страшно вымолвить это! Вы дрожите, когда васъ спрашиваютъ о вашемъ сынѣ! Но позвольте васъ спросить, кто довелъ меня до необходимости жить на содержаніи?

— Не я ли? — съ ужасомъ воскликнула бабушка.

— Вы! Вы своимъ глупѣйшимъ бракомъ разорвали всѣ связи со своимъ кругомъ и наплодили дѣтей-мѣщанъ. Вамъ было весело разыгрывать сладенькую пастушескую идиллію, вы не думали, каково будетъ жить на свѣтѣ вашимъ дѣтямъ. Что же прикажете мнѣ дѣлать? Гряды копать? Воду носить? Дрова таскать? Силы-съ для этой работы нѣтъ; званіе мѣщанина мнѣ дали, а мѣщанской силой не надѣлили. Вотъ вашъ возлюбленный

зять стучить себѣ молоткомъ и не горюетъ въ своей берлогѣ, обнимаясь со своею кухаркой-женой.

— Оставь ихъ въ покоѣ!.. Меня теперь поздно упрекать, — сказала старуха, понуривъ голову. — Ты не дитя, тебѣ давали всѣ средства честно служить, я и теперь могу доставить тебѣ мѣсто; еще не все потеряно, Пьеръ.

Въ ея голосѣ было что-то молящее, страдальческое.

— Служить! служить! Что вы мнѣ поете пѣсню о службѣ? Канцелярскія бумаги переписывать, быть писцомъ, — это вы называете службой? Довольно и безъ меня гнѣтъ этихъ ненужныхъ тварей за канцелярскими столами. Они грабятъ казну, берутъ взятки и съ живого, и съ мертваго, пишутъ кляузы — и наслаждаются миромъ. Они тупоумны, имъ можно такъ жить; не то нужно мнѣ. Но другой дѣятельности для меня не существуетъ, покуда я нищій, покуда у меня нѣтъ гроша для осуществленія моихъ плановъ. Я теперь и добываю эти деньги. Цѣль освящаетъ средства! Вы и наши родственники, бросившіе

вась на жертву нищеты, заставили меня дѣйствовать такъ, губили меня!

— Теперь поздно упрекать, — повторила бабушка. — Но если ты не можешь служить, если тебѣ нужны деньги для исполненія твоихъ плановъ, то ты можешь не быть подлецомъ: женись!

— Что же вы хотите, чтобы я продалъ себя этому уроду? Нравится вамъ она?

— Не нравится, но ты рѣшился быть ея любовникомъ и...

— Любовникъ, какъ вы выражаетесь, не мужъ. Онъ не привязанъ къ женщинѣ, и вы волнуетесь подъ вліяніемъ отжившихъ предразсудковъ: нашъ вѣкъ пошелъ далѣе ихъ. Теперь...

— Не говори мнѣ ничего, — прервала бабушка, потерявшая терпѣніе. — Женись или разойдись съ ней, другого пути тебѣ нѣтъ. Я не хочу имѣть сыномъ челоуѣка, играющаго роль публичной женщины. Слышишь ты? Я не хочу, чтобы ты пятналъ честное имя своей семьи. Я рѣшилась на все: если ты не согласишься на то или другое, то не знай моего дома. Я тебя прокляну! Слышишь ты?

Бабушка словно воскресла и выросла, она сдѣлалась такою же гордою женщиною, какою была когда-то.

Дядя схватилъ себя за волосы и стадъ ихъ теревить.

— Проклятiе! Родительскiй деспотизмъ! А, такъ вы вотъ какая мать!

Это кричалъ сорокапятилѣтнiй мужчина, подкрашивавшiй волосы.

— Я честная женщина и не хочу видѣть развратнаго сына.

Бабушка встала и пошла въ другую комнату. Тамъ она бросилась на постель и глухо зарыдала; силы ее оставили, и она уже опять была слабою, близкою къ могилѣ старухою.

Дядя уѣхалъ въ бѣшенствѣ. Рванье волосъ, часто застращивавшее бабушку въ былыя времена, теперь оказалось совсѣмъ недѣйствительнымъ средствомъ, только прическа испортилась, да на пальцахъ осталось два-три подкрашенныхъ волоска. Съ мѣсяцъ раздумывалъ дядя, на что рѣшиться. Жить съ бабушкою на ея не слишкомъ большiя средства ему уже не хотѣлось: привычка къ роскоши была очень сильна; оставаться на

содержаніи и не ѣздитъ къ матери было невозможно: онъ понималъ, что Катерина Тимоѳеевна, узнавъ причину его ссоры съ матерью, выгонитъ его вонъ, и потому пришлось рѣшиться на женитьбу. Вопросъ: быть или не быть, рѣшился положительно.

«По вашему желанію, — писалъ къ бабушкѣ Пьеръ:— я продаю себя совсѣмъ: вы не желали, чтобы я былъ на волѣ. Радуйтесь!»

Свадьба была сыграна въ январѣ. Наша семья опять сплотилась, но только наружно. Внутреннія связи были порваны навсегда. Если вы наблюдали, читатель, за окружающею васъ жизнью, то вы поймете это ежедневно повторяющееся явленіе. Живутъ разнохарактерные члены одного и того же семейства десятки лѣтъ подъ одной кровлей, и живутъ, повидимому, мирно и дружно; но стоитъ имъ только разлучиться на время, — даже не нужно такихъ крупныхъ событій, какія совершились въ нашей семьѣ, — и между этими членами вдругъ ляжетъ непроходимая пропасть. Они ясно увидятъ, что вмѣстѣ жить, попрежнему жить невозможно. Не думайте, что въ дни разлуки они размышляли о поступкахъ

своихъ родственниковъ, совсѣмъ нѣтъ! они просто отвыкли отъ нихъ, забыли ихъ привычки и характеры, и теперь, отдохнувъ на свободѣ и столкнувшись съ ними снова, каждый членъ въ свою очередь чувствуетъ весь гнетъ необходимости подлаживаться подъ чужой характеръ, плясать не подъ свою дудку. Наступаетъ полнѣйшій разладъ. Какъ привычка примиряетъ человѣка со всякими гадостями, такъ разлука со старою средою и ея личностями служитъ вѣрною пробою нормальности или ненормальности прежняго быта и прежнихъ отношеній.

Отецъ, мать и я изрѣдка посѣщали домъ дяди и старались по возможности удалиться отъ него! Впрочемъ, и супруга дяди, купивъ законнаго мужа, сбросила пошлую маску и не очень дорожила любовью его родныхъ. Она перестала быть Като и сдѣлалась расчетливою и умною Катериною Тимофеевною. Дядя сначала вздумалъ открыть типографію на какихъ-то новыхъ условіяхъ, замышляя осчастливить сотни работниковъ: но супруга попросила его сперва сдѣлать смѣту предпріятія и, увидавъ призрачность и воздушность плана,

не рѣшилась довѣрить мужу капиталы, и онъ, отстраненный отъ всѣхъ заботъ по управленію имѣніемъ жены, сталъ получать отъ нея ежемѣсячную плату за свои супружескія обязанности. Плата была не малая, онъ началъ жуировать и держать себя гордо. Либеральныя фразы съ каждымъ днемъ все рѣже и рѣже срывались съ его языка. Онъ сошелся съ значительными людьми, полюбилъ танцовщицъ, пристрастился къ двусмысленнымъ анекдотамъ и игралъ въ свѣтѣ роль богача, пренебрегшаго службой, присталъ къ числу отживающихъ старичковъ, подобно ему подкрашенныхъ, подбитыхъ ватой и дѣлающихъ видъ, что у нихъ такъ-таки совсѣмъ не болятъ ноги. Катерина Тимоѳеевна не дремала, смотрѣла, не даетъ ли мужъ векселей, прибирала его къ рукамъ и ѣла, какъ ржа желѣзо. Впрочемъ, они звали другъ друга: Пьеръ и Като, и цѣловались при постороннихъ людяхъ... Но я забѣжалъ впередъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ, послѣ одной изъ стычекъ съ дядею, который отрекомендовалъ меня одному изъ своихъ гостей своимъ един-

ственнымъ наслѣдникомъ, я рѣшилъ не ходить къ нему. Матушку смутило мое рѣшеніе, она не любила ссоръ. Но я сказалъ, что мнѣ непріятно слушать отъ дурака подобныя рекомендаціи и быть въ глазахъ его знакомыхъ прихлебателемъ и наслѣдникомъ, ожидающимъ смерти богатаго родственника. Отецъ и мать согласились со мною и позволили мнѣ поступать по моему усмотрѣнію. Пересталъ я ходить къ любезному родственнику.

— Твой мальчишка-сынъ, — сказалъ дядя матушкѣ при первой встрѣчѣ съ нею послѣ нашей стычки:— кажется, носъ задираетъ. Не думаетъ ли онъ, — что онъ важная птица?

— Изъ чего ты это заключаешь? — спросила матушка.

— Изъ того, что онъ мнѣ нагрубилъ и съ тѣхъ поръ глазъ не показываетъ... Не худо бы ему напомнить, что я ему дядя и могу пригодиться. У него, кажется, нѣтъ милліоновъ, съ которыми было бы можно прожить безъ чужой помощи.

— Во-первыхъ, онъ никогда не пойдетъ за помощью къ роднѣ, а во-вторыхъ, онъ не мальчишка и настолько уменъ, что можетъ

дѣлать то, что вздумаетъ. Подлости онъ не сдѣлаетъ.

— А! Такъ вотъ вы какъ нынче поете! Не получилъ ли твой супругъ наслѣдства отъ какого-нибудь малороссійскаго вола?

— Ты сталъ невыносимо пошль и, должно-быть, помѣшался на деньгахъ и наслѣдствахъ.

Матушка никогда болѣе не заглядывала къ дядѣ и избѣгала даже встрѣчъ съ нимъ. Послѣдняя нить семейныхъ связей разорвалась. Бабушка страдала. Она почувствовала, что и къ ней самой теперь заглядываютъ ея дѣти или изъ сожалѣнія, или изъ приличія, что они рады бы не посѣщать ее, чтобы избѣжать непріятныхъ для нихъ столкновеній. Въ нашемъ домѣ чувствовалось тоже непріятное впечатлѣніе отъ этихъ исторій. Мы боялись столкнуться съ дядею даже на улицѣ, зная его бѣшенный характеръ; этотъ человѣкъ не задумался бы разыграть скверную сцену даже посреди уличныхъ зѣвакъ. Вполнѣ спокоенъ былъ только отецъ; съ нимъ дядя никогда не рѣшился бы начать исторіи, отецъ это понималъ. Я и матушка хо-

дили къ бабушкѣ оттого, что старушка была дѣйствительно жалка; но мы дѣлали это какъ-то тревожно, воровски, сперва справлялись у прислуги, кто сидитъ у старушки въ гостяхъ, и уже потомъ входили къ ней, сидѣли недолго... Мой умъ, развитый не одною жизнью, но и книгами, въ ту пору додумался до разныхъ отвлеченныхъ хитростей: многія чувства относилъ я въ категоріи рабскихъ и болѣе всего стыдился и краснѣлъ, если замѣчалъ въ себѣ признаки этихъ чувствъ. Характеръ нашихъ отношеній къ дядѣ носилъ признаки такого рабскаго чувства трусливой осторожности; мы, желая избѣжать стычекъ и непріятностей, принуждены были поминутно вертѣться и оглядываться, какъ танцующія передъ шарманщикомъ собачонки. Устроить дѣло иначе я былъ не въ силахъ, и меня это мучило. Бабушка скучала и жаловалась на судьбу, прося Бога прибрать ее поскорѣе. Отъ этихъ жалобъ и молитвъ вѣяло нестерпимою грустью...

А время быстро несло своимъ чередомъ. Приближались для меня и для моихъ товарищей послѣдніе экзамены, вступленіе въ

жизнь и дѣятельность. Кончалась зима, наступала весна, и съ каждымъ днемъ все ярче свѣтило солнце, какъ будто улыбаясь всѣмъ юношамъ, готовымъ вырваться на волю изъ душныхъ стѣнъ училищъ, изъ-подъ тяжкаго гнета холодныхъ, непривѣтныхъ учителей... Съ удвоенной силой работали мозги, кровь этихъ юношей кипѣла, и поспѣвала ихъ работа, зубрились и нужныя и ненужныя книги, чтобы только сдать послѣдній экзамень. Тревожная, но веселая и благодатная пора бодрого труда, обдумыванія своихъ плановъ, выбора дороги, которую приходится проторить молодымъ ногамъ!

Послѣдніе мѣсяцы въ школѣ

Послѣдній день школьной жизни приближался къ концу. Уже съ марта мѣсяца нашъ дружескій кружокъ началъ серьезно подумывать и поговаривать о будущности. Наши взгляды на жизнь, на наши личные характеры и способности совершенно выяснились, и мы могли, не слишкомъ ошибаясь въ своемъ призваніи, выбирать ту или другую дорогу. Каждый изъ насъ, — соглашался ли онъ, какъ я и Калининъ, съ убѣжденіями Носовича, или признавалъ только ихъ честность, какъ Воротницынъ, — былъ благодаренъ умному учителю и чувствовалъ, что безъ него мы долгое время пробыли бы въ состояніи ученической несамостоятельности и безсмыслія, вышли бы на поприще дѣйствительной жизни по тому пути, который указали бы намъ старшіе. Теперь было не то: мы были готовы бороться, только бы идти по той дорогѣ, которая нравилась намъ. Если бы мы и ошиблись въ выборѣ

дѣтельности, то не инѣли бы права бесполезно хныкать, просиживать немилое мѣсто службы и роптать на ближнихъ, какъ это дѣлается всѣми господами, считающими себя не на своемъ мѣстѣ. вмѣсто этого хныканья и небрежнаго исполненія своихъ обязанностей, мы поспѣшили бы разумно исправить свою ошибку, не портя дѣла и зная, что свѣтъ не клиномъ сошелся и что добру-молодцу пути не заказаны.

— Я уже давно рѣшилъ, что дѣлать по выходѣ изъ школы, — говорилъ намъ Калининъ. — Поѣду на годокъ къ дядѣ, онъ хлѣбомъ на Волгѣ торгуетъ. Мнѣ онъ будетъ радъ, дѣла у него много, найдется и на мою долю. Зашибу у него копейку, поработаю, отдохну на чистомъ воздухѣ, погляжу на народъ, потолкаюсь съ нимъ между кулемъ и черезъ годъ подеру въ московскій университетъ. Стану перебиваться уроками. Здѣсь мнѣ не житье, мечется мнѣ въ глаза наша семейная мѣщанская грязь. Въ Москвѣ та же грязь, да не своя, за сердце не будетъ хватать.

— Я тоже только черезъ годъ поступлю въ университетъ, — сказалъ Воротницынъ. —

Мнѣ хочется прокатиться по Европѣ, и къ тому же это желаніе моего отца.

— А что, господа, хорошо бы всѣмъ намъ махнуть въ московскій университетъ! — произнесъ Розенкампфъ. — Вмѣстѣ будемъ — крѣпче будемъ. Годъ куда ни шель, и я перебьюсь уроками, на шеѣ у Носовича сидѣть не буду, къ тому же у меня и деньги есть. Какъ ты думаешь, Рудушка? хорошо?

— Я ничего не думаю теперь. Можно будетъ пропустить годъ — пропущу, можно будетъ ѣхать въ Москву — поѣду. Все зависитъ отъ того, будутъ ли у меня средства прожить годъ безъ помощи отца или нѣтъ.

— Ты можешь жить со мною, — предложишь Розенкампфъ.

— Не изъ двухъ ли тысячъ, которыя ты получишь? Онѣ и тебѣ пригодятся.

— Ну, занимайся уроками.

— Не считаешь ли ты уроки средствомъ безбѣдно существовать?.. Нѣтъ, братъ, надѣясь на нихъ, насидишься безъ хлѣба.

— Волка бояться — въ лѣсъ не ходить, — молвилъ Калининъ.

— Лучше прежде справиться, есть ли въ

лѣсу волки или нѣтъ, и потомъ идти въ него. Мнѣ жить, а не геройствовать хочется.

Мнѣ было грустно и не по-себѣ; друзья этого не замѣтили.

— Трусъ, — сказали Калининъ и Розенкампфъ.

— Практическій эгоистъ, — было моимъ отвѣтомъ.

— Ну, такъ чортъ тебя возьми! Живи одинъ по-собачьи, если тебѣ друзей не нужно!

Калининъ разозлился.

Я улыбнулся его выходкѣ, а на душѣ кошки скребли.

Друзья пожали плечами и остались недовольны моею нерѣшительностью. Въ тотъ же вечеръ я шагаль изъ угла въ уголь въ нашей квартирѣ и обдумываль, взвѣшиваль все, что можетъ случиться въ будущемъ. Разлука съ друзьями казалась мнѣ истиннымъ несчастіемъ: кромѣ обычной грусти, пробуждающейся обыкновенно при разставаніи съ близкими людьми, съ которыми прожилъ я долгое время душа въ душу, я понималь, что безъ нихъ не услышу я ни отъ кого рѣзко-правдиваго слова, разгоняющаго минутныя

заблужденія челоѡѡка, и, вмѣсто такого слова, станутъ мнѣ надоѡдать лукаво-льстивыя, прилизанныя и ни на что мнѣ негодныя фразы различныхъ шаркуновъ, людей другого завала. Понималъ я, что не къ кому будетъ мнѣ прибѣгнуть въ трудныхъ случаяхъ жизни и никто не разрѣшитъ моихъ сомнѣній, не раздѣлитъ со мною труда. «Вмѣстѣ будемъ — крѣпче будемъ», — сказалъ мой Николай, и я вполне согласился съ этою мыслью. Множество грѣзъ и мечтаній, какъ это всегда бываетъ въ минуты раздумья, рождалось въ моей головѣ, на мгновенье онѣ увлекали и развешивали меня. Но практической разсудокъ брать верхъ, и мечты разлетались въ прахъ. Становилось еще грустнѣе, еще тяжелѣе. Я приходилъ къ тому заключенію, что я бѣднѣе всѣхъ моихъ друзей. Не было у меня ни дяди-торговца, ни отца-богача, ни двухъ тысячъ капитала. Все мое богатство было въ трудолюбіи отца и матери. Сидѣть на ихъ шеѣ еще лишній годъ было совѣстно и казалось мнѣ безнравственнымъ.

— Ты что-то встревоженъ сегодня, Александръ, — говорилъ мнѣ за вечернимъ чаемъ

отецъ, привыкшій къ моей веселости и говорливости.

Я объяснилъ ему планы моихъ друзей.

— Не худо бы и тебѣ поѣхать въ Москву. Я перейду за службу въ московскій дворецъ, и заживемъ мы потихоньку. Надоѣло мнѣ жить здѣсь, да на всякія гадости смотрѣть

— Я тоже хотѣла бы вырваться изъ Петербурга, — промолвила матушка...

Ее томили семейные дразги.

— Но ты слышалъ, они думаютъ только черезъ годъ поступить въ университетъ.

— Ну, такъ что же? И ты годъ подожди. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы ты не разлучался съ этими людьми. Мнѣ они нравятся, ты въ нихъ души не слышишь, безъ нихъ тебѣ ученье не въ ученье будетъ. Новыхъ друзей заводить трудно: натолкнешься прежде на девять подлецовъ и только въ десятомъ найдешь порядочнаго человѣка. Я самъ, братъ, испыталъ, каково жить безъ друзей. Дома у тебя товарища нѣтъ, о дѣлѣ поговорить не съ кѣмъ. Я съ матерью неучи; я старая рабочая кляча, а она только любить умѣеть, родня же... Отецъ махнулъ рукою:— дальше въ лѣсъ — больше дро-

Въ.

— Все такъ, отецъ, а какъ годъ-то безъ дѣла прожить! Ты довольно поработалъ, тебѣ отдыхъ нуженъ; значить, чѣмъ скорѣе я кончу ученье, тѣмъ лучше.

— Отдыхъ нуженъ? Развѣ я жаловался тебѣ на усталость? Развѣ мы съ матерью сбываемъ тебя съ рукъ? Грѣхъ тебѣ это думать, Александръ, — съ видимымъ волненіемъ и горечью проговорилъ отецъ и замолчалъ на минуту, чтобы успокоиться. — Полно, Саша! Не служи, сколько хочешь времени, только дѣло дѣлай; довольно васъ, неучей, изъ-за куска хлѣба пляшущихъ подъ чужія дудки! Въ этомъ смысла нѣтъ! Учись. У меня найдется для тебя хлѣбъ. Мы съ матерью сжились съ чернорабочимъ трудомъ, отдыхать будемъ въ могилѣ. Наша жизнь вся для тебя. Чѣмъ лучше, чѣмъ полнѣе разовьешься ты, тѣмъ спокойнѣе ляжемъ мы въ могилу... Теперь же мы поработаемъ. Взгляни, развѣ я старъ, дряхлъ?

Отецъ поднялъ свою большую, умную голову: передо мною, въ самомъ дѣлѣ, былъ не дряхлющій старикашка, но скованная изъ желѣза, давно знакомая и все неизмѣнно мо-

гучая личность отца. Какъ горячо любилъ я его, особенно въ эти минуты гордаго сознанія своихъ выносливыхъ силъ! И теперь я любовался его наружностью, сжалъ его широкую руку и принялъ спокойный видъ.

Все, что высказалъ мнѣ отецъ, было мнѣ извѣстно и прежде, и все же я не могъ примириться съ мыслью прожить, лежа на боку, цѣлый годъ. Пришлось и мнѣ обратиться за совѣтомъ къ Носовичу. Пошелъ я къ нему. Разказалъ наши планы и мое критическое положеніе. Сказалъ, что Розенкампфъ и Калининъ совѣтуютъ перебиваться въ продолженіе года уроками, что я не признаю этого возможнымъ.

— О, олухи царя небеснаго! А если уроки явятся черезъ четыре мѣсяца? а какъ они не явятся вовсе? — восклицалъ онъ. — Голубчики думаютъ, что стоитъ имъ выставить на улицу свои смазливья мордочки, и весь народъ такъ и кинется къ нимъ: «учите, благодѣтели, нашихъ ребятъ, выгружайте наши кошель!» Держи карманъ шире, чтобъ не просыпалось! Юношей-учителей много, какъ нерѣзанныхъ собакъ. Лучше, Рудый, я подумаю

доставить вамъ средства понадежнѣе. Потерпите маленько, авось не умрете.

Потерпѣль, не умерѣ.

Въ концѣ мѣсяца Носовичъ призвалъ меня къ себѣ и далъ прочесть письмо одного изъ московскихъ журналистовъ: «Вашего воспитанника, — писалъ тотъ, — я приму съ распростертыми объятіями. Работы всѣхъ родовъ у меня много и на его долю найдется. Вы пишете, что ему для безбѣднаго существованія нужно зашибать отъ 30 до 35 рублей въ мѣсяцъ, не утомляя себя. Это совершенно возможно. Жду его съ нетерпѣніемъ и очень буду радъ, если онъ въ полномъ смыслѣ вашъ ученикъ».

— Вотъ вамъ, батюшка, вѣрный хлѣбъ, по крайней мѣрѣ, на первую пору. Этотъ человекъ не надувало, за это я вамъ ручаюсь. Вы не сомнѣвайтесь!

Я воскресъ и горячо поблагодарилъ Носовича.

— Ну, а теперь, — сказалъ онъ шутливо: — нужно помылить головы нашимъ чурбанамъ. Они все еще мечтаютъ.

Головомойка вышла уморительная. Носо-

вичь предложилъ моимъ друзьямъ написать и отдать въ печать сочиненіе на тему: жареные бекасы, летящіе въ ротъ молодыхъ людей пріятной наружности. Вообще много шутовства и балагурства было въ поступкахъ и рѣчахъ любимаго учителя; повидимому, онъ очень легко смотрѣлъ на дѣло жизни и считалъ его пустою и глупою шуткой; но въ сущности, я рѣдко встрѣчалъ людей, такъ же трезво и строго глядѣвшихъ на это дѣло, какъ онъ. Имѣя здравый смыслъ, было невозможно не любить и не уважать его.

Такъ рѣшились мы устроить свою будущность, но у насъ было еще одно близкое дѣло, о которомъ мы не забыли позаботиться. Намъ хотѣлось упрочить наше учрежденіе занятій въ младшихъ классахъ. Для этой цѣли съ начала полугодія мы сблизились съ второклассниками, узнали, которые хотятъ быть нашими преемниками. Нашлось шестеро желающихъ. Мы знали ихъ за хорошихъ учениковъ, подобно намъ развитыхъ Носовичемъ, и потому съ мая мѣсяца, кромѣ насъ десятерыхъ, съ маленькими школьниками занималось еще шестеро взрослыхъ воспитанниковъ,

чтобы пріучиться къ новому для нихъ дѣлу и показать учителямъ-противникамъ свою способность исполнять хорошо двѣ обязанности. Гро, Саломірскіе и Рейтманы пришли въ ярость; они уже радовались, что предпріятіе окончится съ нашимъ выходомъ изъ школы, теперь эта надежда разрушилась въ прахъ.

— Вы, кажется, считаете себя начальниками-распорядителями школы, — сказалъ намъ Рейтманъ, узнавъ о нашемъ поступкѣ. — Вы распоряжаетесь своими товарищами, какъ подчиненными, назначаете, что они должны дѣлать.

— Мы ими не распоряжаемся, господинъ Рейтманъ, — отвѣчалъ я за своихъ друзей. — Они сами согласились продолжать дѣло, задуманное директоромъ, и онъ уже благодарилъ ихъ.

Рейтманъ пристально посмотрѣлъ на меня и потомъ на моихъ друзей; видно было, что въ его головѣ промелькнула мысль: негодяи, прячутся за директора!

Мы дѣйствительно прятались за директора, и ужъ эта необходимость прятаться тревожила насъ. «Дѣло непрочно, — думалось на-

мъ, — директоръ слабъ и уступить школьному совѣту послѣ нашего удаленія изъ школы». Мы всѣми силами старались приготовить новыхъ товарищей къ борьбѣ въ томъ духѣ, въ какомъ мы вели ее сами. Совѣтовали имъ вести себя безукоризненно, отличаться въ ученѣ, не ссориться съ учителями, приписывать дѣло выдумкѣ директора, даже льстить ему и, такимъ образомъ, доказывать, что оно хорошо, а не худо. Малѣйшій дурной поступокъ могъ испортить все, требовалось строго наблюдать за собою. Иначе дѣйствовать въ этомъ омутѣ было невозможно.

— Плохо, если всегда придется такъ хитрить, — говорилъ Розенкампфъ.

— Чего же тутъ плохо? еще веселѣе будетъ; сами будемъ честны, честное дѣло будемъ дѣлать и не оставимъ ни одного уголка, къ которому могли бы придраться подлецы, заставимъ ихъ безъ ссоры плясать подъ нашу дудку, — замѣтилъ Калининъ. — Ты, Рудушка, будешь особенно ловокъ, а вотъ Воротницынъ, такъ тотъ будетъ больно плохъ въ этомъ дѣлѣ.

— Мнѣ не нужно будетъ вести эту борьбу,

съ наукой хитрить нечего, — отвѣчалъ Воротицынъ.

— Виноватъ! я и забылъ, что ты на книгѣ женишься, нарожаешь книжонокъ, книги ихъ окрестятъ, книги вырастятъ, книги и похоронятъ.

Мы разсмѣялись при этой выходкѣ. Воротицынъ, задумчиво улыбаясь, покачалъ головою.

— Можетъ-быть, ты и правъ, — какъ-то невесело процѣдилъ онъ сквозь зубы...

Однажды Носовичъ пригласилъ насъ къ себѣ. Мы собрались у него вечеромъ.

— Намъ нужно, господа, о дѣлѣ поговорить. Не худо бы подумать о будущности нашихъ занятій, — сказалъ хозяинъ.

— Мы уже позаботились объ этомъ. Говорили второклассникамъ, и шестеро изъ нихъ начали заниматься съ дѣтьми.

— Знаю, знаю! Вы, молодежь, все на фу-фу дѣлаете. Ваше дѣло начато посреди болота, поганья лягушки, тотчасъ же по вашему удаленіи изъ школы, затащутъ въ свое болото второклассниковъ. Сочувствующихъ дѣлу только одна треть учителей, а двѣ трети со-

стоять изъ лягушекъ... Теперь я могу вамъ это говорить: вы кончаете обязательныя сношенія съ этими личностями; становитесь на одну доску съ ними и можете судить о нихъ. Церемониться нечего!

— Что же дѣлать?

Мы приуныли.

— Утвердить дѣло покрѣпче, чтобы оно просуществовало хоть годъ еще; авось въ это время лягушки уберутся подальше и на ихъ мѣста явятся люди. Скверное теперь время, а надѣяться все-таки нужно...

— Но какъ же утвердить? — спросили мы.

— Тутъ нужны чортовы гвозди, — промычалъ Калининъ.

— Великую истину сказали, именно чортовы гвозди нужны, — улыбнулся Носовичъ. — Объ этомъ-то я и хочу поговорить съ вами. Надо сдѣлать дѣло по возможности публичнымъ, заинтересовать родителей и поставить директора и учителей въ такое положеніе, что они волей или неволей будутъ стоять за ваше учрежденіе. Попечители о немъ не знаютъ, а ихъ-то и надо посвятить въ тайну. Теперь представляется удобный случай. Вамъ,

Рудый, выпадаетъ завидная роль сказать на публичномъ актѣ прощальныйъ спичъ ученикамъ. Отличитесь!

— Я васъ, кажется, понимаю, Николай Павловичъ, — отвѣчалъ я. — Мнѣ придется изложить важность нашего дѣла, похвастать собственными успѣхами и заслугою передъ публикою?

— Да, почти что такъ; но что дѣлать, батюшка, хвастайте! Пожалуй, чтобы не покраснѣть, взведите небылицу на учителей, припишите имъ инициативу дѣла. Поставьте на ходули слабеху-директора, главнѣе всего заботьтесь и о томъ, чтобы выставить успѣхи маленькихъ учениковъ. Да маслица, маслица не жалѣйте!

— А пропуститъ ли эту рѣчь школьная цензура? — спросилъ я.

— Пропуститъ. Цензоромъ-то буду я, потомъ директоръ прочтетъ рѣчь; онъ тоже будетъ вамъ благодаренъ. Надо же хоть на годъ или на два облегчить занятія ребятишекъ, а то срамъ, что за личности выходятъ изъ нашихъ школъ!

Читателю можетъ показаться, что мы хло-

потали и волновались изъ-за пустяковъ, онъ самъ принимается только за великіе подвиги, которые, впрочемъ, почему-то никогда не удаются. Но, во-первыхъ, въ дѣлѣ воспитанія не бываетъ пустяковъ, а, во-вторыхъ, въ томъ кругу, гдѣ мы дѣйствовали, наше дѣло имѣло особенное значеніе. Припомните мое описаніе школьной жизни и характеристики учителей. Къ какому заключенію могли они привести? Каждый учитель видѣлъ въ себѣ только начальника, и ни одинъ, кромѣ Носовича, не сознавалъ, что онъ долженъ быть отцомъ, братомъ и другомъ ребенка, что ни тѣни боязни не должно быть въ ученикѣ при столкновеніи съ наставникомъ, что безъ того никогда не будетъ на свѣтѣ честныхъ, прямодушныхъ и смѣлыхъ людей. И точно: въ школѣ воспитанники дѣлались одни пустыми курточниками-франтами, другіе лукавыми пронырами, третьи — трепещущими холопами. Всего этого не понимали и не хотѣли понимать учителя. Служили они для полученія жалованья и для господствованія, обязанности своей не любили. Они били, ругали дѣтей, придирались къ нимъ, поддразнивали

ихъ и въ стѣнахъ училища постоянная велась ожесточенная война начальника съ подчиненными, и въ то же время слышалась проповѣдь о покорности. Война — ненормальное и отвратительное явленіе; но какъ же жить въ мирѣ съ тѣми людьми, которые не любятъ и стараются притѣснить насъ? Лучшіе изъ наставниковъ были Мейеры, слабосильные мечтатели; они позволяли побить, притѣснить ребенка и потомъ брали на себя обязанность утирать его слезы и поручать его Божьей защитѣ. Это было очень чувствительно, но совершенно не питательно. Когда, развитые Носовичемъ, мы стали заниматься съ маленькими дѣтьми, тогда мало-по-малу они стали выходить изъ-подъ палокъ учителей и начали смѣлѣе и спокойнѣе смотрѣть въ наставничьи глаза. Наше вліяніе замѣтно отразилось на дѣтской нравственности, негодяевъ становилось меньше; уменьшилось даже число тѣхъ мелкихъ школьныхъ продѣлокъ, которыя знакомы всѣмъ нашимъ древнимъ и новымъ преподавателямъ; дѣти перестали втыкать булавки въ стулья учителей, перестали подламывать ножки этихъ стульевъ.

Значить, даже ненависть уменьшилась. Мы это понимали; и радовала насъ и любовь къ намъ мальчугановъ, и та мысль, что изъ нихъ выйдутъ честные люди, съ которыми, можетъ-быть, придется намъ же столкнуться на пути жизни. Конечно, если бы дѣло кончилось, просуществовавъ два года, то скоро не осталось бы и слѣдовъ отъ него. Какъ же было не волноваться, не хлопотать?.. Дѣлайте, читатель, подобныя мелочи въ той сферѣ, гдѣ вы поставлены судьбой, и повѣрьте, что тогда васъ никто не упрекнетъ за пустоту и дармоѣдство. Теперь же, со всѣми вашими поползновеніями къ великимъ подвигамъ, вы часто слышите этотъ справедливый упрекъ. Общество не любитъ великихъ подвиговъ, если они не удаются.

Х

Бабушка сходить со сцены

Въ то время, когда мы предавались свѣтлымъ молодымъ надеждамъ, моя бабушка томилась въ одиночествѣ, измученная, больная, слушающая отъ скуки болтовню двухъ старыхъ служанокъ, едва понимая смыслъ ихъ рѣчей и дремля въ вольтеровскомъ креслѣ. Каждый разъ, посѣтивъ ее, мы убѣждались, что ей не долго остается жить и страдать, и не имѣли ни силъ, ни возможности помочь ея горю. Съ мучительной тоской глядѣлъ я на эту женщину, опустившуюся въ кресла и перебирающую отъ нечего дѣлать ихъ бахромки. Напротивъ нея висѣлъ портретъ красавицы съ жемчужной повязкою на головѣ, въ окно били горячіе и сверкающіе лучи весенняго солнца, весело озаряя печальную картину постепеннаго умиранія. И этотъ портретъ, и эти лучи солнца казались теперь какою-то насмѣшкой надъ старухой. «Та ли это, гордая царица, — спрашивалъ я себя, глядя на бабушку:— которую я такъ горячо люби-

ль въ дѣтствѣ? Та ли эта восторженная Шахеразада, увлекавшая мое дѣтство разказами? Куда дѣвались ея гордыя рѣчи, ея важная осанка, ея нарядныя шелковыя платья, забавлявшія меня когда-то своимъ шелестомъ? Износилось ея лицо, какъ износился ея бархатный салопъ, давно висящій безъ употребленія и поѣдаемый молью, скоро и она сдѣлается добычею червей. Прерывистъ и глухъ ея голосъ, какъ будто онъ звучитъ съ того свѣта, и съ каждымъ днемъ все чаще и чаще срываются съ ея языка слова: „смерть и могила“. Это живая покойница, и страшнѣе, всего то, что она сама сознаетъ это яснѣе всѣхъ. Не дай Богъ дожить до такого состоянія. Ни отраднхъ воспоминаній, ни надеждъ нѣтъ, и есть только одно горькое сознаніе своей ненужности въ мірѣ.

Планъ переѣзда въ Москву подалъ намъ слабую надежду поднять бабушку: мы считали ее не настолько больною, сколько убитою горемъ. Мы поспѣшили объявить нашъ планъ и пригласили ее переѣхать вмѣстѣ съ нами изъ Петербурга. Она обрадовалась.

— Здоровье-то мое плохо, жаль мнѣ и Пье-

ра оставить. Теперь хоть изрѣдка онъ заѣзжаетъ ко мнѣ, я хоть посмотрю на него, — говорила старушка.

— Поѣзжайте съ нами хоть на время, отдохнете тамъ и поправитесь; тогда можно будетъ съѣздить въ Петербургъ, повидаться съ Пьеромъ, — говорили мы ей.

Матушка боялась оставить ее одну и вѣрила доктору, говорившему, что бабушка при покойной жизни можетъ прожить еще долго.

— Поѣду, Соня, поѣду. Авось, вы меня успокоите на старости лѣтъ. Я и теперь жила бы съ вами, да Пьеръ не станетъ ѣздить. Онъ нынче все такой сердитый... И за что это сердится, — ума не приложу!..

Мысль о переѣздѣ въ Москву, о житьѣ въ нашемъ любящемъ семействѣ начала ее тѣшить; даже стали роиться въ ея головѣ разныя дѣтскія мечты о томъ, какъ она поправится совсѣмъ, станетъ бодрою и вдругъ опять пріѣдетъ въ Петербургъ на свиданье съ Пьеромъ, какъ онъ обрадуется ея пріѣзду... Въ ея квартиркѣ съ этой поры только и шли рѣчи про Москву.

— Не забыть бы намъ чего-нибудь здѣсь?.. Надо будетъ сундучокъ пріискать для платья. Да стирку-то кончайте поскорѣе, чтобы все чистое было... — говорила старушка своимъ служанкамъ, рылась въ комодъ, перебирала свои вещи и волновалась, не находя какого-нибудь чепца.

— Хорошо, что спохватилась сама, — толковала она:— а то такъ бы и поѣхала въ Москву безъ чепца!

До отъѣзда оставался цѣлый мѣсяць. Но вѣчно глумившаяся надъ ней судьба посмѣялась и теперь надъ ея планами.

Однажды, когда сидѣла старушка со своими обычными грѣзами и старалась казаться бодрою, въ ней неожиданно пріѣхалъ Пьеръ. Она его не видала полторы недѣля и обрадовалась его пріѣзду; только онъ былъ хмурымъ, какъ осенній вечеръ. Ему плохо жилось и не на комъ было выместить горя. Онъ вздумалъ сдѣлать опытъ надъ матерью, разыграть передъ нею одну изъ старыхъ драматическихъ сценъ.

— Здоровъ ли ты, мой другъ? — спросила бабушка.

— Здоровъ, что мнѣ дѣлается? Прыгаю, да попѣваю пѣсни! — ироническимъ тономъ промолвилъ онѣ, швырнувъ на диванъ свою шляпу. — Впрочемъ, было бы лучше, если бы я былъ не здоровъ, а лежалъ бы въ могилѣ.

— Что съ тобой, Пьеръ?

— То, что навязанная вами жена дѣлаетъ мою жизнь невыносимою. Я спеленать, меня водятъ на помочахъ. Я хочу жить, а меня заставляютъ прозябать; мнѣ нужны деньги, мнѣ ихъ не даютъ. Я хочу ѣхать на балъ, меня везутъ въ театръ. Такъ жить я не могу, а къ другой жизни теперь нѣтъ выхода.

— Ахъ, Пьеръ, Пьеръ! — качая головой замѣтила бабушка — Жили же вы прежде хорошо, отчего же вамъ вдругъ тѣсно стало?

— Жили бы и теперь попрежнему, если бы я не женился. Теперь я весь въ ея рукахъ. Я сдѣлался ея пажемъ, лакеемъ, крѣпостнымъ холопомъ — и это все по вашей милости. Радуйтесь теперь на меня! Теперь у меня нѣтъ ни надеждъ, ни желаній, ничего, что поддерживало меня въ жизни. Теперь я нищій и нравственно, и матеріально. Вы отняли у меня все, послѣднюю рубашку, послѣднюю суму.

Что же вы мнѣ дадите взамѣнъ всего взятого? Придумайте! Раскиньте своимъ умомъ, посовѣтуйтесь со своею хвалою честностью и материнскою гордостью, о которыхъ вы мнѣ такъ много кричали, заставляя меня жениться! Что сдѣлали вы со своимъ умомъ, гордостью и честностью? Осчастливили себя или дѣтей? Надѣлали великихъ дѣлъ? стяжали благодарность ближнихъ — что ли? Да говорите же! — ломался дядя передъ полумертвою матерью, незамѣтно для себя самого переходя изъ жалобно-элегическаго тона въ бурный.

Онъ не былъ ни пьянъ, ни помѣшанъ, но въ его поступкѣ были признаки и опьянѣнія, и помѣшательства.

— Говорите же? — повторялъ онъ.

— Возьми свою шляпу и ступай вонъ, — тихо, но строго проговорила бабушка.

— Что-о-о?! — взбѣсился дядя и вскочилъ съ мѣста.

Бабушка протянула руку къ колокольчику; рука тряслась.

— Я позову людей.

— Такъ знайте же, что не вы меня, а я васъ

имью право проклинать и проклинаю! — крикнулъ онъ, выбѣгая изъ комнаты.

Она тихо опустила на грудь сѣдую голову и впала въ забытье...

На слѣдующій день насъ извѣстили о ея болѣзни. Блѣдная, какъ мертвецъ, лежала она на постели, безъ стоновъ, безъ жалобъ, и съ нѣмою покорностью ждала смерти. Смерть приближалась быстро. Въ началѣ іюня больную причащали и соборовали. Наша семья собралась у нея. Дали знать дядѣ.

— Схорони ты меня, Вася, — говорила она моему отцу:— схорони на свои честныя, трудовыя деньги.

— Богъ дастъ, еще выздоровѣете, матушка! — промолвилъ отецъ, стараясь придать своему голосу веселый тонъ. — Покатимъ въ Москву и заживемъ тамъ припѣваючи.

— Нѣтъ, Вася, не выздоровѣть мнѣ, и не надо мнѣ выздоравливать... Лишняя я на свѣтъ... Всегда я была лишняя, — промолвила старуха прерывающимся голосомъ. — Вѣдь вотъ теперь я все вспомнила: и дѣтство, и молодость, и замужество... Нѣтъ, Вася, не надо мнѣ выздоравливать...

Отецъ, молча и нахмуривъ брови, держаль ея руку, но его рука дрожала.

— Славный твой отецъ, отмѣнно хорошій отецъ! — шептала въ полузабытьѣ больная, вѣроятно, полагая, что держитъ мою руку. — Ты здѣсь, Саша? — спросила она спустя нѣсколько времени.

— Здѣсь, бабушка.

— То-то же; не уходи! Побудь здѣсь, я при тебѣ хочу умереть... Закрой мнѣ глаза... Первый покойникъ!

Матушка тихо плакала въ сторонѣ, но бабушка услышала.

— Не плачь! О чемъ плакать? Ты счастлива, не умрешь безъ сына... Онъ обожаетъ тебя...

Бабушка мучилась, ожидая дядю. Она его любила попрежнему, страстно, безгранично. Черезъ нѣсколько минутъ онъ пріѣхалъ и бросился къ ея кровати.

— А-а! на кончикѣ засталъ! — сказала она, и что-то въ родѣ улыбки пробѣжало по ея помертвѣлымъ губамъ.

Она опять впала въ забытье.

— Матушка! простите меня!

— Да, да, — бормотала старушка, не открывая глазъ.

— Простите, все мнѣ простите! — повторялъ дядя.

Въ его голосъ была и искренность, и мольба, и горечь; изъ глазъ одна за другою закапали слезы. Передъ нами уже стоялъ не комедіантъ, а человекъ, внезапно потрясенный сознаниемъ своихъ ошибокъ и боящійся, что смерть похититъ оскорбленную имъ душу, не давъ времени виновному услышать слово прощенья. Онъ былъ истинно жалокъ въ это время.

— Простите!

— Да, да, хорошо, — говорила бабушка, и вдругъ какъ будто ожила, воскресла, схватила руками голову дяди и прижала его къ своимъ губамъ. — Голубчикъ! миленькій! сокровище мое! Петенька! — заговорила она, осыпая его поцѣлуями. — Поцѣлуй меня, родной мой, первый мой! Дай мнѣ тебя благословить.

Едва владѣя рукою, она перекрестила дядю и въ совершенномъ изнеможеніи опустилась на подушки.

Прошло полчаса. Бабушка была спокойна

и молчала. Въ комнатѣ царствовала торжественная тишина.

— Не забудь, Вася, о чемъ я тебя просила, — промолвила больная и притянула руку моего отца къ своимъ губамъ.

Когда отецъ отнялъ отъ ея губъ свою руку, онѣ были уже неподвижны: вмѣсто бабушки лежалъ на постели холодный трупъ съ широко-открытыми глазами. Въ лицѣ выразалось недоумѣніе, это вѣчное выраженіе людского лица въ минуту смерти.

Отецъ съ минуту посидѣлъ у ея кровати и взглядывался въ ея лицо.

— Успокоилась! — проговорилъ онъ, вставая, и, тряхнувъ головой, пошелъ въ другую комнату.

Начались похоронныя хлопоты, монотонное чтеніе читальщика, панихиды, запахъ ладана и воску, тихій плачъ матушки и обмороки дядюшки и тетки, хожденіе праздныхъ зѣвакъ по комнатѣ, разсматриванье одежды покойницы и гробовыхъ украшеній, разпросы о цѣнѣ гроба, объ имуществѣ усопшей, о ея характерѣ и жизни, посѣщеніе важныхъ баръ и равнодушныя, почти оскорбительныя сло-

ва, обращенныя ими къ матушкѣ: „о чемъ плакать, надо благодарить Бога, что ока умерла“. Кто-то изъ нихъ спросилъ отца:

— Можетъ-быть, вы нуждаетесь въ деньгахъ?

— Если бы нуждался, то не хоронилъ бы, — отвѣчалъ онъ.

— Невѣжа! — почти громко говорили они между собою.

Послѣ потянулась погребальная процессія, множество хладнокровныхъ лицъ, множество щегольскихъ каретъ; кончилось послѣднее отпѣванье, стукъ земли о крышку гроба и разъѣздъ... Разъѣздъ послѣ чего? — Послѣ длинной комедіи, послѣ надрывающей сердце драмы, или просто послѣ никого не тронуваго, никому не понятнаго зрѣлища?

Не весело, господа, умирать такую смертью! Какое страшное чувство пустоты и безцѣльности жизни оставляетъ она въ душѣ присутствующихъ. Смотришь на покойника, вспоминаешь всю его жизнь, размышляешь, жилъ ли онъ для себя или для ближнихъ, ищешь оставленныхъ имъ дѣлъ, дорываешься, не застала ли его смерть за недоконченными

мъ планомъ новаго творенія, не высказалъ ли онъ міру новой великой истины, не пролил ли куда-нибудь капли свѣта! Ничего нѣтъ! Все пусто, все безцѣльно. вмѣстѣ съ трупомъ отжившаго человѣка зарывается въ могилу воспоминаніе о немъ. Молчаливо расходятся отъ свѣжей насыпи близкіе люди, что-то въ родѣ паническаго страха охватываетъ ихъ души: они боятся умереть такъ же, какъ онъ; уже не одну такую смерть видѣли они на своемъ вѣку, и бросаетъ ихъ въ дрожь полное ѣдкой ироніи язвительное слово русскаго юмориста: „славно умирають русскіе люди!“

А какъ живутъ?..

Смерть бабушки произвела и на меня такое же горькое впечатлѣніе. Я долго ходилъ въ раздумьѣ по нашей квартирѣ, на глазахъ наворачивались жгучія слезы, голова невольно клонилась на грудь. Передо мной проносилась наша русская жизнь... Но вотъ грустныя думы, мало-по-малу, стали разлетаться, чувство глубокой вѣры въ собственныя силы охватило душу, бодрый и гордый умъ проснулся, поднялась моя голова, подошелъ я къ открытому окну и, привѣтно улыбаясь Бо-

жъему дню и свѣтлому солнцу, промолвилъ:
нѣтъ, наше поколѣнье не исчезнетъ такъ
безслѣдно съ земли!..

XI

Публичный актъ

11 іюня. Въ знакомой читателю школьной залѣ, по обыкновенію, собрались сотни постороннихъ людей, попечителей училища, учителей и учениковъ. Два года тому назадъ, въ этой же залѣ, былъ я публично опозоренъ директоромъ, рыдалъ и думалъ: никогда не подняться мнѣ снова! Но всеуносящее время унесло и мои слезы, и мое отчаянье; поднялся я, и настала пора съ той же кафедрой, съ которой топтали въ грязь мое самолюбіе, сказать мою послѣднюю школьную рѣчь, полную гордыхъ словъ и сознанія нашихъ ученическихъ заслугъ, привлечь къ себѣ одобрительное вниманіе публики, быть-можетъ, той же самой праздношатающейся, безпечной публики, которая съ любопытствомъ наслаждалась моею безпомощною и жалкою слабостью два года тому назадъ. Читатель знаетъ, почему я

долженъ былъ хвастать своими заслугами, и не упрекнетъ меня за хвастовство; но я не имѣю привычки маскировать свои чувства; я краснѣлъ и конфузился, когда писалъ и заучивалъ рѣчь, но лишь только вступилъ я въ эту ненавистную мнѣ залу и увидалъ толпу, безъ цѣли собравшуюся сюда, тогда во мнѣ вдругъ пробудилось какое-то нервное, раздражительное желаніе гордо поднять голову передъ этой толпой, дозволяющей столько лѣтъ терзать ея дѣтей варварами-учителями и любующейся, какъ позорять передъ нею чужихъ сыновей. Я чувствовалъ, что рѣчь заносчива и смѣла. По окончаніи акта я уже стыдился этого невольнаго чувства и снова любилъ и жалѣлъ эту публику, плохо воспитанную, безсильную, по отсутствію общихъ взглядовъ и твердыхъ убѣжденій, неумѣющую устраивать свои дѣла; опять видѣлъ въ ней не стоголавое чудовище, а беззащитнаго ребенка, нуждающагося въ добрыхъ наставникахъ.

Послѣ обычныхъ директорскихъ фразъ съ присѣданьями и расшаркиваньями, начались ученическія рѣчи. Въ первой, латинской

рѣчи, трактовалось о пользѣ изученія древнихъ языковъ; ея изложеніе было мертвое и вялое, ученикъ считывалъ ее отъ начала и до конца; видно было, что онъ не сознаетъ того, что говорить. Директоръ былъ недоволенъ, публика зѣвала. За латинскою рѣчью послѣдовала нѣмецкая, произнесенная Рейтманомъ-сыномъ. Это были воспоминанія о прелестяхъ школьной жизни, о грустномъ чувствѣ, порождающемся въ душѣ учениковъ при разлукѣ съ училищемъ съ милыми стѣнами, охраняющими дѣтей отъ житейскихъ заботъ и волненій, съ его учителями, заступавшими для дѣтей мѣсто родителей, съ любимыми братьями-товарищами. Вся рѣчь состояла изъ цвѣтовъ краснорѣчія, риторической грусти. Калининъ хохоталъ, какъ сумасшедшій, комментируя шопотомъ каждое выраженіе и говоря мнѣ, что Рейтманъ сейчасъ будетъ прощаться съ розгами и пошлетъ воздушный поцѣлуй той скамьѣ, на которой его растягивали при сѣченіи. Воротничынъ увѣрялъ, что съ нимъ дурно дѣлается, а Розенкампфъ злился и весьма неприлично ругался. Рѣчь кончилась. Рейтманъ сошелъ

съ каѳедры и прямо попалъ въ разверстыя объятія своего родителя.

— O, du bist ein dankbares Kind, — ты благодарное дитя, — восторженно произнесъ Рейтманъ-рѣге, слезливо высмаркиваясь и отирая табачнымъ платкомъ сальныя губы, чтобы облобызать ненаглядное дѣтище, которому во все время ученья ежедневно доставалось среднимъ числомъ по двѣ оплеухи.

Публика была тронута; вымученное краснорѣчіе увлекло и ее: о правдѣ всего сказаннаго никто и не думалъ. Настала моя очередь.

— Смѣлѣ! — шепнулъ мнѣ Носовичъ, когда я всходилъ на каѳедру.

Мой наставникъ и не вообразалъ, что его воспитанникъ и безъ этого ободренія былъ смѣлымъ и даже черезъ мѣру смѣлымъ въ эту минуту.

Я началъ говорить.

Подобно Рейтману-сыну, я толковалъ о чувствѣ грусти, пробуждаемой въ выпускныхъ ученикахъ разлукою съ товарищами, не окончившими ученья, и съ учителями; объяснилъ, что это чувство было бы мелочно и не

имѣло бы никакого значенія, если бы оно было слѣдствіемъ простой привычки къ однимъ и тѣмъ же лицамъ, а не вытекало бы изъ сознанія, что мы были нужны этимъ личностямъ и пробудили въ нихъ своею дѣятельностью прочную и разумную любовь, и наоборотъ. Сказалъ, что только взаимная помощь, оказываемая людьми другъ другу, оставляетъ въ нихъ прочныя воспоминанія и вполне оправдываетъ ихъ слезы при разлукѣ. Затѣмъ я упомянулъ о благодѣтельномъ вліяніи на насъ директора, которое привело насъ къ сознанію необходимости помогать и облегчать тяжелый трудъ учителей. Описалъ наше предпріятіе, ходъ дѣла въ теченіе двухъ лѣтъ и очевидную его пользу; перечислилъ учениковъ, казавшихся лѣнивыми и сдѣлавшихся подъ нашимъ руководствомъ прилежными; доказалъ, что они и прежде были не лѣнивы и только требовали руководителей, чтобы сдѣлаться лучшими воспитанниками. Исчисливъ пользу нашего дѣла, я объяснилъ, какъ легко его продолжать, потому что оно отнимаетъ у старшихъ воспитанниковъ только одинъ часъ въ день и не мо-

жетъ быть имъ въ тягость, между тѣмъ приносить пользу и имъ самимъ, давая возможность повторять давно пройденныя и полузабытыя начала наукъ и приучая молодыхъ людей къ дѣятельности. Я польстиль директору, озабоченному процвѣтаніемъ школы, поблагодарилъ учителей за ихъ поддержку во всякомъ благомъ предпріятіи и замѣтилъ, что родителямъ остается только благодарить ихъ и своимъ сочувствіемъ упрочить начатое. «Впрочемъ, — окончилъ я рѣчь, — дѣло такъ очевидно-полезно, что положительно нѣтъ ни одного человѣка въ школѣ, не сочувствующаго ему, и потому, разставаясь съ товарищами, я могу имъ пожелать однихъ успѣховъ на избранномъ ими пути. Они, подобно намъ, будутъ исполнителями идей господина Сарторіуса, помощниками учителей и любимыми друзьями младшихъ воспитанниковъ. Въ день разлуки со школою имъ будетъ такъ же грустно, какъ намъ, но и ихъ утѣшитъ мысль, что, можетъ-быть, на всю жизнь сохранятъ о нихъ воспоминаніе ихъ маленькіе друзья, какъ они сами сохранятъ воспоминаніе объ учителяхъ».

Я кончилъ рѣчь; она произвела на присутствующихъ желанное впечатлѣніе. Сходя съ кафедры, я увидѣлъ приближавшагося ко мнѣ директора съ сіяющимъ лицомъ. Онъ крѣпко пожалъ мою руку и подвелъ меня къ одному изъ попечителей училища.

— Это, ваше превосходительство, одинъ изъ исполнителей моихъ идей, дитя моего сердца, — сказалъ Сарторіусъ.

— Дѣльно, дѣльно, молодой человѣкъ! Старайтесь всегда заслуживать одобреніе начальства! — густымъ басомъ наставилъ меня его превосходительство.

— Постараюсь, — отвѣчалъ я.

— Передайте отъ меня мой поцѣлуй вашимъ друзьямъ.

При этихъ словахъ особа приложилась губами къ моей щекѣ.

Я раскланялся и поспѣшилъ къ своимъ друзьямъ, чтобы передать имъ поцѣлуй его превосходительства. Проходя между стульями, на которыхъ сидѣли посторонніе люди, я былъ нѣсколько разъ остановленъ матушками и папеньками своихъ бывшихъ воспитанниковъ-товарищей; они благодарили меня за

заботы о ихъ дѣтяхъ и просили передать ихъ благодарность товарищамъ. Пожатіямъ рукъ и привѣтствіямъ не было конца.

Рейтманъ, между тѣмъ, горячо выговаривалъ Носовичу за то, что тотъ пропустилъ рѣчь.

— Рѣчь отличная, господинъ Рейтманъ, мы съ директоромъ отъ нея въ восторгъ, — прищуривъ глаза, сказалъ Носовичъ.

— Но это скандалъ, безумецъ — der Tollkopf — хвасталъ передъ публикою своими заслугами, у него стыда нѣтъ!

— Молодежь горячо стоитъ за свое дѣло, господинъ Рейтманъ, намъ съ вами такъ не стоять, ноги наши слабы стали, — улыбнулся Носовичъ.

Рейтманъ чувствовалъ, что его дѣло проиграно, что эта публика и попечители сдѣлались не моими и моихъ товарищей сторонниками, но сторонниками нашего дѣла, враждебнаго ему; что уничтожить это дѣло директоръ не можетъ, не компрометируя себя передъ попечителями. По окончаніи акта мы всѣ стали прощаться другъ съ другомъ, пришлось прощаться и съ Рейтманомъ. Я по-

дошелъ къ нему; онъ сухо сказалъ мнѣ:

— Вамъ я не могу пожелать ничего; при вашей самонадѣянности всѣ мои желанія покажутся вамъ мелкими. Но да благословить васъ нашъ Господь, Иисусъ Христосъ, и да озаритъ Онъ вашу душу смиреніемъ и покорностью; при вашемъ положеніи въ свѣтъ это всего нужнѣе.

Я расшаркался и поспѣшилъ отойти отъ богобоязливаго палача беззащитныхъ дѣтей.

Черезъ нѣсколько дней наше общество собралось на обѣдъ къ Носовичу. Калининъ, я и Розенкампфъ уѣзжали изъ Петербурга черезъ два дня. Воротницынъ-отецъ хлопоталъ о позволеніи ѣхать съ сыномъ за границу. Мы были веселы и оживлены. Говорили всѣ вдругъ и очень много, отвѣчали не то, что нужно, и хохотали до слезъ. Розенкампфъ подсмѣивался надъ Воротницынымъ, называлъ его будущимъ мягкосердечнымъ профессоромъ и спрашивать, сколько пятерокъ поставитъ онъ своимъ будущимъ слушателемъ.

— А теорію примиренія-то какъ онъ проповѣдуетъ, — трунилъ Николай,

принимая важную осанку и дѣлая серьезное лицо. — «Милостивые государи, все въ мірѣ совершается по неотразимымъ законамъ необходимости, потому примиряйтесь со всѣмъ, лягте въ грязь и изучайте, почему грязь не золото», — говорилъ онъ уморительно-сладкимъ и вкрадчивымъ голосомъ, подражая голосу Воротницына.

— «Чортъ побери, не хочу никому кланяться и служить, буду докторомъ, тамъ хоть проклятую жолчь угомоню, съ ней весь аппетитъ потеряешь!» — пародировалъ Воротницынъ Розенкампа.

— Они, Рудушка, раздражаютъ другъ друга и пойдутъ стрѣляться на пистолетахъ, — жалобнымъ голосомъ говорилъ Калининъ: — и не будетъ у насъ больше друзей, останемся мы сиротами на бѣломъ свѣтѣ.

— Очень чувствительная исторія, — смѣялся я.

— Ахъ, вы, земляники мои! — довольнымъ голосомъ промолвилъ Носовичъ. — Весело шутки шутить, когда совѣсть чиста!

Обѣдъ кончился. Хозяинъ взялъ бутылку вина и сталъ ее откупоривать.

— Ну, — сказалъ онъ, наливая наши рюмки: — теперь чокнемтесь, будущіе студенты, и выпьемъ на ты. Хочу я сегодня свою студентскую старину вспомнить. Когда-то придется мнѣ опять встрѣтиться съ вами.

Мы всѣ встали.

— Спасибо тебѣ, Николай Павловичъ! ты крестный отецъ нашего развитія, — заговорилъ Калининъ и могучею рукою обнялъ Носовича и прижалъ его къ своей широкой, молодой груди. — Не забудемъ мы тебя никогда...

У старика навернулись на глаза слезы. Его усадили на диванъ.

— Ничего, друзья, ничего! Расчувствовался я на старости лѣтъ, да вѣдь я не стыжусь чувства. Желая каждому изъ васъ испытать когда-нибудь то же отрадное чувство, которое испытываю я, глядя на васъ, молодыхъ, бодрыхъ, честныхъ. Пробивайте себѣ честно широкій путь дѣятельности: еще трудно по немъ ходить, но утопчуть и углядять его молодыя ноги. Не всѣ выходятъ изъ школъ такими трезвыми людьми, какъ вы; но уже многіе выходятъ такими. Надежда есть; что будетъ — покажетъ время. Унывать нечего.

*Не скучайте на прощаньи, будьте
веселы и бодры:
Такъ, знать, Богъ судилъ — раз-
станемся,*

Но когда-нибудь и свидимся.

— Свидимся, свидимся, Николай Павловичъ! обнимемся опять съ тобою! — говорили мы, окруживъ старика: — и не покраснѣешь Ты за насъ, не отдернешь отъ насъ своей честной руки. Будь счастливъ!

XII

Прощанье съ читателемъ

Пора и мнѣ проститься съ читателемъ. Мнѣ очень грустно разставаться съ нимъ, я уже успѣлъ полюбить его всею душою за его терпѣнье. Онъ дочиталъ эту поучительную, но малоинтересную исторію безъ завязки и потрясающихъ сценъ; это великая заслуга съ его стороны. Публика давно пріучилась видѣть въ литературныхъ произведеніяхъ забаву, годную для развлеченія въ минуту праздной скуки, она считаетъ писателей за скомороховъ, и писатели, томимые жаждой

денегъ и славы, пляшутъ передъ ней до излома костей, пускаютъ въ ходъ и пистолеты, и палки, и ядъ, и кражу, только бы потрясти нервы. Въ одной повѣсти вычисляются удары розогъ, доставшіеся бѣглому мужику, высчитываются капли пролитой въ этой экзекуціи крови, и публика приходитъ въ ужасъ именно отъ числа ударовъ и капель пролитой крови, думая въ наивномъ состраданіи: «ну, поскли бы, да не такъ сильно, а это уже ни на что не похоже!» Въ другой, одинъ изъ пятидесяти героевъ заряжаетъ пистолетъ или наливаетъ въ рюмку яду и подноситъ одну изъ этихъ губительныхъ вещей къ своему разинутому рту: публика начинаетъ нюхать спиртъ и съ трепетомъ продолжаетъ чтеніе, но, — увы! — вмѣсто трагической развязки она встрѣчаетъ нѣсколько многознаменательныхъ точекъ... Во всемъ этомъ проглядываетъ умѣнье щекотать помѣщицу-публику; этимъ же умѣньемъ отличались въ старину дворовыя дѣвки, щекотавшія пятки помѣщицъ, отходившихъ ко сну. Содержаніе современныхъ романовъ выходитъ, такимъ образомъ, весьма потѣшное, но утомитель-

ное до крайности: дѣйствующія лица смѣшиваются въ одну безразличную и безличную массу пляшущихъ привидѣній; у зрителя кружится голова, онъ отрывается отъ книги въ какомъ-то умственномъ отупѣніи. Состояніе, похожее на положеніе пьянаго человѣка, облитаго водой. Невольно радуешься, встрѣчая людей, ищущихъ не такихъ удовольствій, и дѣлаешься ихъ другомъ, расстаешься съ ними не безъ грусти и спѣшишь на прощанье сказать еще нѣсколько недосказанныхъ словъ.

Молодые дѣйствующія лица моей исторіи вспорхнули со своихъ мѣстъ и, какъ перелетныя, вольныя птицы понеслись изъ Петербурга. Веселы и шумны были проводы, всѣ надѣялись увидѣться, сойтись черезъ годъ въ Москвѣ и снова зажить разумною, дѣятельною и счастливою жизнью, принося сильную пользу себѣ и ближнимъ. Будущность не пугала ихъ, какъ угрюмое привидѣніе, но манила и звала къ себѣ: они ей были нужны, они готовились быть колесами и винтами управляемой ею машины, а не выгодными колодами, гніющими на пути и

мѣшающими спѣшному шествованію людей впередъ. Но зачѣмъ же они бѣжали изъ Петербурга въ Москву? Развѣ только тамъ можно жить и дѣйствовать честнымъ людямъ? Развѣ здѣсь омутъ, пучина? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Города всѣ равны; для насъ же Петербургъ самъ по себѣ былъ милѣе всѣхъ другихъ городовъ; мы привыкли къ нему и, можетъ-быть, никогда не разстались бы съ нимъ, если бы было можно не встрѣтиться въ немъ съ разными постылыми личностями, не слышать безсмысленныхъ рѣчей и розсказней старыхъ знакомыхъ, не тревожиться семейною грязью. Мы чувствовали невозможность всего этого и, желая совершенно новой, нами и по нашему устроенной жизни, переселились. Намъ нужна была полнѣйшая свобода, нужна была возможность жить вмѣстѣ. Больше мы ничего не желали, зная, что всѣ остальные блага сумѣемъ добыть своими молодыми силами и упорнымъ трудомъ.

Черезъ годъ мы встрѣтились въ Москвѣ, наняли вмѣстѣ квартиру. Пошла наша жизнь по-нашему. Въ продолженіе недѣли кипѣлъ и поспѣвалъ нашъ трудъ, каждый членъ зара-

ботываль по-своему деньги, умножая общій капиталъ, и не боялся въ случаѣ болѣзни остаться безъ присмотра и безъ ѣды, какъ это часто случается съ бѣдными одинокими студентами, умирающими въ дрянныхъ больницахъ. По праздникамъ собирался у насъ кружокъ разной молодежи, лились сужденья, кипѣли споры; не юлилъ, не вертѣлся человекъ, рѣшаясь высказать своему собесѣднику рѣзкое слово правды, и не злился этотъ собесѣдникъ, выслушивая правду. Свобода мнѣній была у насъ полная. Новому знакомому сначала казалось страннымъ, что въ этомъ обществѣ безбородой молодежи часто появлялись два старика: мой отецъ и моя мать; но, мало-по-малу, онъ знакомился со стариками и понималъ, что если съ ними нельзя говорить о научныхъ предметахъ, то всегда можно посоветоваться въ трудныхъ житейскихъ дѣлахъ, не боясь услышать отъ нихъ нелѣпый или подлый совѣтъ. Ихъ часто называли посторонніе юноши отцомъ и матерью, что, разумѣется, возбуждало веселый смѣхъ кружка, а отецъ шутливо говаривалъ: «Значить, у насъ сегодня родины, семьи при-

было. Право, выгодно имѣть такихъ дѣтей, которыя хлѣба не просятъ, а уваженіе оказываютъ». Ни тѣни сентиментальности и приторности не было въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ; но мы искренно любили другъ друга и не стыдились это высказывать.

— Ужъ вы не цѣлуетесь ли между собою, когда остаетесь наединѣ? — спросилъ кто-то у Калинина, услышавъ отъ него, что онъ горячо любитъ насъ.

— Зачѣмъ цѣловаться! Поцѣлуй одна штука, а любовь другая штука, — отвѣчалъ Калининъ, улыбаясь.

— Все же это пахнетъ маниловщиной. Я кромѣ себя никого не люблю.

Господинъ, говорившій это, называлъ себя нигилистомъ.

— Ну, значитъ, недодѣланный ты человекъ, ты плохо себя любишь, если любви друзей не ищешь. Ты, братъ, видно, не бывалъ въ передѣлкахъ, когда радъ бы въ ноги всѣмъ кланяться, только, бы друга помощника найти.

— Такъ, значитъ, ты друзей за ихъ способность къ услугамъ любишь?

— Именно такъ! только замѣни слово «услуга» словами: «помощь и защита». Спроси Рудаго и братію, они то же тебѣ скажутъ.

— Это какая-то мѣщанская проза.

— Вотъ и выходитъ, что ты недодѣланный человѣкъ. Не мѣщанская проза и не маниловщина тутъ, а настоящія людскія отношенія. Понадобится кому-нибудь изъ моихъ друзей, чтобъ я его поцѣловаль — ну, и поцѣлую; понадобится моя защита — защищу. То же сдѣлаетъ и для меня каждый изъ нихъ... Поцѣлуй-то я, разумѣется, для красоты слова привель: этого добра моимъ друзьямъ, можетъ-быть, и въ вѣкъ не понадобится.

Въ минуту мимолетныхъ размолвокъ мы знали, что завтра же посмѣемся надъ своей горячностью и ругнемъ себя телячьими головами. Трудъ нашъ спорился легко, потому что мы читали вмѣстѣ книги и ежедневнымъ обмѣномъ мыслей ускорили свое развитіе. Стычки съ посторонними людьми, разныя житейскія непріятности и огорченія — все забывалось въ дружескомъ кругу и не оставляло въ насъ страшнаго слѣда мелочной раздражительности и бесполезнаго озлобленья, это-

го медленнаго яда, убивающаго людей и физически, и нравственно. Когда-нибудь мои друзья издадутъ написанныя ими записки о ихъ послѣдующей жизни, и потому я кончаю здѣсь мою исторію. Ихъ исторіи будутъ интереснѣ моей, тамъ будутъ и герои, и героини и, значить, будетъ эффектная завязка. Это уже не будетъ описаніе однихъ гнилыхъ болотъ, гдѣ каждый поетъ свою гадкую пѣсню и старается отравить ею жизнь собрата, откуда изъ пятидесяти человѣкъ выходятъ только девять или десять порядочныхъ, да и тѣ сознають, что имъ нужно во многомъ передѣлать себя... Богъ съ вами, гнилыя болота! высыхайте, зарастайте свѣжею травою, или, пожалуй, предавайтесь попрежнему гніенію. Теперь вы не страшны. Все молодое, трезвое, мыслящее и живое не боится васъ; осушаетъ себѣ клочокъ земли и живетъ спокойно, и рукъ прибавляется съ каждымъ днемъ все больше и больше. На вашей почвѣ могутъ только доживать свой вѣкъ, не осушивъ клочка своей земли, Пьеры, эти вчерашніе либералы, сегодняшніе тормоза, Катерины Тимоѣевны, покупающія по дешевой цѣнѣ

продающихъ себя съ аукціона мужей, Рейтманы, избивающіе, подобно фараону, младенцевъ, Гро, презирающіе тѣхъ же младенцевъ за то, что они не родились съ бородами и густымъ басомъ, — все это покойники, которыхъ забыли похоронить, какъ похоронили мою несчастную бабушку... Кстати о ней. Надъ ней, читатель, судьба даже послѣ ея смерти сотворила послѣднюю насмѣшку, и самую горькую изъ всѣхъ насмѣшекъ, потому что ей даже и конца не предвидится: дядя окружилъ могилу бабушки великолѣпной рѣшеткой, усыпаль толченымъ кирпичомъ, усадилъ цвѣтами и посрединѣ положилъ бѣлую мраморную плиту, на которой крупными золотыми буквами написано: «княжна Тресково-Обухова» и очень мелкими: «въ замужествѣ Друри». Теперь въ продолженіе долгихъ лѣтъ будутъ проходить мимо этой могилы черносалопницы, обычныя посѣтительницы кладбищъ, и говорить между собою: «Вогъ-то счастливица, поди-ка, и на землѣ-то ей только птичьего молока недоставало, да и теперь-то лежитъ посреди этого благолѣпія. Палестина, мать моя, суцая Пале-

стина!..»

Бѣдная старуха!

Давно мои друзья разстались со мною и разбрелись по разныхъ угламъ Россіи, но разстались съ твердою надеждою, что въ трудныя минуты жизни у каждаго изъ насъ найдется и совѣтчикъ, и заступникъ, если въ немъ будетъ потребность. Мои друзья стали дѣльцами, работниками общества и живутъ хорошо. И вы, читатель, встрѣчаетесь съ ними ежедневно, старайтесь же ближе сойтись съ ними. Не тревожьтесь, слушая слишкомъ рѣзкія рѣчи Розенкампа, не смущайтесь рьяною любовью Калинина къ народу, не считайте слабостью мягкосердечіе Воротницына: онъ далеко не трусь. Всѣ они люди хорошіе, умные. Что вамъ за дѣло, на примѣръ, слыветъ ли теперь Розенкампъ ярымъ нигилистомъ или нѣтъ, если вы знаете, что онъ не паркетный шаркунъ, пускающій пыль въ глаза неученому обществу, не полотерь Невскаго проспекта и Англійской набережной, не пошлая тупица, повторяющая чужія фразы и щеголяющая своею подслѣповатостью, а умный и опытный докторъ, старающійся помо-

гать развитію своей науки, и безукоризненно добрый человекъ? Знакомьтесь съ ними и не спрашивайте объ ихъ убѣжденіяхъ; вамъ нужно знать одно; убѣждены ли они въ возможности жить честно и живутъ ли такъ сами. Все остальное до васъ не касается. Дорываясь до прочихъ убѣжденій людей и воздвигая зато гоненія на нихъ, вы нарушаете единственное, неотъемлемое право человека: право имѣть свою собственную фізіономію и личный характеръ. Такого варварства не совершаютъ даже надъ преступникомъ и, наказывая его за то, что онъ не вѣрилъ въ возможность жить честно, оставляютъ при немъ всѣ остальные его убѣжденія. Для общества нужны только честные дѣятели.

Теперь прощайте надолго...

1864

Примечания

1

Богъ создалъ свѣтъ, когда Шпиценъ былъ еще въ Доритѣ.

[^^^]